СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ

ПРЕМІЙ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ

19 октября 1904 года

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Оглавленіе.

Приложеніе.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ПРОФ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1904 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ году, на соисканіе премій покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ А. А. Котляревскаго было представлено всего *пять* сочиненій, но одно сочиненіе было устранено отъ участія въ конкурсѣ на томъ основаніи, что оно не удовлетворяетъ § 7-му Правилъ о присужденіи премій имени проф. Котляревскаго, какъ не имѣющее характера изслѣдованія.

Такимъ образомъ разсмотрѣнію и обсужденію Комиссіи, постановлявшей рѣшеніе о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ текущемъ году, подлежало всего *четыре* труда. Къ участію въ разсмотрѣніи двухъ изъ нихъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности посторонніе ученые: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета В. К. Поржезинскій и магистрантъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Г. М. Князевъ, а остальные два труда были разсмотрѣны ординарными академиками В. И. Ламанскимъ и Е. Е. Голубинскимъ.

Въ составъ Комиссіи, постановлявшей рѣшеніе о присужденіи премій проф. Котляревскаго, вошли члены Отдѣленія, ординарные академики: Ф. Ѳ. Фортунатовъ, В. И. Ламанской, Ѳ. Е. Коршъ, А. И. Соболевскій и Е. Е. Голубинскій, а также приглашенъ былъ въ засѣданіе рецензентъ (какъ проживающій въ С.-Петербургѣ) магистрантъ Г. М. Князевъ.

Приводимъ ниже краткіе отзывы о *трехъ* сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

Dr. Jan Kvačala: — «*Korrespondence Jana Amosa Komenského*. I. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Nová sbirka. V Praze, 1898; — II. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů. Mensí latinské spisky některe, 1902 («Spisy Jana Amosa Komenského». Čislo 1-a 5).

Разборъ настоящаго сочиненія принялъ на себя академикъ В. И. Ламанскій.

Два тома сборниковъ Переписки Яна Амоса Коменскаго (Korrespondence J. A. Komenského a vrstevníků jeho. Zprávy o žiwotě ze současných pramenů. I т. 1898 г. XXIV+373 стр. II т. XXX+351 стр. итого 770 стр.) слишкомъ большой осьмушки компактной печати, — составляютъ плодъ тщательныхъ изысканій и работъ въ нѣсколькихъ библіотекахъ и музеяхъ: а именно 1) въ старомъ Архивѣ Чешскихъ братьевъ (Jednoty), перенесенномъ изъ Моравіи въ Великую Польшу (въ Лѣшнѣ), и послѣ разгрома отъ пожара переведенномъ частью въ Бреславль и частью сданномъ въ руки Д. Яблонскаго, внука Коменскаго для пополненія и окончанія историческаго труда Регенвольсція. Часть этого архива появилась потомъ въ Познани, часть пріобрѣтена была по стара-

ніямъ проф. Пуркини, Чешскимъ Музеемъ въ Прагѣ, — 2) въ святоянской церкви г. Лѣшна, — 3) въ архивѣ въ Познани, — 4) въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ, — 5) въ Чешскомъ Музеѣ, — 6) въ архивѣ Гернгутскомъ, — 7) въ Британскомъ Музеѣ — въ бумагахъ Гартлиба, Пелля (большія коллекціи), — 8) въ Бодлейянской библіотекѣ, — 9) въ Архивѣ Британскаго королевскаго ученаго Общества (Royal Society), — 10) въ семейномъ архивѣ Ракоціевъ въ Венгріи, — 11) въ семейномъ архивѣ Мѣднянскихъ въ Венгріи, — 12) университетской библіотекѣ въ Упсалѣ, — 13) государственномъ архивѣ въ Цюрихѣ, — также въ разныхъ городахъ Голландіи, Даніи и Германіи, въ Антверпенѣ, въ Утрехтѣ, въ Штутгартѣ, Вольфенбюттелѣ, въ Ганноверѣ, въ Гамбургѣ, въ Берлинѣ, въ Данцигѣ, въ Бреславлѣ и въ Готѣ.

Сверхъ того изъ разныхъ рѣдкихъ печатныхъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій извлечены проф. Квачалой различныя письма Коменскаго и разныхъ лицъ къ нему. Наконецъ въ Приложеніяхъ къ своему сборнику «Переписки Коменскаго» Квачала издалъ или перепечаталъ мелкія сочиненія и записки Коменскаго, сохранившіяся въ весьма рѣдкихъ экземплярахъ.

Эти тщательныя изысканія новыхъ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности великаго Яна Амоса Коменскаго находятся въ тѣсной связи съ прекраснымъ, основательнымъ трудомъ проф. Квачалы, лучшею біографіею Коменскаго, выпущенною имъ въ 1892 году подъ заглавіемъ: «J. A. Comenius, sein Leben und seine Schriften» (въ 8-ую долю листа 480 стр. текста и 89 стр. петитомъ примѣчаній и приложеній). Въ обширной Европейской литературѣ о Коменскомъ трудъ проф. Квачалы занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Этотъ трудъ находится въ тѣсной связи съ двумя упомянутыми томами сборника Переписки, съ одной стороны и съ другой съ цѣлымъ рядомъ статей о Коменскомъ, напечатанныхъ имъ въ теченіе пяти лѣтъ до 1892, выпуска большой біографіи Коменскаго. Вотъ эти статьи 1) «Ueber J. A. Comenius Philosophie, insbesondere seine Physik» (Лейпц.

1886 Inaugural- Dissertation), 2) «J. A. Comenius und Baco (Leipz. Pädagogium 1888), 3) Библіографическій обзоръ большихъ и малыхъ произведеній Коменскаго (въ Zeitschrift für österreichische Gymnasien. Wien, 1889). Наконецъ въ мадьярскихъ журналахъ Szazadok (1888) и Budapesti Szemle (1889) проф. Квачала напечаталъ три статьи: Коменскій и Ракоціи, о Драбикѣ и Бистерфельдѣ, тѣсно связанныхъ съ Коменскимъ.

Принимая во вниманіе высокое значеніе Коменскаго, какъ великаго дѣятеля просвѣщенія и какъ классическаго чешскаго писателя и крупнаго историческаго дѣятеля въ чешско-моравской реформаціи съ одной стороны, а съ другой высокія достоинства и важность ученыхъ изысканій и изслѣдованій проф. Квачалы въ продолженіи слишкомъ шестнадцати лѣтъ, г. рецензентъ ходатайствуетъ о награжденіи проф. Квачалы полной преміей въ тысячу рублей.

II.

Н. Петровскій: *О сочиненіяхъ Петра Гекторовича»*, 1487—1572 г. (Казань, 1901). 8°. Стр. 320.

Рецензія на трудъ Н. М. Петровскаго по просьбѣ Отдѣленія написана Г. М. Князевымъ.

Книга г. Петровскаго отвѣчаетъ одному изъ наиболѣе живыхъ интересовъ и запросовъ современнаго славяновѣдѣнія: за послѣднія тридцать лѣтъ въ изданіяхъ Югославянской Академіи «Stari pisci hrvatski» одинъ за другимъ появились въ печати многіе старинные дубровницкіе и сербо-далматскіе писатели и постепенно сдѣлались общимъ научнымъ достояніемъ многія произведенія старинной хорватской литературы, и въ настоящее время настоитъ положительная необходимость научной разработки имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ для біографій этихъ писателей, критическаго изслѣдованія текстовъ и изученія литературной исторіи внутренняго содержанія изданныхъ произве-

деній; независимо отъ этого спеціальнаго интереса, изученіе памятниковъ славянской литературы и образованности хорватскаго поморья, на рубежѣ двухъ историческихъ цивилизацій и на почвѣ живого взаимодѣйствія двухъ различныхъ племенныхъ стихій, имѣетъ свою особенную привлекательность, представляя не мало любопытнаго матеріала для наблюденій въ направленіи болѣе или менѣе научнаго выясненія отличительныхъ, характерныхъ чертъ славянскаго культурнаго типа въ его историко-литературныхъ опредѣленіяхъ. Изслѣдованіе г. Петровскаго о сочиненіяхъ автора одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній сербо-далматской литературы XVI столѣтія: «Ribanje i ribarsko prigovaranje» является существенно цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу предмета въ указанномъ направленіи. Въ первой, вступительной главѣ авторъ, съ цѣлью выясненія исторической перспективы для изученія Гекторовича, устанавливаетъ болѣе или менѣе достовѣрно, оказывавшіяся часто до послѣдняго времени очень сомнительными, хронологическія опредѣленія литературныхъ явленій на хорватскомъ поморьѣ со времени перваго, указаннаго Иречкомъ, свидѣтельства о существованіи свѣтской поэзіи въ Дубровникѣ въ «Liber statutorum doane» и даетъ краткія характеристики внутренняго значенія литературной дѣятельности наиболѣе извѣстныхъ предшественниковъ и современниковъ изучаемаго писателя: С. Менчетича, Георг. Држича, Чубрановича, Марулича и Ветранича, сообщая въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ цѣнныя свѣдѣнія о рукописяхъ, изданіяхъ и изслѣдованіяхъ, относящихся къ предмету изложенія. Затѣмъ онъ излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Гекторовичѣ въ связи съ характеристикою внутренняго состоянія Хвара въ началѣ XVI вѣка, даетъ критическій обзоръ изданій и рукописей сочиненій поэта (II гл.) и разсматриваетъ его произведенія: «Od lika ljubenoga» (III гл.), «Ribanje» (IV—V), приписываемую ему хорватскую драматизацію житія св. Лаврентія (VI гл.) и мелкія, хорватскія и латинскія, стихотворенія (VII гл.), изслѣдуя ихъ тексты и выясняя литературную исторію каждаго изъ нихъ. Въ

связи съ поэмою «Ribanje» разсматривается вопросъ о происхожденіи «осмерца» у хорватовъ и о «бугарштицахъ», а при изученіи хорватской драмы о св. Лаврентіи разбирается итальянскій оригиналъ ея «La Rappresentazione di santo Lorenzo» въ сопоставленіи съ житіями св. Сикста и Лаврентія въ изданіиБолландистовъ (версія Адона съ разночтеніями изъ редакціи Сурія и др.); вопросъ о принадлежности хорватской драмы Гекторовичу авторъ рѣшаетъ, какъ и Лескинъ, отрицательно, прибавляя новые доводы въ пользу такого рѣшенія со стороны языка и внутренняго содержанія сомнительнаго произведенія. Наконецъ, въ приложеніи г. Петровскій представляетъ опытъ исправленія испорченныхъ мѣстъ «Prikazanja života s. Lovrinca mučenika.» Содержаніе книги не ограничивается изслѣдованіемъ предмета темы: въ примѣчаніяхъ она представляетъ множество весьма цѣнныхъ указаній и сообщеній и по другимъ разнымъ вопросамъ, затрагиваемымъ изложеніемъ; эти примѣчанія иногда затрудняютъ чтеніе книги, но въ результатѣ отнынѣ безъ нея едвали можно будетъ обойтись занимающемуся соотвѣтственнымъ періодомъ хорватской литературы, какимъ бы спеціально вопросомъ въ этой области ни интересоваться. Не со всѣми взглядами автора можно согласиться: такъ, онъ совершенно правильно опредѣляетъ внутренное значеніе поэмы Гекторовича, отмѣчая ея самобытность, непосредственную связь съ народною жизнію и реализмъ представленія, но напрасно считаетъ названнаго писателя стоящимъ особнякомъ, совершенно одинокимъ въ своемъ направленіи и произведеніе его явленіемъ единственнымъ и исключительнымъ для своего времени, несправедливо игнорируя и умаляя въ данномъ случаѣ значеніе такихъ современниковъ изучаемаго поэта, какъ Ветраничъ и Маринъ Држичъ; Ветраничъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе яркимъ и вообще замѣчательнымъ, при данныхъ общихъ условіяхъ литературнаго развитія, проявленіемъ въ сербо-далматской литературѣ XVI вѣка личнаго самосознанія по отношенію къ современной національной жизни и дубровницкому обществу, и жизненный реализмъ

большинства его значительныхъ произведеній не подлежитъ сомнѣнію, а М. Држичъ какъ въ своей драмѣ «Od poroda Isusova», такъ и въ «Тиренѣ» и комедіяхъ далъ цѣлый рядъ и образовъ и сценъ, полныхъ жизни и непосредственнаго отношенія къ современной дубровницкой дѣйствительности; не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности и данное авторомъ опредѣленіе значенія «дубровницкихъ діоскуровъ», не свободна отъ противорѣчія и недостаточно опредѣленна характеристика Марулича; сомнительна исторія итальянскаго происхожденія бугарштицъ (кор. bûgar отъ volgár-, vulgár). Но указанныя разногласія относятся преимущественно къ вопросамъ общаго характера и неизбѣжны при настоящей слабой еще разработкѣ данныхъ по исторіи сербодалматской литературы; г. Петровскій ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку путемъ критическаго изученія предмета прочнаго матеріала для научныхъ заключеній въ такой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало для того обслѣдованною. Сдѣланное имъ въ своей книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящей порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знаніемъ предмета. Присужденіе Отдѣленіемъ автору преміи имени проф. Котляревскаго было бы вполнѣ заслуженнымъ и справедливымъ признаніемъ за его трудомъ выдающагося научнаго значенія и авторитетнымъ поощреніемъ на дальнѣйшіе научные труды.

III.

С. М. Кульбакинъ: *«Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка»*. а) I. Фонетика сваженздскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ (СПб., 1903 г.) VIII + 224 стран. и б) III. Морфологія Сваженздскаго говора (и Тексты). СПб., 1904 г. 30 стран.

Настоящій трудъ былъ разсмотрѣнъ проф. В. К. Поржезинскимъ.

«Работы г. Кульбакина, заглавіе которыхъ выписано выше, посвящены описанію сважендзскаго говора, входящаго въ составъ великопольскаго нарѣчія, «главнымъ образомъ... съ точки зрѣнія историка языка», при чемъ выдѣленъ въ особый отдѣлъ «вопросъ о возникновеніи общепольскихъ долготъ» (стр. II). То обстоятельство, что морфологія сважендзскаго говора не вошла въ составъ книги: «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка», а издана отдѣльно, хотя и представляетъ собою по содержанію главу этого труда, которая должна была бы стать рядомъ съ очеркомъ фонетики того же говора, — объясняется, понятно, чисто внѣшними причинами случайнаго характера. Надо замѣтить еще, что заглавіе: «Морфологія сважендзскаго говора» не исчерпываетъ содержанія самой работы, такъ какъ на стр. 26—30 помѣщены въ видѣ приложенія образцы говора.

Фонетика сважендзскаго говора, которой посвященъ первый отдѣлъ книги г. Кульбакина (стр. 1—89), распадается на двѣ части: стр. 1—4 содержатъ «Обозначеніе звуковъ сважендзскаго говора», а стр. 4—89 обнимаютъ часть, озаглавленную: «Отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ». Первая часть разсматриваемаго отдѣла даетъ очень краткое описаніе природы звуковъ сважендзскаго говора.

Вторая часть перваго отдѣла, распадающаяся на девять главъ (самъ авторъ этого термина не употребляетъ), содержитъ очень добросовѣстное описаніе звуковыхъ особенностей говора въ связи съ исторіей языка. Мы положительно должны быть благодарны г. Кульбакину за то, что онъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ великопольскихъ говоровъ, а, какъ извѣстно, это нарѣчіе польскаго языка наименѣе затронуто изслѣдователями. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы описаніе говора было дано отдѣльно отъ исторіи его звуковъ и формъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и не могъ ставить себѣ цѣлью дать полный обзоръ исторіи даннаго говора; изслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ исторической грамматики польскаго языка, входящее въ составъ разбираемой части книги, равно какъ и вопросъ объ общепольской

долготѣ, выдѣленный авторомъ въ особый отдѣлъ, съ бо̀льшей пользой для дѣла могли бы быть представлены особо.

Если изъ труда г. Кульбакина «Къ исторіи и т. д.» мы извлечемъ все, что относится къ описанію звуковыхъ особенностей сважендзскаго говора, то мы получимъ довольно полное представленіе объ его характерныхъ чертахъ. Существеннымъ пробѣломъ представляется отсутствіе перечня тѣхъ случаевъ, гдѣ удареніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ. Въ народныхъ говорахъ эта особенность сказывается вообще чаще, чѣмъ въ литературномъ нарѣчіи.

Очеркъ морфологическихъ особенностей сважендзскаго говора, занимающій стр. 1—25 брошюры, изданной отдѣльно отъ главнаго труда, менѣе обстоятеленъ сравнительно съ очеркомъ фонетики того же говора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по выдѣленіи изъ общаго содержанія книги г. Кульбакина. Это, впрочемъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что опредѣленіе морфологическихъ, синтактическихъ и лексическихъ особенностей требуетъ значительно бо́льшаго времени, чѣмъ усвоеніе основныхъ фонетическихъ чертъ того или другого говора.

Что касается образцовъ языка, напечатанныхъ въ приложеніи къ очерку морфологіи сважендскаго говора, то они по содержанію самостоятельнаго интереса не представляютъ. Особенности говора переданы г. Кульбакинымъ добросовѣстно, и образцы вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію.

Итакъ, нужно признать, что, несмотря на нѣкоторые недочеты, очеркъ г. Кульбакина даетъ вообще достаточно полное представленіе о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ сважендзскаго говора; свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, имѣютъ тѣмъ бо̀льшую цѣнность, что о великопольскомъ нарѣчіи мы знаемъ очень немного: строго говоря, можно пользоваться для научныхъ цѣлей только данными г. Лецѣевскаго, относящимися къ говору Miejskiej Górki. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои работы по діалектологіи польскаго

языка и не ограничился настоящимъ первымъ опытомъ. Онъ, несомнѣнно, обладаетъ интересомъ къ занятіямъ этого рода, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и хорошее знаніе литературы предмета, обнаруженное имъ при сопоставленіи фактовъ описываемаго говора съ данными другихъ нарѣчій».

«Перехожу теперь», — говоритъ проф. Поржезинскій, — «ко второй части задачи, возникающей для рецензента работъ г. Кульбакина. Какъ мы видѣли, авторъ изложилъ матеріалъ, имъ собранный, «главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историка языка». При этомъ онъ невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора. «Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ» продолжаетъ авторъ, «я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Вырабатывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соотвѣтствущій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики. Сознаюсь, — рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной». «Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей,—въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи общепольской долготы» (стр. II).

Обзоръ фонетики распадается па 9 главъ, при чемъ въ особый отдѣлъ выдѣленъ вопросъ: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ», которому посвящена бо̀льшая часть книги: «Къ исторіи и діалектологія польскаго языка». Обзору морфологіи, какъ мы уже знаемъ, посвящена особая брошюра.

Въ области вокализма, которому отведена бо̀льшая часть перваго отдѣла и весь второй отдѣлъ, разсмотрѣно большинство вопросовъ, представляющихъ интересъ для изслѣдователя. Общій характеръ изложенія тотъ, что дается очеркъ исторіи вопроса, приводятся данныя изъ разныхъ говоровъ, поскольку они извѣстны, частью изъ старыхъ текстовъ. Авторъ опредѣляетъ въ

подлежащихъ случаяхъ исторію того или другого звука или звукового сочетанія въ самомъ общепольскомъ языкѣ. То обстоятельство, что г. Кульбакинъ не далъ общаго очерка общепольскаго вокализма, что онъ разбилъ нѣкоторыя его части по отдѣльнымъ главамъ книги, объясняется какъ общимъ характеромъ работы, такъ, думается мнѣ, и самою сложностью вопроса. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ его книгѣ экскурсы въ областъ исторіи общепольскаго языка, при чемъ почти совершенно обойденъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ ближайшимъ сородичамъ, къ прочимъ западно-славянскимъ языкамъ. Отсюда объясняется то, что авторъ отъ обще-славянскаго языка переходитъ обыкновенно прямо къ общепольскому языку. Теряя часть исторической перспективы, онъ, съ другой стороны, слишкомъ поддается вліянію буквы, знака. На стр. 21 онъ напр. говоритъ: «Польскій языкъ получилъ изъ об.-славянскаго носовые гласные *ǫ и *ę и тѣ же ǫ и ę, — оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако, соотвѣтствіе польскихъ ǫ и ę об.-словянскимъ *ǫ и *ę, какъ извѣстно, не полное...» Конечно, слова «*тѣ же*» относятся здѣсь не къ самимъ звукамъ и не могутъ относиться къ нимъ по самому существу дѣла, что ясно между прочимъ и изъ дальнѣйшаго положенія.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи польскаго вокализма является вопросъ о судьбѣ старыхъ носовыхъ гласныхъ, и соотвѣтственно съ этимъ г. Кульбакинъ довольно внимательно разсмотрѣлъ литературу вопроса. Что касается самаго вопроса объ исторіи общеславянскихъ ę и ǫ въ польскомъ языкѣ, то я признаю вполнѣ вѣрной основную мысль Лоренца и Кульбакина: объясненіе причинъ перехода старыхъ носовыхъ гласныхъ въ польскія ę и ǫ нужно искать въ количественныхъ отношеніяхъ.

Второй важный вопросъ исторіи гласныхъ въ польскомъ языкѣ — это вопросъ о старыхъ ъ и ь. И этотъ вопросъ разсмо-

трѣнъ г. Кульбакинымъ съ надлежащею обстоятельностію, причемъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, въ особую главу выдѣлена исторія старыхъ сочетаній типа t ъ̯ r̥ t, t ъ̯ l̥ t.

Въ формулѣ, опредѣляющей условія «выпаденія» и «вокализаціи» ъ и ь въ польскомъ языкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее даетъ г. Кульбакинъ, слѣдовало бы добавить, что только ударяемость начальнаго слога съ ъ и ь составляетъ условіе для перехода ъ и ь въ гласныя полнаго образованія.

Вопросъ о сокращеніи старыхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, и о возникновеніи новыхъ долготъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ исторической грамматики польскаго языка; въ книгѣ г. Кульбакина этому вопросу посвященъ второй отдѣлъ (стр. 90—210), озаглавленный: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ» и распадающійся на 13 отдѣльныхъ главъ. Неточно, по моему мнѣнію, передаетъ содержаніе означеннаго отдѣла вышеприведенное заглавіе: здѣсь дѣло идетъ не только о «возникновеніи общепольскихъ долготъ», но и о сокращеніи долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, пожалуй, главнымъ образомъ объ этомъ явленіи.

Ак. Шахматовъ не разъ уже указывалъ въ своихъ трудахъ на то, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подвергались сокращенію долгія гласныя и дифтонгическія сочетанія, полученныя долгими. Всѣ славянскіе языки, дающіе указанія на количественныя отношенія общеславянскаго языка, единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ виду этого передъ изслѣдователемъ должны возникнуть задачи— выяснить точно тѣ условія, при которыхъ еще въ эпоху единства всѣхъ славянскихъ языковъ происходило сокращеніе старыхъ долготъ, и на которыя уже указывалъ ак. Шахматовъ. Безъ этого не могутъ быть доказательны во всѣхъ ихъ пунктахъ изслѣдованія такого типа, какъ работы Лоренца о носовыхъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ, помѣщенныя въ XIX т. Архива Ягича. Общіе законы сохраненія или сокращенія старыхъ долготъ мы можемъ выводить, не производя указаннаго выше изслѣ-

дованія, только по отношенію къ начальнымъ слогамъ двухсложныхъ словъ, гдѣ, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, долгота вообще сохранялась. Лоренцъ, получивъ вполнѣ вѣрный для польскаго языка общій законъ сокращенія старой долготы носовыхъ гласныхъ подъ удареніемъ и сохраненія ея передъ слогомъ со старымъ удареніемъ путемъ анализа двухсложныхъ словъ, сдѣлалъ попытку подвести подъ него всѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ старыя носовыя гласныя. Эта послѣдняя часть работы и не могла дать твердыхъ выводовъ въ виду того, что не выдѣлены всѣ тѣ случаи, гдѣ польскій языкъ получилъ краткія носовыя гласныя уже изъ общеславянскаго языка. Г. Кульбакинъ, принявъ вообще положенія Лоренца, расширилъ рамки изслѣдованія и показалъ, что основной законъ, выведенный Лоренцомъ, вѣренъ для всѣхъ долгихъ гласныхъ, всѣхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ начальномъ слогѣ словъ двухсложныхъ. Однако, и онъ въ общемъ не задался вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ старыя долготы сокращались въ общеславянскомъ языкѣ и перешли уже какъ краткости въ отдѣльные славянскіе языки.

Кромѣ условій сокращенія старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ разсматриваются въ разбираемомъ отдѣлѣ также условія появленія новыхъ долготъ, причемъ заглавія 10 и 11 главъ («Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ» и «Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ») не вполнѣ точно указываютъ на содержаніе соотвѣтствующихъ страницъ, такъ какъ здѣсь же говорится и о долготахъ вмѣсто краткостей изъ старыхъ долготъ. Впрочемъ, центръ тяжести изслѣдованія лежитъ именно на старыхъ краткихъ гласныхъ и, надо сказать, лежитъ въ ущербъ полнотѣ изслѣдованія. Въ силу этого разбираемыя главы носятъ эскизный характеръ.

Въ главѣ 9-ой: «Первоначально-краткіе гласные въ открытомъ слогѣ» разбирается вопросъ объ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Авторъ не приходитъ къ опредѣленнымъ выво-

дамъ, видя въ части такихъ случаевъ, гдѣ является долгая гласная изъ старой краткой, новообразованіе по аналогіи, а въ другой части признавая, «можетъ быть, фонетическое происхожденіе удлиненія» (послѣднее нà стр. 153).

Что касается морфологіи, то историческій элементъ здѣсь представленъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ фонетикѣ, и сводится къ сравнительно краткому объясненію генезиса отдѣльныхъ формъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Итакъ въ исторической части своего труда г. Кульбакинъ затронулъ важнѣйшіе вопросы исторіи звуковъ польскаго языка. Можно съ увѣренностью сказать, что познанія автора какъ въ области польскаго языка, такъ и въ области другихъ славянскихъ языковъ, хорошее знаніе литературы предмета, наконецъ, умѣнье владѣть методомъ изслѣдованія дѣлаютъ его работу очень интересной. Правда, авторъ уклонился отъ подробнаго изслѣдованія вопросовъ: 1) о ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ и 2) объ условіяхъ сокращенія долготъ въ общеславянскомъ языкѣ, а это отразилось на конечныхъ выводахъ и результатахъ; однако, надо признать, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути и въ будущемъ, расширивъ и пополнивъ кругъ своего изслѣдованія, несомнѣнно углубитъ, расширитъ и дополнитъ основные свои выводы, и, быть можетъ, найдетъ достаточныя основанія для того, чтобы кое-что исправить.

«Принимая во вниманіе только что сказанное, а также и то, что въ описательной части своей работы г. Кульбакинъ далъ добросовѣстный и въ общемъ довольно полный очеркъ особенностей свaжендзскаго говора, чтò является несомнѣннымъ вкладомъ въ скудную литературу польской діалектологіи, я, говоритъ г. рецензентъ, и позволяю себѣ выразить надежду, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности найдетъ справедливымъ наградить автора преміей имени Котляревскаго и поощритъ его этимъ къ дальнѣйшимъ работомъ въ области исторіи и діалектологіи польскаго языка».

Комиссія, ознакомившись съ трудами, представленными на соисканіе премій профессора А. А. Котляревскаго, и съ рецензіями на нихъ, закрытою баллотировкою шарами присудила профессору Императорскаго Юрьевскаго Университета И. Квачалѣ за представленные имъ два труда по изданію и комментированію переписки Амоса Коменскаго—*полную премію* профессора Котляревскаго въ *тысячу рублей*, основываясь какъ на данныхъ рецензіи, такъ и во вниманіе вообще ко всей совокупности свыше чѣмъ шестнадцатилѣтнихъ трудовъ профессора Квачалы по собиранію и изданію матеріаловъ для изученія дѣятельности и трудовъ Амоса Коменскаго.

Въ виду того, что и два другихъ труда, какъ выяснилось изъ прочитанныхъ въ засѣданіи Комиссіи рецензій г.г. Князева и Поржезинскаго,—тоже въ значительной степени отличаются учеными достоинствами и заслуживаютъ, по отзывамъ рецензентовъ, награжденія преміею, Комиссія,—принимая во вниманіе, что капиталъ, образующій суммы, выдаваемыя въ преміи профессора Котляревскаго, нынѣ отъ конверсій и процентовъ значительно возросъ,—закрытою баллотировкою шарами присудила (согласно § 6 Правилъ) *по одной половинной* преміи имени профессора Котляревскаго *въ пятьсотъ рублей каждая* двумъ соискателямъ: 1) приватъ-доценту Императорскаго Казанскаго Университета магистру Н. М. Петровскому за его изслѣдованіе о Гекторовичѣ и 2) экстра-ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго Университета магистру С. М. Кульбакину за изслѣдованіе по исторіи и діалектологіи польскаго языка.

Означенное постановленіе Комиссіи было утверждено Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, и тогда же Отдѣленіе, желая выразить свою искреннюю признательность гг. рецензентамъ за исполненные ими по особому его порученію критическіе разборы допущенныхъ къ соисканію премій имени профес-

сора А. А. Котляревскаго сочиненій, постановило выдать установленныя золотыя медали имени профессора Котляревскаго: магистранту Г. М. Князеву и профессору В. К. Поржезинскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Честь имѣю изложить мое мнѣніе о важномъ значеніи двухъ томовъ составленнаго проф. Юрьевскаго Университета г. Квачалою, а прежде проф. евангелическаго лицея въ Пресбургѣ, сборника «Переписка Я. А. Коменскаго, (Korrespondence I. A. Komenského. Listy Komenského a vrstevníkůjeho. Zprávy o žiwotě jeho ze současných pramenů vydává Dr. Jan Kvačala. I т. XXIV+373 стр. 1898 г.—II т. XXX+351 стр.—всего 770 стр. слишкомъ комп. печ. въ большую 8.

Предварительно долгомъ считаю обратить вниманіе сочленовъ Комиссіи на разновременные труды г. проф. Квачалы о Я. А. Коменскомъ. Въ 1886 г. онъ напечаталъ въ Лейпцигѣ свою инавгуральную диссертацію—Ueber J. A. Comenius Philosophie, insbesondere seine Physik, въ 1888 г. напечаталъ въ Лейпц. Paedagogium—Comenius und Bako:—въ первой ст. о физикѣ Коменскаго онъ останавливается на вопросѣ о вліяніи Кампанеллы, а въ послѣдней статьѣ о вліяніи Бэкона на Дидактику Коменскаго. Не отрицая, что К-скій былъ великимъ почитателемъ Бэкона, г. Квачала не признаетъ въ Дидактикѣ его вліянія по той простой причинѣ, что Дидактика была написана раньше знакомства Коменскаго съ сочиненіями Бэкона; въ 1889 г. помѣстилъ проф. Квачала въ Ztschr. f. öster. Gymn. библіографическій обзоръ большихъ и малыхъ до насъ дошедшихъ и не дошедшихъ, печатныхъ или приготовленныхъ къ печати сочиненій Коменскаго. Составленіе такого списка и обзора представляло большія трудности—первый такой списокъ былъ составленъ Палацкимъ въ приложеніи къ первой хорошей біографіи Коменскаго еще въ 1829 г. Съ тѣхъ поръ списокъ этотъ былъ дополняемъ преимущественно чехами: Юнгманомъ, Иречкомъ, Новакомъ, Зубкомъ и др. Писатель, жившій 300 лѣтъ назадъ и издававшій много небольшихъ книжекъ и листковъ, притомъ пользовавшійся большою извѣстностью и имѣвшій много враговъ среди католическаго духовенства, особенно іезуитовъ въ Австріи, съ такою ревностью уничтожав-

2*

шихъ всякую чешскую или гуситскую или братскую книгу, такой писатель, какъ Коменскій, такъ много писавшій противъ Рима и Габсбурговъ, не могъ дойти до насъ въ цѣломъ видѣ. Надо помнить, что архивъ и библіотека Чешскихъ Братьевъ въ Лѣшнѣ, гдѣ хранились разныя бумаги и труды Коменскаго, подверглись страшному опустошенію по вступленіи въ Лѣшно польскаго войска въ войну шведскую (1656 г.). Тогда погибли и нѣкоторыя сочиненія Коменскаго по части пансофіи (или энциклопедіи), его проповѣди и поученія за 40 лѣтъ его пасырскаго служенія; наконецъ, погибъ его словарь чешско-латинскій и латинско-чешскій, надъ которымъ онъ работалъ въ теченіе 46 лѣтъ.—Наконецъ проф. Квачала напечаталъ въ мадьярск. журналѣ Szazadok біографіи Бистерфельда, богослова, ученика и друга Альштедта, обоихъ близкихъкъ Коменскому людей, особенно во время пребыванія его въ Трансильваніи.

Наконецъ въ 1892 г. появился въ Лейпцигѣ большой и весьма почтенный трудъ проф. Квачалы I. A. Comenius-Sein Leben u. seine Schriften въ 480 стр. текста и 89 стр. важныхъ примѣчаній и приложеній, между прочимъ указатель сочиненій Коменскаго, всего 142 №№. Тутъ же приведены указанія на пять приписываемыхъ Коменскому сочиненій.

Этотъ трудъ проф. Квачалы представляетъ самую полную біографію Коменскаго и самое полное обозрѣніе его сочиненій, по большей части съ изложеніемъ ихъ содержанія и иногда съ весьма цѣнными замѣтками, напр. объ его Labyrint'ѣ swěta, чистомъ перлѣ чешской литературы.

Этотъ трудъ проф. Квачалы является наилучшею и наиболѣе пока полною біографіею Коменскаго. Никто изъ его біографовъ не былъ такъ хорошо приготовленъ, какъ проф. Квачала. Онъ началъ свои занятія Коменскимъ еще въ 1886 г., когда вышла его первая о немъ статья. Самыя первыя и полныя біографіи Коменскаго составляютъ статьи Палацкаго[1]) и Гиндели—Ueber d. Comenius Leben u. Wirksamkeit in d. Fremde (въ Sitzber. d. phil. hist. Classe d. Wien. Ak. d. Win. Wiess. 1885 и новое увеличенное изданіе

1) въ Часоп. 1829 г. См. Palacký Fr. Spisy drobné. D. III, 366—412.

этой статьи въ Зноймѣ 1892. Послѣ этихъ двухъ чешскихъ историковъ о жизни и дѣятельности Коменскаго писали: Beeger u. Zoubek I. A. Comenius nach seinem Leben u. seinen Schriften Lpzg. 1883, Seyffarth I. A. Com. nach seinem Leben u. seiner pädagogischen Bedeutung. Lpzg. 1883., Kayser I. A. Comenius, sein Leben u. seine Werke. Hannover—Linden. 1892. Vrbka—Leben u. Schicksale d. I. A. Comenius. Znaim 1892.

Вообще о Коменскомъ, особенно какъ педагогѣ, и въ Германіи, имѣется большая литература, преимущественно развившаяся въ послѣднее тридцатилѣтіе прошлаго вѣка. Укажемъ на главнѣйшія или болѣе извѣстныя сочиненія. Таковы:

1) Pappenheim I. A. Comenius, der Begründer d. neueren Paedagogik. Berlin 1871.

2) Hoffmeister I. A. Comenius als Begründer d. Volksschule. Berlin. 1877.

3) Gottsched Die pädagogischen Grundgedanken d. I. A. Comenius. Magdeburg 1879.

4) Criegern, von, I. A. Comenius als Theolog. Lpzg. 1881.

5) Hiller. Die Lateinmethode d. Comenius Tschopau. 1883.

6) Free. Die Pädagogik d. Comenius Bernburg. 1884.

Müller, W. Comenius ein Systematiker in d. Pädagogie. Dresden. 1887.

Losche I. A. Comenius d. Pädagog u. Bischof. Lpz. 1889.

Hähner, Natur и Naturgemässheit bei Comenius. Chemnitz 1890.

Nebe I. A. Comenius als Mensch, Pädagog u. Christ. Bielef. 1891.

За эти же годы выходили и во Франціи и въ Англіи сочиненія о Коменскомъ, вѣроятно и въ Голландіи, въ Швеціи и въ Сѣв. Америкѣ.

Изъ французскихъ могу указать:

Robert Notice sur I. A. Comenius et ses idées humanitaires et pédagogiques. Paris. 1882.

Изъ Англійскихъ:

Laurie I. A. Comenius Bishop of the Moravians. His life and educational works. Cambridge. 1887.

Этими трудами далеко не исчерпывается западно-европейская литература о Коменскомъ. Во всѣхъ исторіяхъ педагогіи, народной и средней школы, въ исторіи реформаціи XVII в., во всѣхъ европейскихъ энциклопедіяхъ можно найти цѣлыя, болѣе или менѣе обширныя статьи о Коменскомъ. Къ памяти 300-лѣтія рожденія Коменскаго (1572 г.) въ Лейпцигѣ въ 1871 г. было положено основаніе такъ называемой Comenius-Stiftung—центральной педагогической библіотекѣ. Для дальнѣйшей же разработки всего, что̀ касается Коменскаго и для вліянія въ духѣ Коменскаго на все нынѣшнее поколѣніе, въ Берлинѣ 1 окт. 1891 г. было основано общество Коменскаго (Comenius Gesellschaft), начавшее ежемѣсячное изданіе (въ Лейпцигѣ) въ мартѣ 1892 г. (Comenius-Studien).

Коменскій не былъ однако исключительно педагогомъ и богословомъ. Хотя онъ прожилъ на родинѣ неполныя лишь 30 лѣтъ своей 80-лѣтней жизни (1592—1608, 1614—1628 нач. г.), и, прославляемый въ Европѣ, на родинѣ же и въ цѣлой имперіи Габсбурговъ онъ былъ принудительно умалчиваемъ или проклинаемъ, какъ еретикъ и государственный преступникъ, вплоть до извѣстныхъ годовъ царствованія императрицы Маріи Терезы, когда ея благородный, просвѣщенный сынъ, впослѣдствіи императоръ Іосифъ II, сталъ принимать участіе въ управленіи. Чехи, Моравane только съ конца XVIII в., со времени своего возрожденія, стали вновь признавать высокое значеніе своего великаго дѣятеля. Другъ человѣчества, знаменитый въ Европѣ педагогъ, Коменскій былъ и великимъ чешскимъ писателемъ и крупнѣйшимъ въ чешской исторіи дѣятелемъ послѣ Я. Гуса и Іеронима Пражскаго. Послѣдній епископъ Моравскихъ, Чешскихъ братьевъ такъ много сдѣлавшихъ и для чешскаго языка и литературы, Коменскій въ своихъ преніяхъ съ Лютеранами постоянно указывалъ, что не Лютеръ, а Гусъ былъ родоначальникомъ реформаторовъ въ Чехіи и Моравіи, что церковная реформа пошла не изъ Германіи XVI в., а изъ Англіи XIV в. Изъ этого видно, что онъ признавалъ (и вполнѣ справедливо) болѣе

или менѣе сильное вліяніе Виклефа на Гуса. Коменскій былъ также однимъ изъ самыхъ крупныхъ знатоковъ чешскаго языка и большимъ любителемъ живой народной старины. Онъ пѣшкомъ исходилъ Моравію, составилъ первую порядочную ея карту, записывалъ народныя пословицы и въ теченіе 45 лѣтъ работалъ надъ погибшимъ (сгорѣвшимъ потомъ въ Лѣшнѣ) словаремъ чешско-латинскимъ и латинско-чешскимъ. По языку своему, онъ принадлежитъ къ наилучшимъ классическимъ писателямъ чешскимъ. Его чешская Дидактика, его «материнская школа», его Labyrint světa превосходные памятники чистѣйшаго чешскаго языка, сильно попорченнаго въ послѣдовавшія затѣмъ полтораста лѣтъ. Labyrint světa—прекрасное, художественное, полное глубокаго юмора и ироніи, произведеніе. Вмѣстѣ съ Pan Tadeusz'омъ Мицкевича, съ баснями Крылова, съ Горе отъ ума Грибоѣдова, многими большими и мелкими произведеніями Пушкина, Гоголя, Льва Толстого и Достоевскаго, оно принадлежитъ къ литературнымъ созданіямъ славянскаго генія со значеніемъ истинно міровымъ. Самыя слабости Коменскаго, его мистическія бредни (Lux e tenebris), его вѣра въ нелѣпыя пророчества и видѣнья Хр. Коттера, Софіи Понятовской и Драбика, его хиліастическія мечтанья о близкомъ крушеніи новаго Вавилона и наступившаго царства Антихристова (папскаго Рима и монархіи Габсбурговъ) объясняются не его личными только, а общими, постигшими его родину и его церковь (Iednotu братскую) бѣдствіями. Бѣлогорская битва и Вестфальскій миръ привели къ полному разгрому его родину и его церковь, къ преслѣдованію и изгнанію всѣхъ лучшихъ сыновъ и представителей ея. Утопающій за соломинку хватается, и экзулянты чешско-моравскіе, сходно съ позднѣйшими эмигрантами Итальянскими и Польскими, не мирясь съ настоящимъ, предавались самому необузданному мистицизму и согласно съ духомъ времени, искали и находили въ пророчествахъ Даніила, Іезекіиля и Исаіи, особенно въ Апокалипсисѣ, ясныя указанія на свои злосчастія и на прямой выходъ изъ нихъ. Таже горячая привязанность къ родинѣ побуждала Коменскаго и къ политической агитаціи. Благодаря въ особенности сборникамъ проф. Ква-

чалы (переписка Коменскаго)[1]) мы узнаемъ теперь много новыхъ подробностей о стараніяхъ Коменскаго въ Швеціи у министра Оксенштирны, въ Англіи у Кромвеля и особенно изъ разныхъ записокъ Коменскаго, возбуждавшихъ Юрія Ракоція противъ Австріи. Позволю себѣ привести одно извлеченіе изъ сборника Квачалы относительно политическихъ чаяній Коменскаго, между прочимъ, и на Московское государство. Съ современною ему Россіею, отчасти и по распросамъ, и съ русскимъ народомъ, по крайности западнымъ его отдѣломъ, Коменскій имѣлъ случай и лично ознакомиться еще въ 1644 г., когда прожилъ слишкомъ двѣ недѣли въ Литвѣ, именно въ мѣстечкѣ Орлѣ, близь Вильны, куда онъ ѣздилъ на съѣздъ братьевъ изъ В. и М. Польши и Литвы (Koresp. I. Komenského I, c. 119—120). Въ томъ же томѣ Переписки Коменскаго проф. Квачала помѣстилъ найденный имъ въ Брит. Музеѣ отрывокъ изъ письма неизвѣстнаго лица къ другу и большому покровителю Коменскаго, просвѣщенному Гартлибу. Письмо это послано было изъ Силезіи, изъ гор. Брѣга 25 іюля 1654 г. Здѣсь читаемъ, что въ половинѣ іюня Коменскій былъ въ Трансильваніи и на обратномъ пути видѣлся 28 іюля съ авторомъ этого письма. Коменскій, по его словамъ, узналъ много секретнаго (viel geheime Sachen) отъ польскихъ евангеликовъ (von Evangel. Poln. Herren), а именно: «Der Moscoviter gehet dahin, dass er die Pfaffen in gantz Polen wil austilgen, wil auch weiter gehen, und intentioniret dasz gantze Babstumb auszurotten. Hat schon viel fäste Plätze eingenommen, und ist niemand der ihm widerstand thuet. In Böhmen und Mähren warten viel 1000 Mann auf die Hülffe ausz Sion; Wie denn ein Böhmischer Herr in Pohlen sich aufhelt, der für gewisz berichtet, das seine und seiner Nachbarn Unterthanen in 20^{m} auf ihn warten, sobald und nur des Imp. Todt offenbar wird, und nur ein eintziger Potentat auff Ewang. seiten aufzieht, und in Böhmen und Mähren kombt, so bringt er in kurtzer Frist 100^{m} Mann zusammen ohne Werbung. Далѣе высказывается надежда на Кромвеля, про

1) Также см. прекрасные сборники матеріаловъ объ А. Коменскомъ, составл. достопочтеннымъ библіотекаремъ А. О. Патерою, изд. Чешск. Акад. Н.

котораго между прочимъ одинъ англійскій полковникъ разсказывалъ въ Бреславлѣ, за столомъ, что Кромвель trachte alle hohe Häupter in Europa auszurotten, darumb nennt er sich jetzt schon einen Kayser, hab auch auff seiner müntze sich Imperatoren titulirt, что вообще онъ имѣетъ въ виду die ganze Ausrottung des Papstums.

Въ день отъѣзда Коменскаго изъ Трансильваніи пришла къ Ракоцію почта отъ Татаръ съ увѣщаніемъ, чтобы Ракоцій отступился отъ союза съ Польскимъ королемъ, иначе де, съ нимъ случится тоже что съ Польскимъ. По словамъ же Коменскаго, Польскіе еванг. дворяне (Herren) настаивали у Ракоція, чтобъ онъ приступилъ къ нимъ: er sollte sich zu ihnen schlagen, sie wolten sich *mit dem Moscoviter conjungiren*, und das gantze Papstumb in Polen ausrotten.

Я привелъ эти выписки съ намѣреніемъ показать, что біографія Коменскаго и тщательныя изысканія источниковъ, современныхъ свидѣтельствъ о немъ, собственныхъ писемъ и записокъ его (каковы два тома Квачалы) вполнѣ подходятъ къ требованіямъ покойнаго Котляревскаго относительно его преміи. Коменскій былъ не только другъ человѣчества, педагогъ, богословъ и мыслитель, но и превосходный чешскій писатель, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей чешскаго реформаціоннаго движенія: всѣмъ существомъ своимъ онъ былъ связанъ со своимъ славянскимъ народомъ, со своею чешско-моравскою родиною, съ ея прошлымъ и настоящимъ.

Професоръ Квачала, начавшій свои работы еще до 1886 г. привелъ отчасти ихъ къ окончанію, издавъ въ 1892 г. біографію Коменскаго. Послѣдующіе за тѣмъ годы онъ употребилъ на разъѣзды по Европѣ, собирая матеріалы и извѣстія о Коменскомъ—въ Германіи, Швеціи, Даніи, Голландіи и Англіи, Швейцаріи и Австро-Венгріи для исправленія и пополненія перваго изданія своего, лучшаго въ то время (1892 г.), жизнеописанія Коменскаго. Нельзя не пожелать, чтобы второе изданіе, передѣланное, и дополненное вышло единовременно на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Можно надѣяться, что II Отд. И. Ак. Н. не отказалось бы напечатать его въ своихъ Сборникахъ, съ предоставленіемъ автору извѣстнаго (по соглашенію съ нимъ) количества экземпляровъ.

В. Ламанскій.

II.

Н. Петровскій. О сочиненіяхъ Петра Гекторовича (1487—1572). Казань. 1901 г. 8°. Стр. 320

Рецензія Г. М. Князева.

Названная книга уже не первая и не единственная работа автора въ области историко-литературныхъ изученій, къ которой относится: кромѣ нея, сколько мнѣ извѣстно, имъ были напечатаны статьи: «Der Philomelamythus in der kroatischen Volksdichtung» (Archiv für slavische Philologie, B. XXII), «Къ вопросу о драмѣ А. Луцича «Robinja» (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCCXXXV, іюнь 1901 г.), «O genealogiji Držićâ» (Rad Iugoslov. akademie, kn. 148). Разсматриваемая книга г. Петровскаго отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, одному изъ наиболѣе живыхъ интересовъ и запросовъ современнаго славяновѣдѣнія: за послѣднія тридцать лѣтъ въ изданіи Югославянской Академіи «Stari pisci hrvatski» одинъ за другимъ появились въ печати многіе старинные хорватскіе писатели и постепенно сдѣлались общимъ научнымъ достояніемъ многія произведенія старинной хорватской литературы, и въ настоящее время настоитъ положительная необходимость научной разработки имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ для біографій этихъ писателей, критическаго изслѣдованія текстовъ и изученія литературной исторіи внутренняго содержанія изданныхъ произведеній; независимо отъ этого спеціальнаго интереса, изученіе памятниковъ славянской литературы и образованности хорватскаго поморья, на рубежѣ двухъ историческихъ цивилизацій и на почвѣ живаго вза-

имодѣйствія двухъ различныхъ племенныхъ стихій, имѣетъ свою особенную привлекательность, представляя немало любопытнаго матеріала для наблюденій въ направленіи болѣе или менѣе научнаго выясненія отличительныхъ, характерныхъ чертъ славянскаго культурнаго типа въ его историко-литературныхъ опредѣленіяхъ; «изученіе итальянско-славянскихъ литературныхъ отношеній, по замѣчанію академика А. Н. Веселовскаго [1]), еще можетъ повести къ любопытнымъ откровеніямъ»... Изслѣдованіе г. Петровскаго о сочиненіяхъ автора одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній сербо-далматской литературы XVI столѣтія: «Ribanje i ribarsko prigovaranje» является существенно цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу предмета въ указанномъ направленіи.

Книга состоитъ изъ семи главъ съ приложеніемъ въ концѣ къ одной изъ нихъ (VI-ой). Первая, вступительная глава, подъ заглавіемъ (въ оглавленіи) «Свѣтская литература Далмаціи до Гекторовича», занята критическими замѣчаніями, въ текстѣ и подъ строкою, о существующихъ источникахъ и пособіяхъ по исторіи старинной сербо-далматской словесности (стр. 7—10), установленіемъ съ большею или меньшею достовѣрностью хронологическихъ опредѣленій жизни и дѣятельности наиболѣе извѣстныхъ предшественниковъ и современниковъ изучаемаго авторомъ хварскаго поэта: С. Менчетича и Г. Држича, А. Чубрановича, М. Марулича и М. Ветранича (стр. 10—23) и характеристикою въ общихъ чертахъ внутренняго значенія ихъ литературныхъ произведеній (стр. 23—38). Многочисленныя и обширныя подстрочныя примѣчанія заключаютъ много весьма цѣнныхъ указаній и соображеній относительно рукописей и изданій литературнаго матеріала, о которомъ идетъ рѣчь, и библіографическихъ данныхъ по его изученію и обработкѣ. Время, къ которому относится первое достовѣрное свидѣтельство о суще-

1) «Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о Гнѣвномъ Радо»: Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCI (январь 1879 г.) стр. 107.

ствованіи въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи свѣтской поэзіи на сербо-хорватскомъ языкѣ, опредѣляется въ настоящую пору, какъ извѣстно, 1421—1430 годами, когда, по мнѣнію К. Иречка, судя по почерку, вписанъ былъ между многими другими латинскими и итальянскими замѣтками кириллицею отрывокъ изъ какого-то стихотворенія (6 строкъ) шестисложнаго размѣра, найденный названнымъ ученымъ въ дубровницкой рукописи «Liber statutorum doane» (1277 г.) [1]). Г. Петровскій опредѣляетъ размѣръ этого стихотворенія, какъ обычный впослѣдствіи «дванаестерац», раздѣляя видимо въ данномъ случаѣ мнѣніе, что этотъ послѣдній размѣръ образовался изъ сдвоенныхъ первоначальныхъ шестисложныхъ стиховъ, но это мнѣніе требуетъ еще доказательствъ [2]), и потому указанное опредѣленіе едва ли было умѣстно безъ всякихъ оговорокъ... По содержанію найденный Иречкомъ отрывокъ представляетъ лирическое описаніе бури на морѣ и чувства, съ какимъ пострадавшій пловецъ выходитъ послѣ нея на берегъ; онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе автора разсматриваемой книги, какъ показаніе, что въ Дубровникѣ писались, повидимому, стихи свѣтскаго содержанія на сербо-хорватскомъ языкѣ еще въ началѣ XV столѣтія, вопреки принятому до послѣдняго времени мнѣнію, по которому исторія хорватской литературы начиналась съ М. Марулича, хотя послѣдній самъ въ предисловіи къ своей поэмѣ «Юдиѳь» говорилъ: «historiju tuj svedoh u versih *po običaju naših začinjavac*»; изъ этихъ словъ, какъ бы ни понимать выраженіе «*začinjavce*», очевидно, что у автора данной поэмы, по его собственному признанію, были предшественники, которымъ онъ слѣдовалъ въ своемъ произведеніи. Отмѣчая явное противорѣчіе, въ какомъ оказывались въ данномъ случаѣ историки литературы, державшіеся

1) Свѣдѣнія объ этой рукописи и самые стихи напечатаны К. Иречкомъ въ его статьѣ «Der ragusanische Dichter Šiško Menčetić (geb. 1457 † 1527): Archiv für Slav. Phil., XIX, 57—62.

2) Medini, Povjest hrvatske književnosti u Dalmaciji i Dubrovniku, kn. I, XVI stol. (U Zagrebu 1902), стр. 8.

только что указаннаго взгляда по вопросу о началѣ сербо-хорватской поэзіи, г. Петровскій находитъ также страннымъ, что «даже чакавскія особенности языка «дубровницкихъ трубадуровъ» — С. Менчетича и Г. Држича, стоящихъ на рубежѣ XV и XVI вѣковъ, такъ-же, какъ и Маруличъ, — объяснялись подражаніемъ послѣднему», но въ изложеніи его представляется неяснымъ, какъ смотритъ онъ самъ на этотъ вопросъ; между тѣмъ, отрицая въ отношеніи языка вліяніе Марулича на Г. Држича и Менчетича и обратно, наблюдаемое въ указанномъ отношеніи сходство между ними можно, какъ извѣстно, объяснять создавшеюся ко времени литературной дѣятельности этихъ поэтовъ традиціею поэтическаго языка [1]), наличность которой можетъ, въ свою очередь, быть косвеннымъ подтвержденіемъ непрерывнаго существованія свѣтской поэтической литературы на сербо-хорватскомъ языкѣ съ начала XV до XVI столѣтія, хотя самихъ произведеній такой литературы за это время и не сохранилось, или, по крайней мѣрѣ, назвать съ полною достовѣрностью было бы трудно; къ числу такихъ произведеній, можетъ быть, принадлежатъ и нѣкоторыя изъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, оказывающіяся между произведеніями Г. Држича и Менчетича въ задрской рукописи Раньины... Продолжая свой обзоръ начальнаго періода хорватской литературы, г. Петровскій говоритъ, что между упомянутою выше стихотворною записью 1420—1430 года и «*началомъ XVI вѣка* нѣтъ ни одного подкрѣпленнаго фактами свидѣтельства о существованіи свѣтской поэзіи на хорватскомъ языкѣ въ Далмаціи, хотя изъ различныхъ источниковъ извѣстны имена поэтовъ, писавшихъ lingua vernacula» (стр. 10—11), и въ этомъ случаѣ противорѣчитъ самому себѣ, такъ какъ черезъ нѣсколько страницъ приходитъ между прочимъ къ заключенію, что *любовныя* стихотворенія Г. Држича слѣдуетъ относить приблизительно къ 1480 годамъ (стр. 18). О М. Кристичевичѣ, І. Мартинчичѣ, І. Папа-

1) Medini, Povjest hrv. književn. u Dalmaciji i Dubrovniku, I, 6—7.

личѣ, Ф. Наталичѣ, С. Клеменовичѣ, Н. Матуличѣ и Ф. Божичевичѣ имѣются крайне скудныя біографическія свѣдѣнія, и произведенія большинства изъ нихъ неизвѣстны; поэтому г. Петровскій, говоря объ этихъ поэтахъ, ограничивается лишь библіографическими указаніями и нѣкоторыми соображеніями относительно біографій того или другого изъ нихъ. Относящіяся сюда примѣчанія автора представляютъ иногда любопытный матеріалъ для характеристики обычныхъ до послѣдняго времени пріемовъ въ изученіи старинной хорватской литературы. Такъ, напримѣръ, о Кристичевичѣ «*Cerva* (Vitae illustrorum Ragusinorum, III, 47) пишетъ: Illustres inter viros, qui seculo XV vixerunt, laudandus nobis est poeta non ignobilis Marinus Christichievich. Quis ille fuerit, quodque vitae institutum professus, mihi latet; at cum Illyricis Musis rationem habuisse certa res est. Extant enim nonnulla ejus varii generis et argumenti poematia, sane elegantissima, descripta initio XVI seculi, quae hominem poeticae satis peritum demonstrant. *Dolci* ограничивается (Fasti litterario-ragusini, pag. 40) слѣдующими словами: Marinus Christichievich. Nobilis inter Illyricos Poetas ineunte Seculo XV (т. е. XVI, ср. итальянское выраженіе il cinquecento въ смыслѣ «XVI вѣкъ») habebatur; at praeter Epigramma, quod inter Carmina Sigismundi Mensii, nullum aliud ingenii ejus monumentum». *Kukuljević* (Pjesnici hrvatski XV vieka. Zagreb 1856, стр. 41) уже знаетъ, что Кристичевичъ жилъ «oko godine 1460», что о немъ упоминаетъ одинъ Дольчи (между тѣмъ трудъ Червы былъ извѣстенъ Кукульевичу, cf. ibid., pag. 23, nota, et passim), по словамъ котораго будто бы нѣкотор*ыя* эпиграмм*ы* Кристичевича сохранились среди стихотвореній Менчетича; *S. Ljubić* (Ogledalo književne povjesti jugoslavjanske, II, Rječki 1869, стр. 370) повторяетъ слова Кукульевича, кромѣ сочиненной тѣмъ даты. Достовѣрныя, но весьма скудныя данныя о Кристичевичѣ, собранныя г. Иречкомъ (Beiträge zur ragus. Litteraturgeschichte, Archiv f. Sl. Phil., pagg. 462—464), показываютъ, что онъ былъ въ родствѣ съ Држичами, что въ 1503 г. онъ уже

искалъ должности коадъютора въ Consilium Rogatorum, а въ 1531—умеръ» (стр. 11, прим.). Кукульевичъ въ своихъ «Pjesnici» (стр. 51) выписываетъ изъ «Евангелистарія» Марулича стихотвореніе его Папаличу, приведенное въ біографіи послѣдняго у Думанео въ «Synopsis virorum illustrium Spalatensium», тогда какъ въ названномъ трактатѣ Марулича никакихъ стихотвореній автора нѣтъ; Любичъ (Ogledalo, 369), съ своей стороны, также сообщаетъ, что Маруличъ очень хвалитъ Папалича въ своемъ «Евангелистаріи» (стр. 12, прим.)... Подобными указаніями живо выясняется та необходимость критическаго пересмотра существовавшихъ до сихъ поръ данныхъ по исторіи старинной сербо-хорватской литературы и изученія заново ея источниковъ, о которой было мною выше сказано. Относительно Менчетича г. Петровскій приводитъ данныя Иречка, по которымъ, какъ извѣстно, поэтъ родился въ 1457 г. и умеръ въ 1527 году [1]), о Држичѣ представляетъ новыя цѣнныя показанія, извлеченныя изъ найденной имъ въ библіотекѣ францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ неизвѣстной до сихъ поръ рукописи, подъ заглавіемъ «Orrigine et descendenza della famiglia di darsa», которая заключаетъ въ себѣ генеалогію Држичей, составленную однимъ изъ представителей этого рода въ 1603 г. [2]): по достовѣрнымъ показаніямъ этой генеалогіи, Георгій Држичь родился 6 февраля 1461 г., умеръ 26 сентября 1501 года; указанія Червы, Джорджича, Аппендини относительно несчастной любви поэта, будто бы заставившей его постричься въ монахи, признанныя Ягичемъ и Иречкомъ недостовѣрными, объясняются, по даннымъ генеалогіи, сообщенной г. Петровскимъ, повидимому, смѣшеніемъ поэта съ другимъ Георгіемъ Држичемъ, его дядею, въ жизни котораго дѣйстви-

1) Archiv f. Slav. Phil., XIX, 65, 72.

2) Описаніе этой рукописи и характеристику ея содержанія г. Петровскій даетъ въ примѣчаніи къ разсматриваемой книгѣ (стр. 15—18), а самая генеалогія напечатана имъ въ «Radѣ Iugosl. akad.» въ упомянутой выше статьѣ «O genealogiji Držićâ».

тельно было подобное обстоятельство. Г. Петровскій извлекъ между прочимъ изъ указанной рукописи и точную дату смерти Марина Држича, о времени которой, какъ извѣстно, до сихъ поръ не было достовѣрныхъ свѣдѣній: оказывается, онъ умеръ въ Венеціи 2 мая 1567 года [1]) (стр. 17, прим.). Относительно А. Чубрановича, умершаго, по мнѣнію Иречка и Медини, въ 1527 году, во время свирѣпствовавшей тогда въ Дубровникѣ чумы, авторъ, на основаніи интересныхъ сопоставленій имѣвшихся въ литературѣ предмета данныхъ и мнѣній и нѣкоторыхъ собственныхъ соображеній, приходитъ къ заключенію, что въ извѣстныхъ словахъ Джорджича, въ общемъ, не отвѣчающихъ дѣйствительности, — credo che (Cjubranovich) fiorisse intorno al 1460 — можетъ скрываться «зерно истины», въ томъ смыслѣ, «что Чубрановичъ *родился* въ 1460-хъ годахъ». Для Ветранича г. Петровскій сохраняетъ прежнія хронологическія данныя (1482—1576 г.), несмотря на сомнѣніе, высказанное Иречкомъ относительно правильности обычнаго опредѣленія года рожденія поэта въ виду того, что 1504 годомъ, оказывается, датированъ нотаріальный актъ о совершеннолѣтіи его, которое по дубровницкимъ законамъ могло состояться въ 18 или 20 лѣтъ отъ роду [2]); въ подкрѣпленіе прежней даты Г. Петровскій указываетъ на то обстоятельство, что поэтъ, говоря въ началѣ своей поэмы «Pelegrin» о постигшемъ его несчастіи и намекая, по мнѣнію Медини [3]), въ данномъ случаѣ, вѣроятно, на несчастье, которое ему пришлось пережить, по біографическимъ даннымъ, въ 1517 году, фигурально опредѣляетъ время этого несчастія выраженіемъ «ja bȉvši srjed puta od moga poroda», представляющимъ дословный переводъ начальнаго стиха «Божественной комедіи» Данте, который подъ словами «mezzo del cammin di

---

1) Родился М. Држичъ, по соображеніямъ г. Петровскаго, около 1510 г. (1508—1512), а не послѣ 1520 г., какъ полагалъ Петрачичъ (St. pisci hrv., VII, стр. V): «O genealogiji Držićâ» — Rad Iugosl. akad., kn. 148, стр. 229.

2) K. Jireček, Der ragusan. Dichter Š. Menčetić: Archiv f. Sl. Ph., XIX, 77.

3) «Vetranić's Pelegrin»: Archiv f. Sl. Ph., XVII, 522.

nostra vita» разумѣлъ тридцатипятилѣтній возрастъ: такимъ образомъ, если Ветраничу въ 1517 году было 35 лѣтъ, то родился онъ въ 1482 году. Но, по моему мнѣнію, если сомнѣніе Иречка представляется недостаточно обоснованнымъ, потому что формальное закрѣпленіе правъ, связанныхъ съ совершеннолѣтіемъ, могло состояться, какъ бываетъ иногда теперь, и позднѣе фактическаго полученія ихъ, то, съ другой стороны, приведенное выше выраженіе поэта, само по себѣ, едва ли можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ, такъ какъ могло быть чисто внѣшнимъ подражаніемъ Данте, не заключая въ себѣ непремѣнно автобіографическаго смысла по отношенію къ автору, по крайней мѣрѣ, какъ совершенно точная и опредѣленная хронологическая дата.

Опредѣливъ съ большей или меньшей достовѣрностью время жизни главныхъ предшественниковъ Гекторовича, г. Петровскій обращается къ характеристикѣ внутренняго значенія ихъ произведеній. Прежде всего онъ останавливается на литературной дѣятельности «дубровницкихъ діоскуровъ» С. Менчетича и Г. Држича. Говоря о главномъ источникѣ для изученія этихъ поэтовъ, извѣстной задрской рукописи 1507 года, авторъ высказываетъ между прочимъ нѣсколько замѣчаній по вопросу о времени, когда былъ написанъ сборникъ Николая Раньины: по мнѣнію Решетара [1]), рукопись задрской гимназіи не могла быть написана въ 1507 году, какъ она датирована, а если и была написана въ этомъ году, то не въ полномъ своемъ теперешнемъ составѣ, такъ какъ между прочими заключающимися въ ней стихотвореніями оказывается стихотвореніе Ветранича, посвященное поэту Niko и написанное, по другимъ источникамъ, на смерть Николая Димитровича, который умеръ не ранѣе 1554 года; г. Петровскій говоритъ, что несомнѣнно только то, что указанное стихотвореніе относится къ какому-то поэту, по имени Нико, а

---

1) «Das ragusanische Liederbuch aus dem Jahre 1507»: Archiv f. Sl. Ph., XXII, 229—230.

пріуроченіе его именно къ Димитровичу (Решетаръ также думаетъ, что не слѣдуетъ его относить непремѣнно къ Димитровичу) можетъ быть ошибкою позднѣйшихъ рукописей, и потому предпочитаетъ общепринятую дату. Медини въ своей исторіи хорватской литературы XVI в. обозначаетъ эту дату сборника Раньины съ вопросительнымъ знакомъ [1]). Недавно Матичь [2]) высказалъ по этому вопросу мысль, что упомянутое стихотвореніе Ветранича относится къ поэту Маро Лилѣ, котораго называетъ въ ряду другихъ дубровницкихъ поэтовъ А. Сасинъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Drugi san» и «U pohvalu pjesnika dubrovačkijeh [3])»; Лила, по соображеніямъ Матича, умеръ во второй половинѣ XVI вѣка, — слѣдовательно, мнѣніе Решетара остается въ силѣ и взглядъ Петровскаго не находитъ себѣ подтвержденія, но я счелъ умѣстнымъ отмѣтить въ данномъ случаѣ статью Матича, потому что авторъ ея также предполагаетъ замѣну первоначально стоявшаго, по его мнѣнію, въ рукописяхъ имени Маро позднѣйшимъ Нико. Кромѣ сборника Раньины, г. Петровскій указываетъ еще одну рукопись стихотвореній Менчетича, видѣнную имъ въ задрской Communale Bibliotheca Paravia и не принятую во вниманіе при академическомъ изданіи сочиненій «дубровницкихъ діоскуровъ»: по мнѣнію автора, она могла бы быть полезна для возстановленія текста произведеній названнаго поэта. Обращаясь къ заключающимся въ разсматриваемой главѣ замѣчаніямъ о внутренней сторонѣ поэтическихъ произведеній названныхъ литературныхъ предшественниковъ и современниковъ Гекторовича, съ нѣкоторыми мнѣніями и взглядами автора трудно согласиться. «Произведенія С. Менчетича и Г. Држича, говоритъ г. Петровскій, охарактеризованы въ извѣстной рѣчи акад. Ягича «Trubaduri i najstariji hrvatski lirici» (Rad, 1869, IX). За тридцать слишкомъ лѣтъ, истекшихъ со времени ея обнаро-

---

1) «Povj. hrv. knjiž.», I, стр. 125, 127—129.

2) «Die Widmung eines Gedichtes Vetranić's»: Archiv für Sl. Phil., XXVI, 262—266.

3) St. pisci hrv., XVI, 158, 160.

дованія, въ данной области не появлялось ничего такого, что могло бы измѣнить выводы акад. Ягича, видѣвшаго въ произведеніяхъ С. Менчетича и Г. Држича отголоски любовной лирики трубадуровъ, дошедшей до дубровчанъ при посредствѣ итальянской литературы (въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ «діоскуровъ» замѣтно подражаніе Петраркѣ; болѣе подробное изслѣдованіе указало бы, вѣроятно, и слѣды вліянія петраркистовъ). Въ общемъ можно сказать, что вся эта поэзія, монотонная и на своей родинѣ, становилась просто скучной у подражателей; если, напр. Петрарка до извѣстной степени искупалъ безсодержательность и фальшивость своихъ сонетовъ необычайною красотою формы, то о дубровницкихъ трубадурахъ нельзя сказать и этого; ихъ стихотворенія не свидѣтельствуютъ даже объ изобрѣтательности авторовъ, объ ихъ умѣніи придавать сколько-нибудь новую внѣшность стереотипному содержанію; незамѣтно, чтобы «діоскуры» отличались и образованіемъ, которое давало бы имъ возможность переплетать свои пѣсни какими-либо эпизодами болѣе или менѣе жизненнаго содержанія. Обычныя въ произведеніяхъ временъ Возрожденія сравненія изъ античной исторіи и миѳологіи изрѣдка встрѣчаются и у «дубровницкихъ діоскуровъ», которые, впрочемъ, только подбирали эти крупицы со стола ихъ итальянскихъ учителей (стр. 23—25)... Безсодержательность и полная незначительность произведеній «дубровницкихъ трубадуровъ» была, вѣроятно, причиною весьма малой ихъ распространенности. Всѣ панегирики, которые писались Менчетичу и Држичу позднѣйшими литераторами, происходятъ изъ Дубровника, за стѣнами котораго ихъ поэзія едва ли была извѣстна; по крайней мѣрѣ ни на какихъ поэтахъ другихъ мѣстностей Далмаціи не замѣтно вліянія «діоскуровъ» (стр. 26)... Послѣднее замѣчаніе автора находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, указывая на мнѣніе Майкснера [1]), что на

1) «O hrvatskom prijevodu XV (XVI) Ovidijeve heroide «Paris Helenae» od H. Lučića»: Rad Jugosl. akad., kn. 91.

способъ выраженія Луцича при переводѣ героиды Овидія «Paris Helenae» вліяли формулы трубадурской лирики, представителями которой у хорватовъ были Г. Држичь и С. Менчетичь, и находя, съ своей стороны, слѣды такого вліянія въ переводномъ стихотвореніи «Od lika ljubenoga» Гекторовича (стр. 87): оба названные поэта были уроженцами Хвара (Лесины). Относительно А. Чубрановича авторъ также отмѣчаетъ указаніе Медини, что въ поэмѣ этого поэта «Jedjupka» замѣчается немало сходства въ мотивахъ и тонѣ выраженія съ поэзіею дубровницкихъ трубадуровъ [1]); хотя г. Петровскій и выражаетъ «удивленіе, какъ можно усматривать сходство между бездушными, вялыми амплификаціями общихъ мѣстъ и горячей рѣчью искренняго чувства» (стр. 27), и полагаетъ, что «если и есть сходство въ выраженіяхъ «діоскуровъ» и «Andrije zlatara», то оно скорѣе можетъ быть объяснено общностью пріемовъ, нежели заимствованіемъ» (стр. 29), но вопросъ такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, не касается наличности факта и сводится только къ его толкованію съ различныхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Связь поэзіи Менчетича и Г. Држича съ лирикою трубадуровъ чрезъ посредство итальянскаго вліянія и зависимость «дубровницкихъ діоскуровъ» отъ Петрарки съ его сонетами, конечно, несомнѣнны, но это не составляетъ ихъ отличительной особенности, такъ какъ итальянское вліяніе было явленіемъ общимъ въ большей или меньшей степени для всѣхъ старинныхъ сербо-далматскихъ писателей. Не слѣдуетъ однако при этомъ упускать изъ вида, что многія характерныя черты лирики трубадуровъ оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ присущими и хорватской народной поэзіи, и не только въ выраженіи, но даже въ мотивахъ содержанія [2]). Конечно, это явленіе можно также объяснять итальянскимъ вліяніемъ на почвѣ взаимнаго общенія двухъ сторонъ въ самой средѣ народной: «легко

---

1) Medini, Čubranović und seine Beziehungen zu der einheimischen und der italienischen Literatur: Archiv f. Sl. Phil., XXII, 96—98.

2) Ср. Medini, Povjest hrv. književn., I, 123—125.

предположить a priori, по мнѣнію академика А. Н. Веселовскаго [1]), что народные пѣвцы были издавна носителями обоюдныхъ пѣсенныхъ вліяній на томъ и другомъ берегу Адріатики. Славянскіе музыканты и скоморохи могли проникать въ Италію, гдѣ tomi schiavoneschi засвидѣтельствованы для XIV и XV вѣка. Съ другой стороны, жонглеры (giullari) XIII и XIV вѣка, толпившіеся при дворахъ сѣверно-итальянскихъ властителей, Эццелиновъ и Скалигеровъ, могли заходить на рубежи итальянско-славянскаго міра и заносить туда разсказы о Карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго стола, издавна популярные въ Италіи». Но съ этой точки зрѣнія историко-литературное значеніе поэтическихъ произведеній Менчетича и Г. Држича существенно мѣняется сравнительно съ тѣмъ, что о нихъ говоритъ г. Петровскій: поэзія ихъ, при всей своей подражательности, по внѣшности, получаетъ нѣкоторый отпечатокъ самобытности; появленію ихъ поэтическихъ произведеній предшествуетъ, по нѣкоторымъ даннымъ, повидимому, рядъ другихъ подобныхъ, представляющихъ какъ бы послѣдовательныя ступени перехода, подъ вліяніемъ итальянскаго образованія, отъ безыскусственнаго, народнаго къ литературно-художественному творчеству, какими представляются инымъ изслѣдователямъ нѣкоторыя стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ въ задрскомъ сборникѣ Николая Раньины, и «дубровницкіе діоскуры» являются выразителями извѣстной поэтической традиціи, коренящейся въ нѣдрахъ народа, и представителями литературнаго направленія сложившагося постепенно изъ взаимодѣйствія народныхъ элементовъ и чужеземныхъ культурныхъ теченій [2]): въ этомъ ихъ своеобразный историко-литературный интересъ. Конечно, такое построеніе, можетъ быть, еще мало обосновано, и можетъ вдругъ оказаться, какъ говоритъ въ одной недавней своей статьѣ Медини [3]), подъ свѣжимъ впечатлѣ-

1) «Хорв. пѣсни о Радославѣ Павл. и итальянск. поэмы о Гнѣвномъ Радо»: Журн. М. Н. Просв., CCI, 107—108.

2) Medini, Povjest hrv. knjiž., I, 125—127.

3) «Malo odgovora i razgovora o Dubrovniku i književnosti njegovoi prije trešnje»: Glasnik Matice Dalmatinske, kn. IV, sv. III, 258.

ніемъ работы Касандрича о любовной лирикѣ А. Луцича [1]), что стихотворенія сборника Раньины или другія имъ подобныя представляютъ, при ближайшемъ ихъ изслѣдованіи, не болѣе, какъ переводы съ какихъ-нибудь итальянскихъ оригиналовъ, подобно считавшимся оригинальными любовнымъ стихотвореніямъ Луцича, но пока этого не случилось... Что касается внутренняго смысла поэзіи Менчетича и Г. Држича, то и въ этомъ отношеніи замѣчанія г. Петровскаго едва ли вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности, если не упускать изъ виду законовъ исторической перспективы. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто распространяться вообще объ историко-литературномъ значеніи рыцарской лирики и Петрарки, подражаніе которому, вмѣстѣ съ чертами поэзіи трубадуровъ, замѣчается въ стихотвореніяхъ Менчетича и Г. Држича, но нельзя забывать, что любовь въ произведеніяхъ рыцарскихъ поэтовъ въ концѣ концовъ получала высокое значеніе самостоятельной нравственной силы, облагораживающей душу, внушающей мужество, героизмъ подвига и самоотверженія, а у Петрарки мотивъ любви опредѣлялся стремленіемъ къ идеалу добра и красоты, вообще [2]), и, какъ тема для художественнаго анализа чувства [3]), представлялъ извѣстный шагъ впередъ на пути къ самосознанію и эволюціи личности; если идеальное пониманіе, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи, подчасъ въ дѣйствительности сводилось къ условности и принимало элементъ чувственности, то общій основной смыслъ настроенія не утрачивалъ отъ того своего высшаго нравственнаго содержанія. Скучное съ нашей точки зрѣнія однообразіе формъ обнаруженія основного мотива не имѣетъ значенія безусловнаго опредѣленія сущности явленія и обусловливалось даннымъ моментомъ въ его историческомъ развитіи: «человѣкъ не исчерпывался до дна, чувство анализовалось подъ извѣстными, немногими углами

---

1) «Lucićeve «Pisni ljuvene»: Iskra, 1891, № 1.

2) См., наприм., сонетъ XVI. «Quand'io son tutto volto in quella parte»... Сон. CIX. «Amor che nel pensier mio vive e regna».

3) Сон. CII: «S'amor non è, che dunque è quel ch'i sento»?

зрѣнія, подъ призмой условнаго платонизма; оттуда бѣдность психологическихъ положеній, поражающихъ насъ своею односторонностью, потому, быть можетъ, что они намъ ничего не подсказываютъ, какъ подсказывали современникамъ; они для насъ не суггестивны. Психологія рыцарскаго романа отличается такою же ограниченностью личныхъ мотивовъ, подлежащихъ идеализаціи; оттого она и могла удовлетвориться незначительнымъ количествомъ сюжетовъ, но именно эти сюжеты, замѣчаетъ академикъ А. Н. Веселовскій [1]), вели къ болѣе человѣчному изображенію любви, оправданной всевластнымъ чувствомъ и роковой силой красоты»... Съ этой точки зрѣнія и въ данныхъ историческихъ условіяхъ общественности слѣдуетъ, мнѣ кажется, разсматривать и произведенія «дубровницкихъ трубадуровъ», чтобы правильнѣе понять и уяснить себѣ возможное историко-литературное значеніе ихъ поэзіи: въ этомъ направленіи выводы академика Ягича, о которыхъ говоритъ г. Петровскій, едва ли въ настоящее время можно считать исчерпывающими сущность предмета. Что касается замѣчанія автора, что «діоскуры» не были въ состояніи «переплетать свои пѣсни какими-либо эпизодами болѣе или менѣе жизненнаго содержанія», то по этому поводу, съ уменьшеніемъ масштаба приложенія, можно напомнить слова Каткова [2]) по вопросу о практическомъ значеніи искусства, вообще: «линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію»...

Послѣ «дубровницкихъ трубадуровъ» г. Петровскій останавливается на Чубрановичѣ. Заслуга этого дубровницкаго поэта, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что «въ чужія формы (заимствованныя изъ итальянской литературы) Чубрановичъ сумѣлъ влить чисто мѣстное содержаніе» и своимъ блестящимъ, звучнымъ стихомъ упрочилъ «осмерац» въ хорватской

1) «Боккачьо, его среда и сверстники», т. I, стр. 435.
2) Статьи о Пушкинѣ въ «Русск. Вѣстн.» 1856 г.

поэзіи (стр. 27). Опредѣляя историко-литературное значеніе популярнаго на хорватскомъ поморьѣ автора поэмы «Jedjupka», г. Петровскій между прочимъ говоритъ, что «Чубрановичъ былъ первымъ изъ дубровницкихъ поэтовъ, вліяніе котораго распространилось за предѣлы родного города; можно сказать, замѣчаетъ авторъ, что Andrija zlatar образовалъ цѣлую поэтическую школу, къ которой принадлежали: Пелегриновичъ, Бобалевичъ, Ор. Мажибрадичъ, Ст. Джорджичъ, Налешковичъ, а отчасти и Ветраничъ; если прослѣдить развитіе сатирическаго эпоса въ Дубровникѣ до начала XIX вѣка, то Чубрановичъ окажется родоначальникомъ обширной отрасли дубровницкой поэзіи, первымъ и по хронологическому порядку, и по достоинству произведенія» (стр. 30). Непонятно, въ какомъ отношеніи Ветраничь можетъ быть отнесенъ къ *школѣ*, причисленъ къ литературнымъ потомкамъ или преемникамъ автора поэмы «Jedjupka»... Если г. Петровскій имѣетъ при этомъ въ виду карнавальныя стихотворенія Ветранича: «Lanci Alamani, trumbetari i pifari», «Robinjice», «Trgovci Armenjani i Indijani» и «Pastiri», то, не зная въ точности, когда были написаны «Jedjupka» Чубрановичемъ и указанныя четыре стихотворенія Ветраничемъ, нѣтъ основанія присвоивать кому-нибудь изъ нихъ первенство въ данномъ родѣ литературныхъ произведеній въ Дубровникѣ [1]); самъ г. Петровскій въ другомъ мѣстѣ своей книги называетъ Ветранича, рядомъ съ Н. Налешковичемъ, однимъ изъ «піонеровъ» карнавальныхъ стихотвореній въ хорватской литературѣ, причемъ «Lanci Alamani, trumbetari i pifari», слѣдуя указанію Зоре [2]), считаетъ передѣлкою итальянскаго стихотворенія «Canto di Lanzi, che suonano tromboni», находящагося въ сборникѣ карнавальныхъ и другихъ подобныхъ стихотвореній въ изданіи Герини (Guerrini) «Canti carneschialeschi, trionfi, carri e mascherate secondo l'edizione del Bracci» (Milano, 1883) (стр. 184), а Ме-

---

1) Ср. Medini, Čubranović etc.: Archiv f. S. Ph., XXII, 73.

2) «Gragja za poznavanje eroikomične Dubrovačke pjesme»: Rad Jugosl. akad., LXXI, 147.

дини [1]), съ своей стороны, указалъ, что и «Robinjice» имѣютъ много общаго съ помѣщеннымъ въ томъ же сборникѣ «Canto di cacciatori, che erano pastori e ninfe»...

Говоря о Маруличѣ, г. Петровскій замѣчаетъ, что вопросъ о принадлежности тѣхъ или другихъ произведеній этому писателю «ждетъ еще новыхъ изслѣдованій; поэтому лучше пока воздержаться отъ подробныхъ разсужденій о характерѣ его поэзіи и повторить давно ставшую общимъ мѣстомъ фразу, что всѣ его стихотворенія проникнуты морально-аскетическимъ направленіемъ; сюжетъ главныхъ изъ нихъ заимствованъ изъ Библіи, при чемъ, однако, авторъ старается разукрасить его, *чтобы было пріятнѣе читать* [2]); одно это стремленіе уже характерно для католическаго писателя, жившаго въ переходное время, на рубежѣ схоластики и реформаціи» (стр. 34). Въ общихъ заключеніяхъ г. Петровскаго о названномъ писателѣ замѣчается нѣкоторое противорѣчіе: «за Маруличемъ, «вторымъ (послѣ блаженнаго Іеронима) свѣтиломъ Далмаціи», говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, остается та заслуга, что въ своихъ варіаціяхъ на библейскія темы онъ стремился выйти изъ рамокъ схоластическаго повѣствованія» (стр. 35), а нѣсколькими страницами ниже замѣчаетъ, что «Маруличъ, въ достовѣрно ему принадлежащихъ произведеніяхъ, остается на средневѣковой точкѣ зрѣнія» (стр. 75). Мнѣ кажется, и на основаніи достовѣрно принадлежащихъ Маруличу произведеній, какова его поэма «Юдиѳь», можно было бы дополнить сказанное объ этомъ писателѣ нѣкоторыми характерными подробностями и дать въ общемъ болѣе отчетливое и устойчивое опредѣленіе его историко-литературнаго значенія... Въ посвященіи своей поэмы Балистричу Маруличь говоритъ, что онъ обработалъ библейскій разсказъ о Юдиѳи на своемъ народномъ языкѣ, чтобы его могли усвоить и тѣ, ко-

1) «Čubranović» etc.: Archiv f. Sl. Ph., XXII, 78.

2) Курсивъ г. Петровскаго съ подстрочною ссылкою на предисловіе къ «Юдиѳи».

торые несвѣдущи въ латинскихъ и вообще ученыхъ книгахъ (ju stumači našim jezikom, neka ju budu razumiti i oni, ki nisu naučni knige, latinske aliti dijačke), и обработалъ его въ стихахъ, по обычаю писателей, писавшихъ до него подобныя произведенія по-хорватски [1]), и по правиламъ древнихъ поэтовъ, т. е. классиковъ (historiju tuj svedoh u versih po običaju naših začinjavac i jošće po zakonu onih starih poet); въ поэмѣ оказывается, какъ извѣстно, немало сравненій и образовъ изъ древней классической литературы и исторіи и нѣкоторыя выраженія и обороты, представляющіеся отголосками лирики далматскихъ трубадуровъ. Выборъ сюжета для названной поэмы имѣлъ при этомъ, повидимому, свой особенный смыслъ и значеніе: какъ евреи страдали нѣкогда отъ насилій ассиріянъ, такъ хорваты въ данный моментъ страдали отъ гнета и жестокости турокъ, и поэма Марулича, на основѣ указанной аналогіи современныхъ поэту условій жизни родного ему народа съ библейскими народными отношеніями во времена Юдиѳи, имѣла, по тогдашнему обыкновенію въ литературѣ, иносказательный смыслъ: по идеѣ поэта, образъ народной героини, какою была Юдиѳь, долженъ былъ вдохновить хорватскій народъ на борьбу съ его врагами-поработителями... Такимъ образомъ Маруличъ является едва ли не первымъ хорватскимъ писателемъ, который брался за перо для народа, въ собственномъ значеніи этого слова, и пользовался матеріаломъ своихъ классическихъ изученій для цѣлей народнаго развитія, въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ подъема въ нужную минуту народнаго духа, т. е. опредѣлялся въ своей литературной дѣятельности однимъ изъ признаковъ чисто гуманистическаго характера.

Замѣчанія г. Петровскаго о Ветраничѣ сравнительно полнѣе и опредѣленнѣе, но внутренняя значительность произведеній этого

---

1) Медини думаетъ, что Маруличъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ неизвѣстныхъ авторовъ обращающихся и до настоящаго времени въ народѣ сказаній съ сюжетами изъ Библіи и житій святыхъ (Povj. hrv. knjiž., I, 83).

поэта показана, по моему мнѣнію, не во всемъ ея объемѣ. Ветраничь былъ несомнѣнно наиболѣе яркимъ и, вообще, замѣчательнымъ, при данныхъ общихъ условіяхъ литературнаго развитія, проявленіемъ въ сербо-далматской литературѣ XVI вѣка личнаго самосознанія по отношенію къ современной національной жизни и окружающему обществу [1]). «Произведенія «донъ Мавра», какъ называли его тогдашніе литераторы, справедливо говоритъ г. Петровскій, имѣютъ гораздо бо́льшее отношеніе къ современности и вообще къ жизни, нежели вся предшествовавшая хорватская поэзія» (стр. 35); въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводитъ нѣсколько фактическихъ указаній, опредѣляющихъ характеръ отраженій дѣйствительности въ сочиненіяхъ поэта: «онъ скорбитъ, что всюду льется христіанская кровь, а «sila poganska» все возрастаетъ», «указываетъ причины этого—въ политической слабости и ссорахъ христіанскихъ государей» (стр. 36), «смѣло громитъ пороки своего времени, не останавливаясь передъ обвиненіемъ властей — и гражданскихъ и церковныхъ—въ различныхъ беззаконіяхъ, обличаетъ распущенность духовенства» (стр. 37)... Указанія эти, по моему мнѣнію, существенно необходимо было бы дополнить данными, характеризующими отношеніе поэта къ Дубровнику и, какъ дубровчанина, къ другимъ городскимъ общинамъ Далмаціи и къ Венеціи [2]): въ этомъ направленіи съ особенною выразительностью обнаружились оригинальность Ветранича и жизненный реализмъ его творчества, въ чемъ изъ современниковъ его равняется съ нимъ, можетъ быть, лишь Маринъ Држичь, уступая однако въ широтѣ захвата наличныхъ интересовъ жизни [3])... Ставить, по реальности

1) Ср. G. Carić, Del poeta raguseo Mavro Vetranić Čavčić (Ragusa, 1895), стр. 10 и слѣд.

2) См. мои замѣтки «Мавръ Ветраничь, дубровн. поэтъ XVI стол.»: «Сборн. статей по славяновѣд., сост. и изд. учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и литерат. дѣятельности» (Спб. 1885 г.), стр. 434—438.

3) Ср. Medini, Malo odgovora i razgovora o Dubrovniku i književnosti njegovoj prije trešnje: Glasnik Mat. Dalmat., kn. IV, sv. III, 259 и слѣд.— Carić, Del poeta raguseo M. Vetranić Ćavčić, стр. 12.

поэтическаго интереса и реализму представленія, выше Ветранича Гекторовича, какъ дѣлаетъ г. Петровскій, какими бы достоинствами въ указанномъ отношеніи ни отличалась поэма «Ribanje», по моему мнѣнію, нельзя уже по несоотвѣтствію поля зрѣнія того и другого писателя при изображеніи жизни. По своему, совершенно исключительному въ сербо-далматской, въ частности дубровницкой, литературѣ, пониманію слабыхъ сторонъ политическаго и общественнаго положенія своей родины, въ связи съ горячимъ чувствомъ любви къ ней, и по свободѣ и независимости своего протеста противъ современнаго строя церковной жизни при глубинѣ и искренности религіознаго чувства, Ветраничь, по справедливому замѣчанію академика В. И. Ламанскаго [1]), одинъ только, можетъ быть, изъ дубровницкихъ и сербо-далматскихъ писателей «возвышался до высоты міросозерцанія лучшихъ старо-чешскихъ и нѣкоторыхъ старо-польскихъ дѣятелей»... «Отзываясь на общественныя явленія первостепенной важности, говоритъ г. Петровскій, Ветраничъ уже дѣлаетъ попытку характеризовать и обыденную дѣйствительность, хотя исключительно въ идиллической формѣ: таковы его картины пастушеской жизни въ пьесѣ «Posvetilište Abramovo». Совершенно забывая о соблюденіи мѣстнаго колорита, Ветраничъ надѣляетъ рабовъ и рабынь Авраама славянскими именами, называетъ ихъ христіанами (i da vas (bog) obrani, istočnijeh krstjana) и рисуетъ ихъ обстановку красками, живо напоминающими жизнь земледѣльцевъ въ Далмаціи. Одинъ изъ критиковъ указалъ (A. Pavić, Hist. dubrov. drame, стр. 32 и 34) даже, что нѣкоторыя мѣста «Posvetilišta» имѣютъ сходство съ произведеніями народной поэзіи. Но если здѣсь и дана картина народной жизни, современной Ветраничу, то это произошло, такъ сказать, по недоразумѣнію; автору было необходимо изобразить бытъ еврейскихъ поселянъ, но, за незнаніемъ его, онъ воспроизвелъ болѣе извѣстную ему жизнь

---

1) Рецензія на книгу Пыпина и Спасовича «Исторія слав. литературъ» (изд. 2-ое): «Русь» (И. С. Аксакова) 1880 г., № 1, стр. 21.

родного племени. Прямого намѣренія рисовать бытъ своего народа у Ветранича еще не было; заслуга введенія народной жизни въ кругъ сюжетовъ, «достойныхъ поэзіи», какъ выражались старинныя піитики, принадлежала младшему современнику и почитателю «донъ Мавра» — Гекторовичу» (стр. 38)... Эти замѣчанія автора представляются мнѣ ошибочными... Прежде всего, утверждать, что картина современной поэту народной жизни дана Ветраничемъ въ его драмѣ, «такъ сказать, по недоразумѣнію (?)» что «прямого намѣренія рисовать бытъ своего народа у Ветранича еще не было», и что поэтъ воспроизвелъ въ своей пьесѣ этотъ бытъ только по незнанію быта еврейскихъ поселянъ, который ему необходимо было изобразить, едва ли есть строгое основаніе: утвержденіе это, въ сущности, не болѣе, какъ предположеніе, и оно является, по моему мнѣнію, неумѣстнымъ по отношенію къ тому виду литературныхъ произведеній, котораго касается, и къ тому времени, въ предѣлахъ котораго прилагается... Дѣло въ томъ, что явленія, подобныя отмѣченному г. Петровскимъ въ драмѣ Ветранича, были совсѣмъ не такъ обычны въ однородныхъ литературныхъ произведеніяхъ данной эпохи. Народно-бытовые элементы считаются отличительною характеристическою чертою мистерій англійскихъ, сравнительно съ французскими и нѣмецкими. Глубокая связь англійскихъ мистерій съ жизнью народа, по словамъ проф. Стороженка[1]), «видна не только въ языкѣ, носящемъ на себѣ слѣды различныхъ мѣстныхъ говоровъ, но и въ народномъ колоритѣ, доходящемъ до того, что виѳлеемскіе пастухи (въ честерскомъ циклѣ мистерій) наивно сознаются публикѣ, что они родомъ изъ Ланкашира, а одинъ изъ воиновъ Ирода называетъ своего повелителя королемъ Шотландскимъ». Въ Тоунлейскихъ, или Векфильдскихъ мистеріяхъ, по свидѣтельству названнаго изслѣдователя, «передъ нами стоитъ Каинъ, нисколько не похожій на библейское олицетвореніе зависти и злобы, а воплотившійся въ скареднаго, бран-

1) «Предшественники Шекспира», т. I: «Лилли и Марло», стр. 21.

чиваго іоркширскаго поселянина, раздосадованнаго неурожаями, скотскими падежами и другими невзгодами. Еще сильнѣе народный элементъ выступаетъ въ мистеріи о Виѳлеемскихъ пастухахъ (Paginae pastorum), которая во всѣхъ трехъ собраніяхъ (Честерскомъ, Ковентрійскомъ и Векфильдскомъ) представляетъ собою живо снятую съ натуры картину сельскаго быта Англіи въ ту отдаленную эпоху, когда еще не изгладился антагонизмъ между саксонскимъ населеніемъ и побѣдившей его нормандской аристократіей [1])». «Posvetilište Abramovo» Ветранича свидѣтельствуетъ, что указанная отличительная черта была присуща не однѣмъ англійскимъ мистеріямъ, а принадлежала и нѣкоторымъ хорватскимъ. По замѣчанію проф. Стороженка [2]), «народно-бытовые эпизоды векфильдскихъ мистерій, представляя собой художественно-исполненныя картинки изъ народнаго быта, свидѣтельствующія о быстромъ развитіи драматическаго искусства въ Англіи изъ народныхъ началъ, своимъ реальнымъ направленіемъ какъ бы предсказываютъ тотъ путь, по которому впослѣдствіи пошла англійская драма»: живыя картинки народнаго быта, находимыя въ названной драмѣ Ветранича, могли бы, можетъ быть, также, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, послужить точкою отправленія для развитія самобытной народной драмы у хорватовъ; въ этомъ смыслѣ значеніе ихъ важнѣе, нежели думаетъ г. Петровскій. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія реализма еще трудно сказать, что̀ предпочтительнѣе — ввести современное народное содержаніе въ традиціонныя неприкосновенныя формы священнаго сюжета, какъ поступилъ Ветраничь, или, рисуя простыхъ людей, изъ среды народа, вложить въ уста ихъ не всегда понятные и для самого автора символы Пиѳагора и другіе книжные матеріалы, какъ сдѣлалъ Гекторовичь: истинный реализмъ еще только пробивалъ въ данный моментъ себѣ дорогу въ литературу, и она давалась ему не безъ уклоненій въ сторону

1) Стороженко, тамъ же.
2) «Предшественники Шекспира», I, 31.

отъ настоящаго направленія... Форма рыбацкой идилліи (egloga pescatoria), сама по себѣ, не заключаетъ въ себѣ никакого преимущества передъ пасторалью, которая, судя по уступительному обороту рѣчи, въ которомъ о ней говоритъ г. Петровскій, можетъ, повидимому, по мнѣнію автора, какъ будто ограничивать значеніе попытки Ветранича характеризовать обыденную дѣйствительность. О сходствѣ нѣкоторыхъ мѣстъ драмы Ветранича съ произведеніями народной поэзіи, свидѣтельствующемъ о знакомствѣ поэта съ народною средою и сочувствіи родному народу, г. Петровскій также выражается такъ, что какъ будто относится съ недовѣріемъ къ указаніямъ Павича [1]) по этому предмету, между тѣмъ это сходство не подлежитъ сомнѣнію. Что касается до несоблюденія мѣстнаго колорита, то эта черта не можетъ имѣть опредѣляющаго значенія при сужденіи о драмѣ Ветранича со стороны правды поэтическаго представленія: анахронизмы всякаго рода въ указанномъ отношеніи были, какъ извѣстно, общимъ явленіемъ въ произведеніяхъ какъ литературы такъ и искусства данной переходной эпохи, коренясь въ средневѣковой наивной вѣрѣ во всеобщность наличныхъ формъ жизни. Люди глубокой древности и сѣдой старины, всѣхъ положеній и состояній, представлялись поэтамъ и художникамъ средневѣковья и ранней поры гуманизма, какъ будто они были ихъ современниками: вѣстникъ, объявляющій въ Палестинѣ эдиктъ Августа, является въ одной изъ французскихъ мистерій Страстей Господнихъ съ двуглавымъ орломъ на груди; Іосифъ Аримафейскій въ нѣмецкой мистеріи Положенія Христа во гробъ Матвѣя Гундельфингера, входя къ Пилату, снимаетъ, по ремаркѣ автора, шляпу съ головы; вандалы и римляне во французскихъ мистеріяхъ о св. Дезидеріи и Квинтинѣ стрѣляютъ изъ пушекъ; пастухъ въ одной рождественской мистеріи клянется именемъ распятаго Христа [2]) и т. п. О сценахъ изъ современной народной

1) A. Pavić, Historija dubrovačke drame, стр. 32, 34.
2) Creizenach, Geschichte des neueren Dramas, I, 198—199.

жизни въ англійскихъ мистеріяхъ съ сюжетомъ изъ Библіи уже сказано выше. Имена дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ подобнаго рода, особенно изъ низшихъ сословій, сплошь и рядомъ оказываются современными авторамъ: такъ въ одной итальянской мистеріи о Товіи одного слугу зовутъ Martino, другого Arrighetto, въ гессенской рождественской драмѣ есть дѣйствующія лица съ такими именами, какъ Арнольдъ и Гиллегарда [1]), въ одной изъ мистерій Тоунлейскаго собранія о Виѳлеемскихъ пастухахъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является овцекрадъ Макъ [2]) и т. п. Не свободны, какъ извѣстно, отъ подобныхъ анахронизмовъ и геніальныя произведенія Шекспира: міросозерцаніе, въ которомъ живетъ авторъ «Гамлета» и которое онъ высказываетъ не только чрезъ своего героя, но и чрезъ всю драму, не имѣетъ, по замѣчанію Макса Коха, ничего общаго съ средними вѣками [3]), къ которымъ относится исторія о датскомъ принцѣ, впервые разсказанная Саксономъ Грамматикомъ (ум. въ 1204 г.); жизнь древнихъ грековъ въ трагедіи «Троилъ и Крессида» представляется съ чертами средневѣковаго рыцарства; въ «Юліи Цезарѣ» говорится о часахъ и барабанахъ, въ «Гамлетѣ» и «Королѣ Іоаннѣ» о пушкахъ. Однородныя явленія, кромѣ произведеній поэтическихъ, наблюдаются и въ другихъ искусствахъ: достаточно сопоставить, напримѣръ, «Моисея, спасеннаго изъ воды» Павла Веронезе (1528—1588) и иллюстраціи Библіи Густава Доре, «Бракъ въ Канѣ Галилейской» того же Веронезе или Тинторетто (1512 — 1594) и «Грѣшницу» Полѣнова. Въ драматическомъ искусствѣ о вѣрности костюмовъ, грима и обстановки при исполненіи пьесъ съ сюжетами изъ исторіи или далекаго прошлаго не было рѣчи, напримѣръ, въ Германіи до реформы Готшеда [4]). «Шекспиръ, говоритъ одинъ изъ выдающихся

1) Creizenach, тамъ же, I, 199.

2) Стороженко, Предшественники Шекспира, I, 22—23.

3) М. Кохъ, Шекспиръ (русск. перев. Гуляева, подъ ред. проф. Стороженка), стр. 104.

4) Proelsz, Kurzgef. Geschichte der deutschen Schauspielkunst, 133.

изслѣдователей творчества геніальнаго драматурга о драмахъ его изъ римской жизни, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ жизни и характеру римлянъ, стремился достигнуть идейной истины, т.-е. истины скорѣе въ духѣ событій, чѣмъ въ ихъ фактическомъ содержаніи, понималъ, что его дѣйствующія лица, прежде чѣмъ быть римлянами, должны быть людьми, зналъ, что, подпирая искусство эрудиціей, невозможно придать прочности тому, что должно держаться не помощью матеріальныхъ подпорокъ и устоевъ, а силою живого духа, которому оно служитъ тѣломъ, или вовсе держаться не будетъ [1])»... Отнюдь не думаю, разумѣется, въ какомъ-либо отношеніи сравнивать Ветранича съ Шекспиромъ, но, въ виду указаннаго факта художественнаго совмѣщенія въ произведеніяхъ послѣдняго отсутствія подчасъ строгой исторической точности съ внутренней правдой жизни и глубокимъ «откровеніемъ человѣческаго сердца», по выраженію Карамзина, нахожу, что несоблюденіе мѣстнаго колорита при изображеніи еврейскихъ поселянъ въ драмѣ «Posvetilište Abramovo» нисколько не помѣшало ея автору обнаружить живую наблюдательность по отношенію къ окружающей дѣйствительности, отмѣченную любовнымъ вниманіемъ къ ней, и несомнѣнную способность къ проникновенію въ интимную жизнь сердца людей съ болѣе или менѣе художественнымъ умѣньемъ дать почувствовать ее другимъ... Сцена исканья пропавшаго ножа во время сборовъ въ путь [2]), нѣкоторыя отдѣльныя подробности описанія утренней прогулки Кампрелы въ горы за водою [3]), полная свѣжаго, непосредственнаго юмора сцена между чужимъ пастухомъ, зашедшимъ къ шатрамъ Авраама, и служанками Сары, Куячей и Гоисавой [4]), сцена ужина Авраама съ своими спутниками у горящаго костра въ горной долинѣ [5]), эпизодъ съ куницей, проникшей въ курят-

1) Эд. Дауденъ, Шекспиръ, критич. изслѣд. его мысли и его творчества (русск. перев.[1] Л. Черновой), стр. 289—290.

2) St. pisci hrv., IV, 239—240.

3) St. pisci hrv., IV, 278.

4) St. p. hrv., IV, 329—330.

5) St. pisci hrv., IV, 309—310.

никъ, задушившей пѣтуха и разбившей корзину яицъ [1]), — все это живыя бытовыя картины съ натуры. Комическій элементъ, введенный авторомъ въ нѣкоторыя изъ нихъ, выдержанъ въ правдивыхъ тонахъ и свободенъ отъ всякой искусственности и преувеличеній, какія весьма часто замѣчаются въ однородныхъ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, въ родѣ, напримѣръ, вымазыванія въ одной французской мистеріи глиной лица заснувшаго пастуха его товарищами или карикатурнаго представленія въ одной рождественской драмѣ глупаго положенія пастуха, оставившаго пойманную сову на землѣ съ связанными ногами, въ увѣренности, что она никуда не можетъ уйти, и крайне удивившагося, когда, вернувшись, не нашелъ ее на мѣстѣ, на которомъ оставилъ, такъ какъ она, разумѣется, улетѣла [2])... Напускная дѣловитость и хлопотливость Авраама и старанія его развлечь Сару, смущенную неожиданностью сборовъ мужа въ виду ночи въ дорогу, заботами по хозяйству, безотчетная тревога материнскаго сердца и нѣжная заботливость Сары при разставаніи съ сыномъ, тягость тоски по немъ въ разлукѣ, старанья служанокъ разсѣять тоскливое настроеніе своей госпожи и растерянность ихъ отъ сознанія безсилія помочь горю, — все это отмѣчено жизненностью наблюденія и психологическою правдою, напоминающею изображеніе душевныхъ движеній въ мистеріи съ тѣмъ же сюжетомъ изъ числа Towneley Plays, которая принадлежитъ, по свидѣтельству проф. Стороженка, «къ лучшимъ перламъ средневѣковой поэзіи [3])». Истиннымъ реализмомъ отличаются у Ветранича и его описанія природы, какъ находящіяся въ изобиліи въ драмѣ «Posvetilište Abramovo», такъ и разсѣянныя во множествѣ въ другихъ его произведеніяхъ: страдая нерѣдко длиннотами и излишествомъ подробностей, они рѣшительно не имѣютъ себѣ равныхъ въ сербо-далматской поэтической лите-

---

1) St. p. hrv., IV, 331—332.

2) Creizenach, Geschichte des neueren Dramas, I, 206, 207.

3) Стороженко, Предшественники Шекспира, I, 19. — М. Кохъ, Шекспиръ, 294.

ратурѣ, по точности представленія и силѣ, а иногда и красотѣ выраженія [1]); неизбѣжная дань времени, такія отдѣльныя частности, какъ фениксы и единороги, золотокрылые орлы съ коронами на головахъ и дубы съ золотыми листьями и серебряными вѣтвями, попадающіяся иногда въ указанныхъ описаніяхъ, являясь отголоскомъ средневѣковыхъ «физіологовъ» и впечатлѣній отъ чтенія античныхъ поэтовъ, не могутъ имѣть, конечно, въ данномъ случаѣ, значенія, опредѣляющаго общій характеръ отношенія автора къ предмету [2]): и у Шекспира Отелло, разсказывая въ сенатѣ, какъ покорилъ онъ сердце Десдемоны, говоритъ о людяхъ-чудищахъ съ головами ниже плечъ [3]). Такими противорѣчіями, замѣчаетъ по поводу подобныхъ явленій въ произведеніяхъ Шекспира М. Кохъ, «богата вся эпоха Возрожденія... Не только у Теофраста Парацельса, одного изъ самыхъ почтенныхъ именъ въ медицинѣ, выступаетъ противорѣчіе между вполнѣ новыми изслѣдованіями и средневѣковой вѣрой въ чертей,—такой же контрастъ химикъ Либихъ указалъ и у мыслителя, считающагося отцомъ современнаго эмпирическаго изслѣдованія, — у лорда Бэкона [4])». Говоря о двухъ современныхъ поэтахъ, какими были Ветраничь и Гекторовичь, я не нахожу особенно важнымъ вопросъ, кому изъ нихъ, по времени, должно принадлежать первенство въ реалистическомъ представленіи въ поэзіи непосредственно окружающей ихъ дѣйствительности, но по объему приложенія реалистическаго интереса къ личной и на-

1) Таково, напримѣръ, превосходное стихотвореніе «Remeta»: St. pisci hrv., III, 12 и слѣд.

2) «Sequendo nella forma il convenzionalismo dell' epoca, per cui l'individualità quasi spariva davanti a leggi immutabili, замѣчаетъ о Ветраничѣ проф. Цаpичь, egli nel contenuto si tiene sempre con un piede pronto alla ribellione»: «Del poeta raguseo M. Vetranić Čavčić», 12.

3) Шекспиръ заимствовалъ эту сказку, по мнѣнію комментаторовъ, изъ описанія Гвіаны Ралейга (1596 г.), который, сознаваясь, что онъ самъ не видалъ такихъ людей, увѣрялъ, что они жили на берегу рѣки Каоры, впадающей въ Ореноко (Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго, т. I, 228, прим. 18).

4) М. Кохъ, Шекспиръ, 107.

родной жизни и внутренней значительности его фактическаго проявленія въ творчествѣ, Ветраничь, по моему мнѣнію, безспорно занимаетъ первое мѣсто среди югославянскихъ писателей XVI столѣтія. Что касается Гекторовича, то, признавая все самобытное значеніе его поэмы и всѣ неоспоримыя достоинства ея въ отношеніи реализма поэтическаго представленія жизни, думаю, заодно съ Іенсеномъ, что приравнивать его Ветраничу никакъ нельзя, и тѣмъ болѣе ставить его впереди этого послѣдняго [1]). Замѣчаніями о Ветраничѣ заканчивается первая глава разсматриваемой книги г. Петровскаго. Я остановился на ней, можетъ быть, дольше, чѣмъ слѣдовало, потому что по мысли автора ею опредѣляется въ его трудѣ историческая перспектива для сужденія о литературномъ значеніи Гекторовича, но должно замѣтить, что самимъ авторомъ эта точка зрѣнія въ дальнѣйшемъ изложеніи выдержана не совсѣмъ отчетливо, и внутренняя связь разсмотрѣнной главы съ остальнымъ содержаніемъ книги представляется, въ сущности, нѣсколько проблематичною...

Во второй главѣ (стр. 39—74) г. Петровскій излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Гекторовичѣ въ связи съ характеристикою внутренняго состоянія Хвара въ началѣ XVI вѣка (стр. 39—59), сообщаетъ имѣющіяся достовѣрныя данныя объ отношеніяхъ поэта къ современнымъ ему хорватскимъ литературнымъ дѣятелямъ (стр. 59—65) и даетъ критическій обзоръ изданій и рукописей его сочиненій (стр. 66—74). Недостатокъ источниковъ не позволилъ автору, по его собственному признанію, прибавить что-нибудь существенное къ біографіи Гекторовича, составленной Любичемъ и напечатанной въ академическомъ изданіи сочиненій поэта. Вмѣстѣ съ Любичемъ [2]) г. Петровскій считаетъ годомъ рожденія Гекторовича не 1486, какъ полагалъ Кукульевичь-Сакцинскій [3]), а 1487, при чемъ, путемъ сопоста-

---

1) A. Jensen, Einige litterarische Bemerkungen zum «Ribanje» von Petar Hektorović: Archiv f. Sl. Phil., XXV, 439.

2) St. p. hrv., VI, стр. I.

3) «Pjesnici hrvatski», I, 88.

вленія даты посланія поэта къ Ветраничу (1 іюля 1556 г.) и времени составленія имъ своего завѣщанія (18 февраля 1559 г.), пользуясь заключающимися въ томъ и другомъ изъ нихъ собственными указаніями автора относительно своихъ лѣтъ, устанавливаетъ ближайшимъ образомъ время рожденія поэта между 18 февраля и 1 іюля. Любичь, какъ извѣстно, говоритъ, не указывая источника, откуда заимствуетъ свое свѣдѣніе, что мать Гекторовича была изъ рода Бальби [1]); основываясь на томъ, что въ перечнѣ фамилій хварскихъ нобилей XVI вѣка у Джустиніано нѣтъ фамиліи Бальби, а есть двѣ очень похожихъ — Бальчи и Барби, г. Петровскій высказываетъ предположеніе, не происходила ли мать поэта изъ фамиліи Барби, на одной изъ представительницъ которой былъ женатъ Іеронимъ Бртучевичь, называемый въ поэмѣ «Ribanje» родственникомъ автора. Какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣтствѣ и юности поэта, по мнѣнію г. Петровскаго, не имѣется: разсказъ Любича о томъ, что отецъ Гекторовича, замѣтивъ способности мальчика и желая дать ему лучшее образованіе, собирался отправить сына въ Италію, но, по политическимъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ ограничиться Сплитомъ, гдѣ будущій авторъ поэмы «Ribanje» оказалъ такіе выдающіеся успѣхи, что обратилъ на себя вниманіе тамошнихъ литераторовъ и между прочимъ Марулича [2]), авторъ находитъ не имѣющимъ основанія. Чтобы хотя нѣсколько освѣтить, съ своей стороны, условія, въ которыхъ прошло въ жизни изучаемаго писателя время образованія его характера и опредѣленія его взглядовъ и убѣжденій, г. Петровскій останавливается на характеристикѣ современныхъ внутреннихъ общественныхъ отношеній Хвара и подробно излагаетъ обстоятельства хварскихъ народныхъ возстаній противъ нобилей въ 1510—1514 годахъ, пользуясь для своего разсказа преимущественно данными дневника Санудо съ дополненіями изъ находящейся въ библіотекѣ дубровницкаго францисканскаго монастыря рукописной книги

1) St. p. hrv., VI, стр. I.
2) St. p. hrv., VI, стр. II.

хварскаго нобиля Александра Газаровича (Alessandro Gazzari), подъ заглавіемъ: «Avvenimenti storici di Lesina compendiati in Tre Libri», и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, вновь привлеченныхъ въ данномъ случаѣ къ изученію предмета изъ собранія рукописей библіотеки задрской гимназіи. Руководящимъ мотивомъ при этомъ для автора было соображеніе, что Гекторовичь, «и по рожденію, и по видѣннымъ въ молодости примѣрамъ подготовлялся къ роли олигарха, съ презрѣніемъ относящагося къ народу» (стр. 54), и тѣмъ не менѣе въ своей поэмѣ проявилъ «выдающуюся способность чувствовать правду, вопреки соціальнымъ предразсудкамъ, и воплощать ее въ яркихъ и живыхъ образахъ» (стр. 110): «если бы, говоритъ г. Петровскій въ заключеніи своей книги, представителямъ теоріи о подавляющемъ значеніи среды для писателя были знакомы «Рибанье» съ одной стороны и біографія Гекторовича съ другой, они остановились бы въ недоумѣніи передъ этимъ фактомъ, который въ силу своей единичности не разрушаетъ цѣлой теоріи, но представляетъ серьезное возраженіе противъ нея по своей значительности; воспитанный въ строго аристократическихъ тенденціяхъ, сынъ человѣка, не вполнѣ добросовѣстно относившагося къ народу,—патрицій-Гекторовичъ разсмотрѣлъ «душу живу» въ плебеяхъ, проникся уваженіемъ къ этимъ труженикамъ и засвидѣтельствовалъ его въ поэтическомъ произведеніи, героями котораго являются представители низшихъ классовъ народа» (стр. 286). По моему мнѣнію, не слѣдуетъ прежде всего чрезмѣрно преувеличивать значеніе указаннаго отношенія между обстановкою дѣтства и условіями воспитанія автора поэмы «Ribanje» и его литературнымъ направленіемъ; явленіе, отмѣчаемое г. Петровскимъ въ отношеніи Гекторовича, совсѣмъ не «единичное» и не исключительное: то же можно, напримѣръ, сказать о Грибоѣдовѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ, Салтыковѣ... «Крѣпостное право, тяжелое и грубое въ своихъ формахъ, говоритъ Салтыковъ[1]) устами Ни-

1) Полн. собр. сочин. [3] (1895 г.), XII, 146.

канора Затрапезнаго въ «Пошехонской старинѣ», сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ всѣ его фазисы, я могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію его». Независимо отъ того, для цѣлей автора достаточно было бы, мнѣ думается, указать на совпаденіе упомянутыхъ народныхъ движеній на родинѣ Гекторовича съ указаннымъ важнымъ періодомъ въ личной жизни поэта, и изложеніе подробностей, которое занимаетъ около 12 страницъ (стр. 43—54), не заключая въ себѣ чего-либо существенно значительнаго, чего не было бы извѣстно раньше, представляется, на мой взглядъ, напраснымъ уклоненіемъ отъ прямого предмета содержанія разсматриваемой главы. Остановлюсь мимоходомъ на одномъ соображеніи г. Петровскаго, высказанномъ по поводу и на основаніи одного изъ указанныхъ имъ новыхъ документовъ, относящихся къ хварскимъ событіямъ начала XVI столѣтія. В. И. Ламанскій [1]), какъ извѣстно, высказалъ въ свое время предположеніе, что хварское возстаніе было отчасти послѣдствіемъ распространенія въ Далмаціи прокламацій императора Максимиліана; г. Петровскій говоритъ (стр. 52, примѣч.), что въ одной изъ рукописей задрской гимназіи имѣется письмо хварскихъ нобилей въ венеціанскій сенатъ съ выраженіемъ ему недовольства на то, что зачинщики и вожаки народныхъ возстаній самостоятельно сносятся съ нимъ, и съ требованіемъ устройства въ ближайшій срокъ народнаго собранія для обсужденія предлагаемаго подписавшимися проекта управленія общиною, и изъ 82 лицъ, участвовавшихъ въ этомъ заявленіи, подписи шестидесяти «brevitatis causa опущены», а шесть сдѣланы чужой рукою «за неграмотностью и по личной просьбѣ» и «по слабости зрѣнія»; «если таково было образованіе среди нобилей, замѣчаетъ авторъ, то отъ народной партіи вовсе нельзя ожидать какого бы то ни было политическаго развитія»,

1) «Secrets d'Etat de Venise» (SPb, 1884), стр. 429.

и указанное предположеніе В. И. Ламанскаго является мало вѣроятнымъ; но, мнѣ думается, для успѣшнаго распространенія какихъ бы то ни было прокламацій вовсе не требуется всеобщей грамотности и особеннаго политическаго развитія среды, въ которую онѣ направляются, особенно при наличности въ дѣйствительности, какъ это было въ данномъ случаѣ, благопріятныхъ условій въ мѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ для усвоенія соотвѣтственныхъ руководящихъ идей этихъ прокламацій. Обстоятельства второй половины жизни Гекторовича (стр. 54—57) г. Петровскій излагаетъ, мало въ чемъ расходясь съ Любичемъ. Изъ замѣчаній автора о личныхъ отношеніяхъ Гекторовича къ современнымъ ему хорватскимъ писателямъ отмѣчу указаніе объ отсутствіи прямыхъ основаній для предположенія о личномъ знакомствѣ поэта съ Маруличемъ, вопреки утвержденію Любича. Обращаясь къ обзору печатныхъ изданій и рукописей сочиненій изучаемаго писателя, г. Петровскій даетъ прежде всего обстоятельное описаніе венеціанскаго изданія поэмы «Ribanje» 1568 года, по экземпляру его, находящемуся въ библіотекѣ Юго-славянской Академіи наукъ и искусствъ, съ воспроизведеніемъ отрывка изъ него для образца правописанія; другого венеціанскаго изданія поэмы Гекторовича 1638 года, о которомъ Жепичь въ своемъ предисловіи къ академическому изданію сочиненій поэта [1]) говоритъ, какъ о менѣе корректномъ, г. Петровскій не видалъ. Изъ рукописей, въ которыхъ имѣются произведенія автора поэмы «Ribanje», г. Петровскій между прочимъ указываетъ одну, находящуюся также въ библіотекѣ Юго-славянской Академіи, но оставшуюся неизвѣстною Жепичу при редакціи академическаго изданія, а также и не упоминаемую Решетаромъ въ его статьѣ «Ispravci i dodaci tekstu starijeh pisaca dubrovačkijeh. Pjesni ljuvene Nikole Nalješkovića», напечатанной въ «Rad'ѣ Jugosl. Akad.» за 1894 г. (kn. CXIX): въ этой рукописи находится отрывокъ посланія Гекторовича къ Налешковичу, напечатаннаго

1) St. pisci hrv., VI, стр. XXXIV.

въ академическомъ изданіи по другой рукописи той же библіотеки. Въ изданіи Любича 1846—1847 г., напечатанномъ по рукописи Нисетича, авторъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ неправильностей и пропусковъ сравнительно съ editio princeps и академическимъ изданіемъ (стр. 69—72), а также указываетъ нѣсколько редакторскихъ ошибокъ въ текстѣ изданія «Stari pisci hrvatski», которыхъ, впрочемъ, оказывается очень немного. Г. Петровскій имѣетъ основаніе думать, что и въ editio princeps текстъ, повидимому, былъ напечатанъ не вездѣ вѣрно. Рукописи, бывшія подъ руками у Делабеллы и Стулли, по мнѣнію автора, также едва ли были исправны.

Третья глава (стр. 75—89) занята разборомъ принадлежащаго Гекторовичу перевода поэмы Овидія «De remedio amoris». Вступительныя замѣчанія автора представляются не совсѣмъ ясными: «выросшая подъ мощнымъ воздѣйствіемъ гуманизма далматская литература, говоритъ г. Петровскій, не сразу съумѣла воспользоваться *сущностью*[1]) движенія, и, какъ это нерѣдко бываетъ съ подражателями, долгое время воспроизводила только внѣшнюю его сторону; Маруличъ, въ достовѣрно ему принадлежащихъ произведеніяхъ, остается на средневѣковой точкѣ зрѣнія; «дубровницкіе трубадуры», Менчетичъ и Држичъ, щеголяютъ въ обноскахъ Петрарки, поэтическая дѣятельность котораго вовсе не составляла его силы; Чубрановичъ извѣстенъ намъ почти по одному произведенію, которое съ гуманизмомъ ничего общаго не имѣетъ; только въ слѣдующемъ поколѣніи хорватскихъ поэтовъ замѣтно нѣкоторое стремленіе «предпочесть оригиналы спискамъ» и обратиться къ тому же источнику, изъ котораго черпали ихъ итальянскіе наставники»... По контексту выписанной тирады трудно понять, что̀ именно разумѣетъ въ данномъ случаѣ авторъ подъ сущностью гуманизма. Если, судя по заключительнымъ словамъ, рѣчь идетъ о чтеніи и изученіи античныхъ классиковъ, то сущность гуманистическаго движенія

1) Курсивъ автора.

заключалась, конечно, не въ этомъ, да и о Маруличѣ, напримѣръ, нельзя сказать, что онъ не былъ непосредственно знакомъ съ классиками; если же авторъ имѣетъ въ виду начало народности, то любовное вниманіе къ родному народу замѣчается не только у Марулича, начавшаго, повидимому, изъ этого побужденія, какъ было сказано выше, писать по-хорватски, но и у писавшаго исключительно по-латыни Шижгорича, проявившаго сочувственный интересъ къ народному обычаю въ своемъ сочиненіи «De situ Illyriae et civitate Sibenici», или точнѣе въ главѣ его: «De moribus quibusdam Sibenici» [1]). О связи съ народною поэзіею лирики Менчетича и Г. Држича говорилось выше. Названный выше переводъ изъ Овидія является самымъ раннимъ, по времени своего появленія, изъ сохранившихся произведеній Гекторовича. Хронологическій terminus ad quem его опредѣляется временемъ, къ которому относится рѣчь Прибоевича «О происхожденіи и судьбахъ славянъ» (de origine successibusque slavorum), въ которой впервые упоминается о переводѣ Гекторовича изъ Овидія, т. е. 1525 г. Гекторовичь перевелъ не всю поэму Овидія, какъ говорили Прибоевичь и, вслѣдъ за нимъ, Каваньинъ (въ поэмѣ «Bogatstvo i ubožtvo»), а только первую часть ея (1—396 стихи), да и она оказывается въ переводѣ не въ полномъ видѣ. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ посвященія (Пелегриновичу), переводъ поэмы Овидія былъ не первымъ литературнымъ произведеніемъ Гекторовича, но болѣе раннихъ сочиненій поэта не сохранилось. Г. Петровскій тщательно сравниваетъ стихъ за стихомъ оригиналъ и хорватскій переводъ поэмы Овидія (стр. 81—85), имѣющійся въ изданіяхъ Облака (Archiv für Slav. Phil., XV) и Любича (Građa za povjest književnosti hrvatske, I), изъ которыхъ, впрочемъ, ни то ни другое, по мнѣнію автора, нельзя признать удовлетворительнымъ, и приходитъ къ заключенію, что хорватскій текстъ существенно

---

1) Građa za povjest knjizevnosti hrvatske, II, 1—12 (Cap. XVII— стр. 10—11). — Ср. Šrepel, Humanist Šižgorić: Rad Jugosl. Akad., кн. 138, стр. 210, 267—269. — Medini, Povjest hrv. književn., I, 74—76.

разнится отъ латинскаго, значительно уступая последнему въ красотѣ и изяществѣ, и что Гекторовичь пользовался при переводѣ комментаріями Мерулы; по мнѣнію Г. Петровскаго, возможно, что переводъ былъ сдѣланъ съ итальянскаго языка, а не съ латинскаго, но онъ оставляетъ вопросъ объ этомъ открытымъ. Въ способѣ выраженія Гекторовича въ его переводѣ авторъ находитъ, какъ было сказано выше, слѣды «трубадурской» лирики. Одною изъ причинъ частыхъ отступленій отъ подлинника, по мнѣнію г. Петровскаго, былъ излюбленный хорватскими поэтами «дванаестерац».

Въ четвертой главѣ, послѣ характеристики итальянскихъ рыбацкихъ идиллій начала XVI вѣка путемъ краткаго обзора содержанія латинскихъ эклогъ Санназаро (1458—1530) и его послѣдователей на итальянскомъ языкѣ — Берн. Роты (1509—1575), Бернардо Тассо (1493—1569) и Андр. Кальмо (1510—1571) (стр. 90—94), г. Петровскій излагаетъ содержаніе главнаго изъ произведеній Гекторовича, его поэмы «Ribanje» (стр. 95—105) и дѣлаетъ общую оцѣнку его литературнаго значенія (стр. 105—110). При пересказѣ содержанія авторъ указываетъ по пути литературныя припоминанія поэта: при объясненіи происхожденія и безостановочнаго теченія рѣкъ—Екклесіастъ Соломона, «Μετεωρολογικά» Аристотеля, имѣвшіяся во время Гекторовича въ латинскихъ переводахъ Альціонія (изд. дважды въ Венеціи — въ 1521 и 1548) и Сепульведы (Парижъ 1532 г.), «Metheororum libri II» Альберта Великаго, при разсказѣ о первобытныхъ временахъ—«De consolatione philosophiae» Боэція, при перечисленіи чувствъ и подвиговъ тѣлеснаго и духовнаго милосердія — «Evangelistarium» Марулича. Въ изложеніи содержанія поэмы остановлюсь на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ автора. Разсказывая, что утромъ третьяго дня, укрѣпивъ лодку на якорѣ, путешественники отправились въ церковь, гдѣ помолились «каждый по своему обычаю» (svak po običaj svoj), г. Петровскій говоритъ, что «это выраженіе позволяетъ думать, что не всѣ путешественники были одного вѣроисповѣданія; такъ какъ

Гекторовичъ былъ, безъ сомнѣнія, католикъ, а имя Паскоя также наводитъ на мысль о принадлежности его—а, стало быть, и его сына—къ западной церкви, то православнымъ могъ быть только Николай; любопытно, прибавляетъ авторъ, что именно онъ предложилъ пѣть бугарштицу на *сербскій* [1]) ладъ (srbskim načinom)» (стр. 100—101). Мнѣ думается, выраженіе «svak po običaj svoj» относится не къ различію вѣроисповѣданія молившихся, а просто къ личному у каждаго изъ нихъ обыкновенію молиться, характеру молитвы; во всякомъ случаѣ дѣлать изъ указаннаго выраженія заключеніе о православіи Николая слишкомъ смѣло; Іенсенъ [2]), судя по прозвищу (Zet), думаетъ, что онъ былъ зятемъ Паскоя, котораго онъ называетъ ćaćka. Говоря о загадываніи и разгадываніи загадокъ, которыми развлекались во второй день своей морской поѣздки рыбаки, г. Петровскій находитъ страннымъ, что вопросы и отвѣты при этомъ пѣлись (стр. 100), но, по замѣчанію Іенсена [3]), употребленныя въ данномъ случаѣ Гекторовичемъ выраженія odpivati и pripivati можно понимать не въ смыслѣ пѣнія, или исполненія какой-либо мелодіи, а просто въ смыслѣ ритмической декламаціи заученныхъ наизусть изреченій. Въ окончательномъ выводѣ изъ своего изученія поэмы Гекторовича г. Петровскій приходитъ къ заключенію, что при сравненіи съ современными итальянскими «рыбацкими эклогами» (egloghe pescatorie), если не считать нѣкотораго незначительнаго и отдаленнаго сходства въ кое-какихъ внѣшнихъ подробностяхъ изложенія содержанія или внѣшней обстановки съ десятой эклогой Б. Роты («Timeta»), «Ribanje», и по общей концепціи, и по идеѣ, является произведеніемъ вполнѣ самобытнымъ и отличается совершенно необычнымъ для своего времени реализмомъ поэтическаго представленія жизни: вмѣсто серьезнаго и скучнаго трактата о какихъ-либо высокихъ вопросахъ въ обычной формѣ дидактической поэмы или любовныхъ ламентацій и диѳирамбовъ

1) Курсивъ г. Петровскаго.
2) «Einige litter. Bemerk. zum «Ribanje»: Arch. f. Sl. Phil., XXV, 438.
3) Тамъ-же, стр. 432.

возлюбленнымъ, вложенныхъ въ уста людей, которые, хотя и носятъ названіе рыбаковъ или пастуховъ, но, въ сущности, не имѣютъ ничего общаго ни съ однимъ изъ этихъ классовъ трудящагося люда, Гекторовичь въ выборѣ сюжета для своего произведенія руководствовался «указаніями самой жизни народа въ Далмаціи», въ виду малаго количества плодородной земли вынужденнаго эксплоатировать другую стихію—море, и сохранилъ въ теченіе всего разсказа за дѣйствующими въ его поэмѣ лицами присущій ихъ профессіи отличительный характеръ трудовыхъ и житейскихъ интересовъ: «его рыбаки, говоритъ авторъ, прекрасно знаютъ свое ремесло, охотно говорятъ о немъ и добросовѣстно занимаются имъ, а пригласившій ихъ съ собою авторъ «Рибанья» живо и подробно, но не дидактично, описываетъ все это, со смысломъ употребляя рыболовные термины, которые очевидно, были ему извѣстны въ совершенствѣ» (стр. 106—107). Съ этими замѣчаніями г. Петровскаго нельзя не согласиться; справедливо указываетъ онъ также и на такія жизненныя черты, какими характеризуются, напримѣръ, въ подробностяхъ разсказа Гекторовича моменты забывчивости Николая и смущенія его вслѣдствіе ея, его застѣнчивости, когда ему забыли дать вина, обѣщаннаго за удачное разгадываніе загадокъ, и онъ не рѣшался напомнить объ обѣщаніи. Но, по моему мнѣнію, авторъ впадаетъ въ преувеличеніе, говоря, что такихъ жизненныхъ подробностей «не найдется у современныхъ Гекторовичу поэтовъ, изъ которыхъ ни одинъ не рѣшился бы внести ихъ въ свое произведеніе... Изъ другихъ хорватскихъ поэтовъ XVI вѣка, продолжаетъ по этому поводу г. Петровскій, *народъ* [1]) выводили въ своихъ пастораляхъ Налешковичъ, М. Држичъ и Зораничъ, если не считать (?) Ветранича, о которомъ была уже рѣчь выше; но всѣ ихъ Радаты, Любмиры, Радмилы и т. д. только славянскимъ именемъ отличаются отъ героевъ современныхъ имъ итальянскихъ эклогъ, а неизбѣжныя въ подобныхъ произведеніяхъ *вилы*

1) Курсивъ автора.

не имѣютъ ничего общаго съ *вилами* дѣйствительно народной поэзіи и оказываются носящими хорватское имя *нимфами* итальянскихъ идиллій. Поэтому «Рибанье» въ хорватской литературѣ не только XVI-го, но и послѣдующихъ столѣтій, стоитъ совершенно особнякомъ» (стр. 107—108)... О картинахъ изъ жизни народа у Ветранича было уже сказано выше, и жизненная правда ихъ, по моему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію; то же слѣдуетъ сказать и о Маринѣ Држичѣ, который какъ въ своей драмѣ «Od poroda Isusova», такъ и въ «Тиренѣ» и комедіяхъ далъ цѣлый рядъ и образовъ и сценъ, полныхъ жизни и непосредственнаго отношенія къ современной дубровницкой дѣйствительности; авторъ и самъ счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку относительно послѣдняго писателя, отмѣтивъ указанныя акад. Ягичемъ [1]) черты народности въ произведеніяхъ Држича.. Что касается *вилъ*, то смѣшеніе народнаго представленія о существахъ этого рода съ нимфами итальянскихъ поэтовъ совсѣмъ не имѣетъ значенія такого общаго, характернаго явленія въ сербо-далматской литературѣ даннаго времени, какое ему усвоиваетъ г. Петровскій: такъ у Ветранича, напримѣръ, въ поэмѣ «Pelegrin», по замѣчанію Медини [2]), указанныя понятія различаются,— если не по имени, то по существу; у Марина Држича вилы иногда имѣютъ то же значеніе, что духи у Шекспира [3]). Независимо отъ всего этого, реализмъ не заключается только въ изображеніи жизни народа и народности, а, вообще, въ художественномъ воспроизведеніи правды жизни, въ понятіе которой входятъ и проявленіе душевныхъ движеній общечеловѣческаго свойства; въ этомъ отношеніи, какъ было выше показано, напримѣръ, относительно Ветранича, произведеніе Гекторовича вовсе не стоитъ въ такой степени особнякомъ, какъ утверждаетъ г. Петровскій. Конечно, и у Ветранича, и у М. Држича найдется не мало несовершенствъ и недо-

---

1) «Kritische Nachlese zum Text d. altkroatischen Dichtern»: Archiv f. Sl. Phil., V, 91—92.

2) «Povjest hrv. književn.», I, 204.

3) Medini, Povjest hrv. književn., I, 319.

статковъ съ точки зрѣнія строгаго реализма, но вѣдь не безупреченъ въ этомъ отношеніи и Гекторовичь; самъ г. Петровскій признаетъ, что авторъ поэмы «Ribanje», «изображая своихъ рыбаковъ, не во всемъ остался вѣренъ дѣйствительности и внесъ въ свою идиллію нѣкоторыя подробности, которыхъ онъ не могъ наблюдать на самомъ дѣлѣ» (стр. 110), и что «при всемъ реализмѣ, лежащемъ въ основѣ «Рибанья» — и въ общей концепціи его, и во всѣхъ подробностяхъ — около четверти этого произведенія (402 стиха изъ 1684) оказывается крайне неудачнымъ, неумѣстнымъ и неестественнымъ вымысломъ, нарушающимъ гармонію цѣлаго» (стр. 145—146). Если даже согласиться съ акад. Ягичемъ и Іенсеномъ [1]), что Паской и Николай, по свидѣтельству самого поэта, были не совсѣмъ обыкновенными рыбаками, а лучшими, выдающимися на Хварѣ («najbolja od Hvara»), Паской бесѣдовалъ не разъ съ монахами «na Solinskoj rici» (г. Петровскій думаетъ, что это Iader, протекающій вблизи Солина—Salona, — стр. 96, примѣч.), все-таки, не говоря уже о томъ, что предметомъ истинно художественныхъ произведеній поэзіи бываютъ не единичныя или исключительныя, а типическія явленія, нельзя, мнѣ кажется, не признать, что въ содержаніе поэмы внесено ея авторомъ не все, о чемъ разговаривали и могли разговаривать между собою и съ нимъ его спутники, а только то, что болѣе или менѣе отвѣчало его мысли, что подъ бѣднымъ костюмомъ рыбака иногда скрываются высокія душевныя и нравственныя качества, умъ и знаніе, т.-е., иными словами, нельзя не признать того, что авторъ болѣе или менѣе идеализовалъ своихъ рыбаковъ; наконецъ, бесѣда послѣднихъ не могла идти такъ гладко и литературно, какою она представлена въ поэмѣ... Правда, Іенсенъ [2]), доказывая, что Гекторовичь былъ безусловно вѣренъ дѣйствительности, ссылается на то, что самъ поэтъ, оставшись наединѣ, дивился, видя на примѣрѣ своихъ спутниковъ,

1) «Einige litterar. Bemerkungen zum «Ribanje» v. P. Hektorović»: Arch. f. Sl. Ph., XXV, 431.

2) Тамъ-же.

какъ бываетъ иной разъ обманчива наружность, но указаніе это не можетъ служить свидѣтельствомъ въ пользу полной правдивости даннаго поэтическаго представленія, какъ, напримѣръ, оговорка Карамзина въ повѣсти «Бѣдная Лиза» при изображеніи чувствительности старухи-матери героини разсказа и ея самой, что «и крестьянки чувствовать умѣютъ»... Существеннымъ пробѣломъ въ содержаніи разсматриваемой главы книги г. Петровскаго является, на мой взглядъ, отсутствіе характеристики выведенныхъ Гекторовичемъ въ своей поэмѣ рыбаковъ и обозрѣнія заключающихся въ ней фактическихъ подробностей, характеризующихъ плаванье по морю на парусной лодкѣ, принадлежности и способы рыбной ловли далматинцевъ, обычную добычу ихъ, устройство далматинскихъ помѣстій и т. п. Г. Петровскій ограничивается только ссылкой въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 95) на статью Зоре о рыболовствѣ на хорватскомъ поморьѣ[1]), но этого, мнѣ кажется, недостаточно для спеціальнаго изслѣдованія: этимъ матеріаломъ опредѣляется, по моему мнѣнію, прежде всего реалистическій характеръ произведенія Гекторовича, и въ этомъ отношеніи цѣннымъ дополненіемъ къ разсматриваемой книгѣ является статья Іенсена о поэмѣ «Ribanje» въ «Архивѣ» акад. Ягича за прошлый 1903 годъ[2]).

Пятая глава (стр. 111—201) посвящена разбору литературнаго матеріала, входящаго въ содержаніе поэмы Гекторовича. Прежде всего г. Петровскій останавливается на заключающихся въ ней апоѳегмахъ и афоризмахъ: «рыбаки, выведенные Гекторовичемъ, говоритъ авторъ, не могли пѣть тѣхъ сентенцій, которыя онъ вложилъ имъ въ уста; поэтому мы въ правѣ видѣть въ подборѣ приведенныхъ въ «Рибаньѣ» апоѳегмъ изложеніе взглядовъ самого поэта, сдѣланное съ достаточною подробностью и потому дающее возможность болѣе или менѣе

1) L. Zore, O ribanju po dubrovačkoj okolici sa dodatcima iz ostalog našeg primorja: Arkiv za povjestnicu jugoslav., X, 323—368.

2) «Einige litterar. Bemerkungen zum «Ribanje» v. P. Hektorović»: Arch. f. Sl. Ph., XXV, 429—439.

основательно судить о воззрѣніяхъ Гекторовича» (стр. 111). По тщательномъ изслѣдованіи, обоснованномъ на множествѣ параллельныхъ выписокъ изъ разныхъ источниковъ (стр. 112—138), г. Петровскій показываетъ, что большинство упомянутыхъ сентенцій заимствовано поэтомъ изъ сочиненія Діогена Лаертскаго Περὶ βίων, δογμάτων καὶ ἀποφθεγμάτων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκιμησάντων βιβλία δέκα», которымъ Гекторовичь пользовался, повидимому, въ латинскомъ переводѣ Амвросія Траверсари (*1475 г.). Кромѣ этого источника, авторъ поэмы «Ribanje» заимствовалъ матеріалъ для указанной части своего произведенія изъ книги современника своего Павла Мануція: «Apophtegmatum ex optimis utriusque linguae scriptoribus libri VIII», представляющей передѣлку извѣстнаго труда Эразма Роттердамскаго «Adagiorum chiliades», изъ сочиненія Боэція «De consolatione philosophiae», Марулича «Bene vivendi instituta» и «Evangelistarium» и др. Изъ девяти символовъ Пиѳагора, внесенныхъ Гекторовичемъ въ «Ribanje», восемь, по изслѣдованію г. Петровскаго (стр. 139—145), могли быть заимствованы также изъ названнаго сочиненія Діогена Лаертскаго, одно («orćena stanjica nima se pustiti») изъ діалога Цицерона «De senectute» (Cato major). Параллельно съ указаніемъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ книжныхъ источниковъ изслѣдуемаго матеріала г. Петровскій, гдѣ представляется возможность, отмѣчаетъ аналогичныя данныя въ славянскомъ, преимущественно, конечно, сербо-хорватскомъ фольклорѣ; но при изслѣдованіи предмета въ этомъ направленіи оказалось, что «до XIX столѣтія не дошло въ народной передачѣ почти никакихъ изреченій, употреблявшихся Паскоемъ и Николаемъ; между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ при этомъ авторъ, чрезвычайная живучесть произведеній народнаго творчества, вѣроятно, сохранила бы до нашихъ дней въ устахъ простолюдиновъ Далмаціи пословицы, записанныя Гекторовичемъ будто бы изъ устъ рыбаковъ» (стр. 145): онѣ находятся, по свидѣтельству автора, въ несомнѣнной зависимости «отъ книгъ, притомъ такихъ, которыя не могли быть извѣстны рыбакамъ и не всегда были

понятны даже Гекторовичу» (стр. 145). Іенсенъ въ упомянутой выше статьѣ своей о поэмѣ «Ribanje» оспариваетъ этотъ выводъ г. Петровскаго: по мнѣнію его, если рыбаки могли знать наизусть цѣлыя народныя пѣсни, и о такихъ лицахъ и мѣстахъ, о которыхъ имъ ничего не было извѣстно (о братѣ Марка Королевича, городѣ Сиверинѣ, Уд(б)инѣ, Святой горѣ, Дунаѣ), если они могли знать пѣсню въ родѣ почашницы, въ содержаніи которой слышится отголосокъ западно-европейской рыцарской поэзіи, въ образѣ ѣдущаго верхомъ рыцаря, въ шелковой шляпѣ и съ украшеннымъ перьями щитомъ, въ сопровожденіи пѣвца-слуги, то тѣмъ болѣе они могли заучить откуда-нибудь и знать наизусть коротенькія изреченія, имѣющія своимъ содержаніемъ азбучныя житейскія истины и элементарныя правила нравственности[1]); но дѣло въ томъ, что эти изреченія, какъ показалъ г. Петровскій, можно было почерпнуть только изъ книгъ, тогда какъ пѣсни, о которыхъ говоритъ Іенсенъ, обращались въ средѣ народа въ устной передачѣ, не исключая и пѣсенъ съ мотивами рыцарской поэзіи, которыя, по приведенному выше мнѣнію акад. А. Н. Веселовскаго, могли распространяться въ народѣ также путемъ живого устнаго общенія итальянскихъ и славянскихъ странствующихъ пѣвцовъ: слѣдовательно, условія ихъ усвоенія людьми изъ народной среды были иныя, болѣе благопріятныя, нежели для указанныхъ сентенцій и афоризмовъ. Что касается самой мысли собрать вмѣстѣ различныя изреченія и моральныя правила, то она могла явиться у Гекторовича, по мнѣнію г. Петровскаго, подъ впечатлѣніемъ аналогичнаго сборника Димитровича «Pričice izete iz svetoga pisma i filosofa». Авторъ останавливается при этомъ на томъ явленіи, что «и Гекторовичъ и Димитровичъ, проникнутые христіанскими и даже церковными воззрѣніями, на ряду съ цитатами изъ Библіи помѣщали, какъ равныя по силѣ и значенію, изреченія языческихъ мудрецовъ» (стр. 147), и видитъ въ этомъ характерную черту

---

1) Archiv f. Sl. Phil., XXV, 432.

эпохи Возрожденія; но отмѣченное въ данномъ случаѣ явленіе относится преимущественно къ начальному, раннему періоду гуманизма и имѣетъ корни въ средневѣковомъ синкретизмѣ настоящаго съ прошлымъ. У насъ, въ Россіи, внѣ условій непосредственныхъ гуманистическихъ вліяній, даже въ церквахъ,—напримѣръ, въ иконостасѣ псковскаго Троицкаго собора, построеннаго въ 1699 году,—подъ мѣстными иконами оказываются между прочимъ изображенія Менандра, Платона, Афродитіана, Хилона, Омира, Аристотеля, Еврипида, съ хартіями въ рукахъ и надписями на нихъ изъ ученія и произведеній названныхъ философовъ и поэтовъ классической древности въ пріуроченіи къ богочеловѣчеству Христа [1]): въ основѣ лежала богословская идея о естественномъ откровеніи и всемірномъ пріуготовленіи человѣчества Промысломъ къ истинной жизни и спасенію.

Послѣ сентенцій и символовъ г. Петровскій останавливается на литературной исторіи внесенной въ «Ribanje» загадки о рыбакахъ и рыбѣ (стр. 147—152); помѣщенная въ извѣстномъ сборникѣ загадокъ Симфозія (Symphosii scholastici Aenigmata), она, благодаря тому обстоятельству, что неизвѣстный переводчикъ греческаго романа объ Аполлоніи Тирскомъ на латинскій языкъ внесъ ее въ свою передѣлку, получила большое распространеніе въ европейскомъ фольклорѣ; у сербо-хорватовъ авторъ отмѣчаетъ двѣ аналогичныя загадки: «чељад похватах, а кућа им побеже кроз пенџере» и «čeljad pohvata, kuća pobježe kroz prozor». По мнѣнію г. Петровскаго, основанному на характерѣ разгадки, Гекторовичь, внося указанную загадку въ свою поэму, находился подъ вліяніемъ не народной ея версіи, а какой либо книжной, именно романа объ Аполлоніи Тирскомъ въ латинскомъ или итальянскомъ переводѣ.

Вторая половина разсматриваемой главы занята разборомъ со стороны содержанія и формы народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ

---

1) И. Годовиковъ, Описаніе и изображеніе древностей Псковской губерніи, вып. 2, стр. 57.

въ текстъ поэмы Гекторовича. Сначала авторъ останавливается на почашницѣ (стр. 152—160). Первая часть ея, заключающая въ себѣ первыя четыре строки въ editio princeps и въ изданіи Любича и первыя восемь въ академическомъ изданіи, въ которомъ каждая прежняя строка раздѣлена на двѣ, представляетъ «trinaesterac», извѣстный въ сербо-хорватской народной поэзіи XVIII—XIX вѣковъ, въ записяхъ также и по 13 и по 8—5 слоговъ въ стихѣ. По мнѣнію г. Петровскаго, эта часть почашницы слегка передѣлана Гекторовичемъ изъ одной народной почашницы — «Djaku», сохранившейся на Корчулѣ и сообщенной Вукасовичемъ въ его собраніи «Korčulanske čakavske počašnice»; въ противоположность отмѣченному Вукасовичемъ усвоенію народомъ, въ качествѣ народнаго произведенія, стихотворенія Петра Канавеловича («Mladici»), г. Петровскій въ начальныхъ стихахъ почашницы Гекторовича видитъ обратный случай проникновенія народнаго стиха въ книгу, хотя именно въ качествѣ народнаго. Слѣдующіе два стиха разсматриваемой почашницы, раздѣленные въ академическомъ изданіи на четыре строчки, безъ нарушенія счета стиховъ, въ editio princeps были раздѣлены значками; первыя половины этихъ стиховъ заключаютъ по десяти слоговъ, вторыя представляютъ «осмерцы»; остальная, заключительная часть пѣсни имѣетъ размѣръ съ неправильнымъ распредѣленіемъ слоговъ по стихамъ: первыя половины строкъ имѣютъ то десять, то девять, то восемь слоговъ, вторыя правильно по восьми. Здѣсь впервые, по замѣчанію г. Петровскаго, появился въ печати «десетерац». Вопросъ о времени происхожденія этого размѣра авторъ оставляетъ открытымъ; первымъ собраніемъ стихотвореній десятисложнаго размѣра считается «Razgovor ugodni naroda slovinskoga» Качича-Міошича, появившійся приблизительно въ серединѣ XVIII вѣка, но г. Петровскій указываетъ болѣе старое свидѣтельство о процвѣтаніи «десетерца» въ Приморьи, относящееся, по крайней мѣрѣ, къ первой четверти названнаго столѣтія: оно оказывается въ сочиненіи нѣкоего францисканскаго монаха Ловро «Pisna od pakla», именно

въ посвященіи этой книжки задрскому архіепископу Змаевичу: Ловрo говоритъ о распространеніи «десетерца» въ народной поэзіи («Illyrici Generis utriusque sexus Populis solemnia sunt quaedam carmina Syllabica dimensione dena, solita quaedam modulamina elementari comprehensione ligata»...) и свою поэму также написалъ этимъ размѣромъ. Первая изъ бугарштицъ, изображающая ссору Марка Королевича съ братомъ Андріашемъ, по мнѣнію г. Петровскаго, повидимому, дѣйствительно записана поэтомъ изъ устъ рыбака; между прочимъ и языкъ ея нѣсколько отличается отъ діалекта Гекторовича; слѣды редакторской работы поэта авторъ видитъ только въ метрикѣ пѣсни. Содержаніе второй бугарштицы — о Радосавѣ изъ Северина и Владкѣ Уд(б)инскомъ — ждетъ еще окончательнаго разъясненія. Акад. Ягичь, цитируя сообщеніе Курипешича о существованіи у босняковъ и хорватовъ многочисленныхъ пѣсенъ о подвигахъ вѣрнаго слуги герцога Павловича изъ Радаселя, замѣтилъ, что о Радосавѣ Павловичѣ, какъ онъ перевелъ «Pavlovicz von Radasel» Курипешича, въ настоящее время пѣсенъ нѣтъ, но *Радосавъ* бугарштицы изъ поэмы Гекторовича могъ быть боснійскимъ воеводой Радосавомъ Павловичемъ [1]); такого же взгляда держались Любичь [2]), акад. А. Н. Веселовскій [3]) и Павичичь [4]), отмѣтившій, впрочемъ, несоотвѣтствіе пѣсенной традиціи о гибели Радосава исторической истинѣ. Гавриловичь [5]), отправляясь отъ свидѣтельства Курипешича, ищетъ, съ своей стороны, какъ и слѣдуетъ, пѣсенъ не о Радосавѣ, а о слугѣ его. Сёренсенъ первый остановился на вопросѣ, откуда взялось прозвище Радосава въ бугарштицѣ и что

---

1) Jagić, Gradja za slovinsku narodnu poeziju: Rad Jug. Akad., XXXVII, 114.

2) «Prilog Jagičevoj razpravi o gradji za slov. nar. poeziju»: Rad Jug. Akad., XL, 140.

3) «Хорв. пѣсни о Радосавѣ Павл. и итал. поэмы о Гнѣвн. Радо»: Журн. Мин. Нар. Просв., CCI (янв. 1879 г.), 95.

4) «Tri narodne pjesme u Hektorovicevom Ribanju i ribarskom prigovaranju»: «Nada» 1898 г., № 8, стр. 121—122.

5) «Трагови народног певања у XVI веку»: Глас Српске Краљевске Академије, LX, стр. 102 и слѣд.

слѣдуетъ понимать подъ именемъ Сиверина: по мнѣнію названнаго изслѣдователя, Siverin бугарштицы Гекторовича есть не что иное, какъ румынскій Турну-Северинъ, а Udin сербское наименованіе для Виддина [1]). Отвергая не безъ основанія такое толкованіе, г. Петровскій, съ своей стороны, высказываетъ предположеніе, что Сиверинъ «едвали не тождественъ съ нынѣшнею деревнею Severin въ загребской жупѣ», а мѣстожительство Владка, при условіи принятія конъектуры Кукульевича-Сакцинскаго [2]) (Udbinski вмѣсто Udinski), опредѣляется деревнею Udbina, въ южной Кроаціи: такимъ образомъ мѣста, гдѣ происходятъ событія, о которыхъ поется въ бугарштицѣ, оказывались бы по близости къ Хвару и Далмаціи, «и обитатели Северина и Удбины могли скорѣе попасть въ былину, пѣтую хварскимъ рыбакомъ, нежели жители придунайскихъ крѣпостей» (стр. 166). Третья пѣсня, въ которой упоминается Шишманъ, пріурочивается Павичичемъ къ Косовской битвѣ; имя Андріаша, какъ брата Лазаря, г. Петровскій объясняетъ встрѣчающимся часто въ народномъ эпосѣ смѣшеніемъ генеалогическихъ отношеній между героями и припоминаніемъ о братѣ Марка Королевича. Въ подлинности этой пѣсни сомнѣваться нѣтъ основаній. Размѣръ ея затемняется повтореніемъ одинаковыхъ фразъ при участіи двухъ пѣвцовъ. Г. Петровскій разсматриваетъ эту пѣсню, какъ эпическую; Миласъ [3]) считаетъ ее лирическою, а Гавриловичь видитъ въ ней одну изъ тѣхъ *лиро-эпическихъ* пѣсенъ, которыя возникали на почвѣ и въ первоначальныхъ формахъ обрядной лирики, черпая свое содержаніе изъ текущихъ явленій жизни, затронувшихъ народную мысль и чувство, и, съ теченіемъ времени, постепенно пріобрѣтали эпическую канву и окраску тона, сохраняя отпечатокъ свѣжаго впечатлѣнія факта, вызвавшаго

---

1) A. Soerensen, Beitrag zur Geschichte d. Entwickelung d. serb. Heldendichtung: Archiv f. Sl. Ph., XV, 224.

2) «Pjesn. hrv. XV v.», 102.

3) «O narodnijem pjesmama u «Ribanju» P. Hektorovića»: Nada, 1902 г., № 13, стр. 184.

въ свое время ихъ появленіе. Съ этой последней точки зрѣнія сложность размѣра указанной пѣсни можетъ объясняться переходнымъ характеромъ ея внутренняго содержанія [1]). Притомъ, по наблюденію Миласа, число слоговъ въ стихѣ пѣсни не имѣетъ опредѣляющаго значенія для ея размѣра при пѣніи: стихи въ 12 и даже 16 слоговъ исполняются нѣкоторыми народными пѣвцами и звучатъ въ ихъ пѣніи, какъ *десетерцы* [2]).

Разсматриваемая глава заключается изслѣдованіемъ о бугарштицахъ (стр. 171—201). Опредѣливъ обычный типъ бугарштицъ, г. Петровскій останавливается на вопросѣ о происхожденіи ихъ размѣра. Зима считаетъ 16-ти сложный стихъ бугарштицъ правильнымъ народнымъ, производя изъ него и 15-ти сложный, какъ каталектическій [3]); проф. Халанскій [4]) видитъ въ немъ «нѣсколько видоизмѣненный tetrameter trochaicus acatalecticus». Нѣкоторые изслѣдователи, какъ Халанскій, Волльнеръ, Нодило, отчасти Новаковичъ, Гавриловичъ и Миленовичъ [5]), считаютъ бугарштицы искусственнымъ произведеніемъ. Раздѣляя этотъ взглядъ, г. Петровскій думаетъ, что и размѣръ бугарштицъ не народнаго происхожденія. По мнѣнію автора, бугарштицы при своемъ возникновеніи имѣли не пятнадцать слоговъ, какъ думалъ Богишичъ [6]), а шестнадцать, и, только проникнувъ въ народъ, утра-

1) A. Gavrilović, Prvo istorisko doba narodne poezije: Rad Jugosl. Akad., kn. 153, стр. 209—226; о пѣснѣ въ поэмѣ Гекторовича — стр. 216—217.

2) Nada, 1902 г. № 13, стр. 184.

3) L. Zima, Nacrt naše metrike narodne: Rad Jugosl. Akad., XLIX, 6, 12.

4) «Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ», III, 778.

5) Г. Петровскій имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду статьи: проф. Халанскаго—«О бугарштицахъ» (Замѣтки по слав. нар. словесн.—Русск. Фил. Вѣстн., 1882 г., т. VII), Волльнера — «Untersuchungen über d. Versbau d. südslav. Volkspoesie» (Arch. f. Sl. Ph., IX, 276), Нодила — «Religija Srbâ i Hrvatâ» (Rad Jugosl. Akad., LXXVII, 56), Новаковича — «Die serb. Volkslieder über die Kosovo-Schlacht» (Arch. f. Sl. Ph., III, 449), Гавриловича — «Заменичке енклитике као ритамски елеменат у срп. нар. песмама» (Наставник, X, 197), Миленовича—«Ив. Гундулић» (Отаџбина, 1888 г., стр. 546—547).

6) «Нар. пјесме из старијих највише приморских записа», I, предговор (В. О свези међу бугарштицама и умјетним пјесништвом у приморју).

тили конечные слоги первыхъ, а иногда и вторыхъ полустишій; причину, по которой восьмисложное полустишіе могло превратиться въ семисложное, г. Петровскій видитъ въ томъ, что, какъ произведенія искусственныя, бугарштицы должны были имѣть въ основѣ своего языка штокавщину, въ которой удареніе претерпѣвало видоизмѣненія, приведшія къ изобилію proparoxytona, вслѣдствіе чего стало болѣе удобнымъ оканчивать полустишіе дактилической стопой, вмѣсто прежней четырехсложной диподіи. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи размѣра бугарштицъ сводится авторомъ къ вопросу о происхожденіи обычнаго у далматскихъ поэтовъ «осмерца». Г. Петровскій думаетъ, что, какъ «осмерац» духовныхъ стихотвореній, судя по хорватскому переводу церковнаго гимна «Dies irae» въ изданіи Лекціонарія Бернардина сплитянина 1495 года, былъ заимствованъ хорватами изъ латинской церковной поэзіи, такъ и образцомъ для восьмисложнаго размѣра хорватскихъ стихотвореній свѣтскаго характера служилъ соотвѣтствующій итальянскій размѣръ; особенно близкимъ къ итальянскому, по замѣчанію Крековича [1]), является размѣръ хорватскихъ карнавальныхъ стихотвореній (Нальешковича, Ветранича), а они представляютъ, какъ указано Медини [2]), по большей части подражаніе однороднымъ итальянскимъ произведеніямъ, въ которыхъ, сравнительно съ другими, восьмисложный стихъ, какъ извѣстно, былъ особенно распространенъ. Г. Петровскій дополняетъ соображеніе Крековича по этому предмету указаніемъ на сходство въ самомъ характерѣ восьмисложнаго стиха у итальянцевъ и у хорватовъ: итальянскій восьмисложный стихъ, въ отличіе отъ французскаго, непремѣнно, при тоническомъ характерѣ, ямбическаго, могъ быть хореическимъ или, при удареніи на седьмомъ слогѣ и женскихъ риѳмахъ, близко походить на хорей, и хорватскій «осмерац», сообразно съ природою сербо-хорватскаго языка, долженъ былъ быть хореиче-

1) «O strofoma prvih hrvatskih pjesnika»: Vjenac, 1893 г.

2) «Dubrovačke poklade u XVI i XVII vijeku i Čubranovićevi nasljednici», 36—37.

скимъ. Обращаясь къ вопросу о значеніи слова bugarštica, авторъ находитъ, что предложенная акад. Ягичемъ [1]) этимологія этого слова отъ *бугарин* и, вслѣдъ за Караджичемъ, въ значеніи печальной, грустной пѣсни (Klagelied) не можетъ считаться достаточно обоснованною. Между прочимъ онъ указываетъ при этомъ на употребленіе слова bugariti, по объясненію Даничича въ «Rječnik»'ѣ, въ смыслѣ inepte loqui, показанномъ въ словарѣ Делабеллы, и обозначеніе выраженіями bugaršćica и bugariti *свадебныхъ* пѣсенъ въ рукописномъ сборникѣ (1851 г.) старинныхъ народныхъ пѣсенъ изъ г. Врбника; мнѣ думается, указанія эти, сами по себѣ, едва ли могутъ служить такими рѣшительными доводами противъ опредѣленій, данныхъ для словъ bugariti и buragštica Караджичемъ и Ягичемъ, какъ это представляется автору: у насъ свадебныя пѣсни, какъ извѣстно, нерѣдко носятъ названіе воплей, одинаковое съ похоронными, имѣя, если не по внутреннему своему смыслу, то по внѣшнимъ мотивамъ своего содержанія, характеръ грустный, обусловливаемый невольною горечью разлуки съ роднымъ домомъ и дѣвичьей волей и неизвѣстностью будущаго, а рѣчь человѣка въ состояніи душевнаго волненія подъ впечатлѣніемъ горя или несчастья является сплошь и рядомъ нестройною, безсвязною, къ которой бываетъ приложимо выраженіе inepte loqui; затѣмъ въ томъ и другомъ смыслѣ возможно обобщеніе значенія уже независимо отъ дѣйствительнаго внутренняго содержанія понятія, къ которому слово относится въ томъ или другомъ данномъ случаѣ. Основываясь на томъ, что слова корня *bugar*— издавна оказываются въ обращеніи у всѣхъ хорватовъ, потерявшихъ эпосъ, и главнымъ образомъ у жителей Далмаціи, тогда какъ сербы, еще живущіе эпическою жизнью и поющіе старыя эпическія пѣсни, этого слова не имѣютъ и, повидимому, никогда не знали прежде, г. Петровскій заключаетъ, что корень *bugar* — былъ занесенъ къ хорватамъ изъ чужого языка,

1) Archiv f. Sl. Phil., IV, 241—242.

соприкасавшагося съ хорватскимъ главнымъ образомъ въ Далмаціи, но не оказывавшаго вліянія на сербскій, именно итальянскаго: авторъ предполагаетъ, что «заимствованный изъ итальянской поэзіи—poesia volgare въ противоположность poesia latina—размѣръ хорватскихъ стиховъ могъ принять названіе, усвоенное на его родинѣ произведеніямъ народнаго творчества, часто пользовавшимся этою формою, — корень *volgar-* на приморской почвѣ могъ дать *bugar-* (стр. 195)[1]). Согласно съ этимъ предположеніемъ, *bugariti*, вѣроятно, первоначально обозначало *пѣть пѣсни, составленныя на итальянскій ладъ*, т. е. осмерцемъ, откуда могло возникнуть впослѣдствіи болѣе общее значеніе — *пѣть*, которое констатировалъ въ Дубровникѣ Богишичь[2]), и частное — съ оттѣнкомъ въ смыслѣ *грустнаго пѣнія*. Решетаръ въ своей рецензіи на книгу г. Петровскаго[3]) нашелъ его заключенія по этому предмету ошибочными: производство *bugariti* отъ *volgare* представляется рецензенту очень слабо обоснованнымъ, при чемъ онъ указываетъ на различіе въ удареніяхъ между *volgáre* и *búgariti*. Въ статьѣ своей о метрикѣ Гундулича тотъ-же авторъ отвергаетъ и предположеніе о развитіи «осмерца» у хорватовъ подъ итальянскимъ вліяніемъ[4]). Миласъ находитъ, что, если бы слово bugarštica происходило отъ volgare, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ старину, существовали для чего, особенно среди чакавцевъ на Хварѣ, формы volgarštica, vulgarštica или bulgarštica, но ихъ, насколько извѣстно, нѣтъ и не было на всемъ протяженіи отъ Котора до Истріи. По мнѣнію названнаго изслѣдователя, слово bugarštica происхожденія народнаго и своимъ источникомъ имѣетъ *звукоподражаніе* для обозначенія громкаго плача, при которомъ часто слышатся звуки u, bu, Bog; въ живомъ народномъ языкѣ слово bugariti употребляется, по сви-

---

1) Повидимому, такъ-же думаетъ и проф. Халанскій: «Южнослав. сказанія о Кралев. Маркѣ», III, 777.

2) «Нар. пјесме из стар. најв. приморск. зап.», I, предговор, 31.

3) Archiv f. Sl. Phil., XXIV, 276—279.

4) M. Rešetar, Die Metrik Gundulić's: Archiv f. Sl. Ph., XXV, 251.

дѣтельству Миласа, съ нѣкоторыми разными оттѣнками въ значеніи, показанномъ для него Караджичемъ (den Klaggesang anheben, naeniam inchoare): въ Дубровникѣ и вокругъ него выраженіе bugariti употребляется въ значеніи громко плакать, въ Сеньи слово это означаетъ то-же, что kukati, jadati se, на Истріи — пѣть жалобную пѣсню, по Ликѣ (Горн. Военн. Граница) — плакать, особенно на могилѣ, по покойникѣ, — такое-же значеніе, думаетъ названный авторъ, могло оно имѣть и въ старину, и отъ него могло произойти и слово bugaršticа съ первоначальнымъ значеніемъ печальной пѣсни по поводу какого-нибудь горя или несчастья [1]), т. е., стало быть, съ значеніемъ, близкимъ къ тому, которое усвоено ему Ягичемъ. Такимъ образомъ теорія [2]) г. Петровскаго объ итальянскомъ происхожденіи бугарштицъ является сомнительною.

Шестая глава посвящена разбору приписываемой Гекторовичу хорватской драматизаціи житія св. Лаврентія. Житіе это напечатано въ изданіи болландистовъ Acta sanctorum по версіи, сохранившейся въ «Martyrologium» св. Адона, вѣнскаго епископа IX вѣка, съ разночтеніями изъ другихъ редакцій, и въ томъ числѣ Сурія; тамъ-же напечатано и житіе св. Сикста. Пьесы, сюжетомъ которыхъ служитъ житіе св. Лаврентія, извѣстны у французовъ, итальянцевъ и хорватовъ; есть и испанское «Martirio de San Lorenzo». Г. Петровскій подробно излагаетъ содержаніе итальянскаго «La Rappresentazione di santo Lorenzo» сравнительно съ текстами житій св. Лаврентія и Сикста у болландистовъ (стр. 207—221) и приходитъ къ выводу, что названная итальянская пьеса была лишь неловкой драматизаціей указанныхъ житій, преимущественно по той редакціи, которая впослѣдствіи была извѣстна Сурію. Проф. д'Анкона [3]) относитъ «Rappresentazione di santo Lorenzo» къ XV вѣку. Переходя къ

1) M. Milas, O narodnijem pjesmama u «Ribanju» P. Hektorovića: Nada, 1902 г., № 13, стр. 183—184 (Bilješke).

2) Въ предварит. сокращ. отзывѣ въ отчетѣ Отдѣленія о преміяхъ 1904 г. (стр. 7) опечатка: «исторія» вм. «теорія».

3) «Origini del teatro italiano»², I, 269—270.

хорватскимъ драматическимъ обработкамъ легенды о св. Лаврентіи, авторъ описываетъ рукописи, въ которыхъ онѣ сохранились (стр. 222—225), и разсматриваетъ сравнительно съ итальянскимъ «Rappresentazione» текстъ хорватскаго «Prikazanja sv. Lovrinca» въ редакціи, въ которой онъ напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Гекторовича, отмѣчая черты, опредѣляющія близкую зависимость хорватскаго текста пьесы отъ итальянскаго (стр. 225—228), и нѣкоторыя вставки въ хорватской обработкѣ сюжета, не имѣющія себѣ соотвѣтствія въ итальянской (стр. 228—241). При сличеніи указанныхъ двухъ обработокъ выясняется съ несомнѣнностью, что хорватскій авторъ пользовался итальянской пьесой. Но напечатанная пьеса была не единственной на хорватскомъ языкѣ обработкой житія св. Лаврентія: въ библіотекѣ Югославянской Академіи находится рукописный отрывокъ другой драмы того-же содержанія, текстъ которой совершенно отличенъ отъ печатнаго; изложивъ содержаніе этого отрывка сравнительно съ печатной пьесой, приписываемой Гекторовичу (стр. 241—247), г. Петровскій указываетъ, что авторъ рукописной драмы проявилъ по отношенію къ своему матеріалу полную самостоятельность: «его обработка не обнаруживаетъ близкой зависимости ни отъ текстовъ житія, ни отъ итальянскаго «Rappresentazione», которому рабски слѣдуетъ печатное «Prikazanje» (стр. 247—248); но, при ближайшемъ сличеніи печатной хорватской пьесы съ рукописной, замѣчаются и сходные стихи; при различіи на долю печатнаго текста приходится обыкновенно варіантъ худшій: въ рукописи нѣтъ ни одного неправильнаго стиха, въ печатной пьесѣ есть versus hypermeter, нѣкоторые стихи рукописнаго текста въ передѣлкѣ печатнаго «Prikazanja» искажены до потери смысла, правильность языка въ печатной пьесѣ также оставляетъ желать многаго и т. д. Поэтому г. Петровскій считаетъ рукописный отрывокъ старше текста печатной драмы, авторъ которой видимо заимствовалъ изъ рукописной пьесы въ испорченномъ видѣ нѣкоторыя мѣста и вставилъ ихъ въ свой переводъ или передѣлку итальянскаго

«Rappresentazione». Принадлежность, по преданію, хорватскаго «Prikazanja», въ печатной его редакціи, Гекторовичу была опровергаема проф. Лескинымъ [1]), но г. Петровскій, соглашаясь съ заключеніями его по данному предмету, находитъ, съ своей стороны, нужнымъ нѣсколько распространить доводы названнаго ученаго, имѣя въ виду, что у него не было подъ руками ни указаннаго рукописнаго отрывка драмы, вносящаго въ темный вопросъ нѣкоторое новое осложненіе, ни всѣхъ пособій, имѣющихъ значеніе для цѣли изслѣдованія; между прочимъ авторъ указываетъ на то, что Гекторовичь, знавшій итальянскій языкъ, не могъ сдѣлать такихъ ошибокъ въ переводѣ, какія оказываются въ печатной пьесѣ: «онъ не назвалъ бы марментинскую тюрьму мраморной (nella prigion di Marmantin—u tamnicu mramoritu), не перевелъ бы существительнаго sogetto нарѣчіемъ podložno, не передалъ бы ne'suoi panni черезъ z družbom ovom и т. д.» (стр. 257); затѣмъ г. Петровскій предпринимаетъ изслѣдованіе языка хорватской драмы о св. Лаврентіи сравнительно съ языкомъ произведеній, несомнѣнно принадлежащихъ Гекторовичу, пользуясь для того методомъ сличенія риѳмъ въ направленіи различій чакавскаго нарѣчія, присущаго изучаемому поэту, какъ уроженцу Хвара, отъ штокавскаго, какъ современнаго ему литературнаго (стр. 260—269). Опредѣляющими отличіями чакавскаго нарѣчія отъ штокавскаго, отъ которыхъ авторъ отправляется въ данномъ случаѣ въ своемъ изслѣдованіи, не считая ихъ, впрочемъ, для настоящаго времени вполнѣ установленными, являются: *ča* вмѣсто *što*, сохраненіе конечнаго —*l*, переходъ первоначальнаго **dj* (штокавское *dj*, *ђ*) въ *j*, переходъ конечнаго—*m* въ—*n*, переходъ гласнаго или слогообразующаго *r* въ *ar* или въ *ri*, префиксъ *va-*, *vaz-*, *v-*, *vz-* вмѣсто штокавскихъ *u-*, *uz-*, стяженныя формы притяжательныхъ мѣстоименій, архаическія формы родительнаго падежа множественнаго числа и окончаніе словъ съ основами на—*o* въ этомъ падежѣ на—*i*.

---

1) «Altkroatische geistliche Schauspiele», 27—28.

Пересмотръ въ этомъ направленіи особенностей языка несомнѣнныхъ произведеній Гекторовича и приписаннаго ему «Prikazanja» не обнаружилъ между ними особенно крупнаго различія въ діалектическомъ отношеніи: нѣкоторыя изъ добытыхъ данныхъ по этому предмету частью неопредѣленны, частью слишкомъ скудны; но можно думать, что «Prikazanje» отразило въ себѣ позднѣйшее, сравнительно съ временемъ Гекторовича, состояніе чакавщины, въ которую вторгались уже штокавскіе элементы. Кромѣ того, въ языкѣ «Prikazanja», по замѣчанію г. Петровскаго, оказывается еще одна, совершенно чуждая языку произведеній Гекторовича особенность—свистящіе согласные на мѣстѣ шипящихъ, замѣна, наблюдаемая въ рѣцкомъ говорѣ и отчасти въ нарѣчіи Кварнерскихъ острововъ. Въ результатѣ своихъ изученій г. Петровскій приходитъ къ убѣжденію, что хорватская драматизація житія св. Лаврентія, въ ея печатной редакціи, не принадлежитъ Гекторовичу; съ большею вѣроятностью, и по внутреннимъ качествамъ текста и по языку, могъ бы принадлежать автору поэмы «Ribanje» рукописный отрывокъ «Prikazanja», но этому прежде всего противорѣчитъ уже то обстоятельство, что рукопись, въ которой заключается этотъ отрывокъ, имѣя характеръ автографа, относится къ концу XVII вѣка. Поэтому авторъ заключаетъ, что Гекторовичь никакихъ драмъ не писалъ. Въ объясненіе преданія о принадлежности хорватскаго «Prikazanja sv. Lovrinca» автору поэмы «Ribanje» г. Петровскій высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Гекторовичемъ, изучавшимъ, судя по записаннымъ имъ нотамъ къ бугарштицамъ, музыку своего народа, была написана музыка къ тексту драмы, а преданіе смѣшало композитора съ либреттистомъ.

Въ седьмой главѣ г. Петровскій разсматриваетъ мелкія стихотворенія Гекторовича на хорватскомъ и латинскомъ языкѣ и итальянское письмо его къ лесинскому врачу Ванетти по поводу присылки послѣднимъ своего сонета въ честь Антонія Луцича (стр. 275—286); по изслѣдованію автора, для характеристики изучаемаго поэта они не представляютъ ничего существенно зна-

чительнаго. Въ заключеніе г. Петровскій представляетъ общую характеристику историко-литературнаго значенія Гекторовича въ хорватской литературѣ (стр. 286—289), еще разъ въ связномъ изложеніи повторяя высказанныя имъ объ этомъ раньше въ подходящихъ случаяхъ замѣчанія въ разныхъ мѣстахъ своей книги. Такъ какъ о взглядахъ автора по этому предмету была уже рѣчь, то останавливаться на нихъ снова нѣтъ надобности. «Лучшія стороны поэзіи Гекторовича, говоритъ г. Петровскій, не оказали на хорватскую литературу никакого вліянія: вмѣсто народа и въ XVI, и въ XVII, и даже въ XVIII вѣкахъ въ ней изображались балетные пейзане; отъ этого недостатка не свободны даже такіе крупные литературные дѣятели, какъ Гундуличъ. Не понятый ни современниками, ни потомствомъ, Гекторовичъ не имѣлъ въ исторіи хорватской литературы никакого значенія; но это не его вина; это показываетъ только, что онъ опередилъ свое время на цѣлыхъ три столѣтія, по истеченіи которыхъ ему стали отдавать справедливость. Съ его «Рибаньемъ», замѣчаетъ авторъ, случилось то же, что съ однимъ изъ лучшихъ произведеній Я. Кохановскаго—«Pieśń Swiętojańska o Sobótce»— и по тѣмъ-же причинамъ, которыя прекрасно объяснилъ проф. Рымаркевичъ (Ateneum, IV, 1876, стр. 51—52): «заключая въ себѣ классичнаго слишкомъ *мало*, а родного слишкомъ *много*, она не отвѣчала требованіямъ тогдашняго вкуса и потому не была оцѣнена по достоинству («Zawierając w sobie klasyczności za *mało*, a swojskości za *wiele*, nie odpowiedziała wymaganiom ówczesnego gustu a poszła dlatego w zaniechanie»)». Не считая автора поэмы «Ribanje» такимъ одинокимъ среди совре̂менныхъ ему сербо-далматскихъ писателей, думаю, что направленіе, однимъ изъ представителей котораго онъ былъ въ свое время въ родной литературѣ, не получило естественнаго развитія не отъ тѣхъ причинъ, которыя указываетъ г. Петровскій, а отъ общихъ условій мѣстной національной жизни, имѣвшихъ конечнымъ послѣдствіемъ сравнительную слабость развитія въ далматинцахъ народнаго самосознанія; эти условія имѣли для себя почву въ

раздѣленіи Далмаціи на множество независимыхъ общинъ, породившемъ мелочную обособленность въ частяхъ единаго цѣлаго, и удушливый гнетъ католическаго духовенства, относившагося, въ большинствѣ, враждебно къ народу и его языку.

Въ приложеніи къ шестой главѣ въ концѣ своей книги г. Петровскій представляетъ опытъ исправленія испорченныхъ мѣстъ «Prikazanja života S. Lovrinca mučenika», имѣющій цѣлью дополнить исправленія, сдѣланныя проф. Лескиномъ [1]), при помощи сличенія хорватскаго текста съ итальянскимъ и отрывковъ изъ рукописи Мулановича, сообщенныхъ Жепичемъ, но не принятыхъ во вниманіе при своихъ поправкахъ и конъектурахъ Лескиномъ.

Содержаніе книги г. Петровскаго не ограничивается изслѣдованіемъ одной ея прямой темы; въ примѣчаніяхъ она представляетъ множество весьма цѣнныхъ указаній и сообщеній не только по предмету изслѣдованія, но и относительно другихъ разныхъ вопросовъ, которыхъ автору приходится касаться въ своемъ изложеніи: таковы, напримѣръ, біографическія и библіографическія замѣчанія о Мартинчичѣ (стр. 11—12), С. Менчетичѣ и Г. Држичѣ (стр. 23—25), Чубрановичѣ (стр. 18—22, 26, 28), Маруличѣ (стр. 30—34), Ветраничѣ (стр. 35—37), свѣдѣнія о рукописной генеалогіи Држичей съ выписками изъ нея біографическихъ указаній относительно Георгія и Марина Држичей (стр. 15—18), о Бертучевичѣ (стр. 62—63), о чешскомъ, польскомъ и русскомъ текстахъ романа объ Аполлоніи Тирскомъ (стр. 149—150), о Канавеловичѣ (стр. 154), о чередованіи «приложка» съ основными строками въ бугарштицахъ разныхъ собраній — Павича, Новаковича, Богишича (стр. 172—173), о хорватскихъ переводахъ гимна «Dies irae» (стр. 182—183), о колендахъ въ Далмаціи и др. Эти и подобныя имъ примѣчанія иногда затрудняютъ чтеніе книги, мѣшая сосредоточиться; въ

---

1) «Kritische Nachlese z. Text der altkroat. Dichter», I, «Bemerk. z. prikazanje živ. sv. Lovr. St. p. VI»: Archiv f. Sl. Ph., V, 80—84.

методологическомъ отношеніи иныя изъ нихъ не только можно было бы, но и должно помѣстить въ текстѣ: напримѣръ, въ четвертой главѣ, на стр. 143, авторъ говоритъ: «произведенный нами разборъ символовъ Пиѳагора, внесенныхъ Гекторовичемъ въ «Ribanje», показываетъ» и т. д., а на самомъ дѣлѣ въ предшествующемъ текстѣ книги нѣтъ никакого разбора, а есть только изложеніе символовъ,—разборъ весь происходитъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; тоже повторяется и при разборѣ итальянской драмы о св. Лаврентіи сравнительно съ житіями этого святого и св. Сикста у болландистовъ (стр. 207—221): выходитъ, будто читаешь заразъ двѣ книги,—одна напечатана покрупнѣе, другая помельче... Но, въ результатѣ, благодаря этимъ примѣчаніямъ, отнынѣ безъ книги г. Петровскаго едвали можно будетъ обойтись занимающемуся соотвѣтственнымъ періодомъ хорватской литературы, какимъ бы спеціально вопросомъ въ этой области ни интересоваться. Не со всѣми взглядами автора, какъ было сказано, можно согласиться, но разногласія относятся преимущественно къ вопросамъ общаго характера и неизбѣжны при настоящей слабой еще разработкѣ данныхъ по исторіи сербо-далматской литературы; невольно вспоминаются слова Боэція («De consolatione philosophiae»):

Qui serere ingenuum volet agrum
Liberat arva prius fruticibus,
Falce rubos filicemque resecat,
Ut nova fruge gravis Ceres eat.

Г. Петровскій ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку путемъ критическаго изученія предмета прочнаго матеріала для научныхъ заключеній въ такой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало для того обслѣдованною и являла собою лишь обширное поле для всякихъ догадокъ и предположеній. Сдѣланное имъ въ своей книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящей порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знаніемъ предмета. Присужденіе Отдѣленіемъ автору

преміи имени проф. Котляревскаго было бы вполнѣ заслуженнымъ и справедливымъ признаніемъ за его трудомъ выдающагося научнаго значенія и авторитетнымъ поощреніемъ на дальнѣйшіе научные труды.

III.

С. М. Кульбакинъ. Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика сважендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ. СПБ. 1903. VIII+224 стр.

Его-же. Морфологія сважендзскаго говора. СПБ. 1904, стр. 30.

Работы г. Кульбакина, заглавіе которыхъ я выписалъ выше, посвящены описанію сважендзскаго говора, входящаго въ составъ великопольскаго нарѣчія, «главнымъ образомъ... съ точки зрѣнія историка языка», при чемъ выдѣленъ въ особый отдѣлъ «вопросъ о возникновеніи общепольскихъ долготъ» (стр. II). То обстоятельство, что морфологія сважендзскаго говора не вошла въ составъ книги «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка», а издана отдѣльно, хотя и представляетъ собою по содержанію главу этого труда, которая должна была бы стать рядомъ съ очеркомъ фонетики того же говора, объясняется, понятно, чисто внѣшними причинами случайнаго характера. Замѣчу еще, что заглавіе «Морфологія сважендзскаго говора» не исчерпываетъ содержанія самой работы, такъ какъ на стр. 26—30 помѣщены къ видѣ приложенія образцы говора.

Фонетика сважендзскаго говора, которой посвященъ первый отдѣлъ книги г. Кульбакина (стр. 1—89), распадается на двѣ части: стр. 1—4 содержатъ «Обозначеніе звуковъ сважендзскаго говора», а стр. 4—89 обнимаютъ часть, озаглавленную «Отно-

шеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ». Первая часть разсматриваемаго отдѣла даетъ очень краткое описаніе природы звуковъ сважендзскаго говора. На стр. II предисловія авторъ говоритъ, что его наблюденія надъ сважендзскимъ говоромъ не претендуютъ на «тонкость фонетическихъ [1]) опредѣленій», и что онъ даетъ «столько, сколько позволяло (его) ухо и (его) фонетическая подготовка». Сопоставляя это заявленіе съ словами примѣчанія на стр. 1—2: «Болѣе тонкія различія въ положеніи языка такъ же, какъ разницу между «открытыми» и «закрытыми» или «узкими» и «широкими» въ смыслѣ «gespannt» и «ungespannt» (narrow и wide) оставляю необозначенными, такъ какъ не всегда могъ бы съ увѣренностью эти различія установить....» я не могу принять безъ оговорокъ опредѣленій гласныхъ звуковъ на стр. 1 по отношенію къ тому, является ли данная гласная нижней, верхней или средней. Дѣло въ томъ, что въ акустическомъ отношеніи, на слухъ близки между собою нижнія закрытыя и среднія открытыя гласныя и т. п. Вообще опредѣленія природы звуковъ въ сважендзскомъ говорѣ, даваемыя г. Кульбакинымъ, очень кратки и не содержатъ многихъ важныхъ подробностей. Что касается ударенія, то замѣчаніе: «*Удареніе* — обычно на предпослѣднемъ мѣстѣ» положительно недостаточно: на это указываетъ уже само слово «обычно» Итакъ, разсматриваемая часть перваго отдѣла вмѣстѣ съ тѣми дополненіями, которыя находятся во второмъ подъ-отдѣлѣ, не обогащаетъ существеннымъ образомъ нашихъ познаній по затрогиваемымъ въ ней вопросамъ.

Вторая часть перваго отдѣла, распадающаяся на девять главъ (самъ авторъ этого термина не употребляетъ), содержитъ очень

---

1) Замѣчу кстати, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ избѣгать употребленія терминовъ «фонетика», «фонетическій» и т. п. въ томъ значеніи, какое имѣютъ соотвѣтствующіе имъ термины phonetik, phonetisch въ нѣмецкой лингвистической литературѣ, такъ какъ «фонетикой» у насъ болѣе или менѣе принято называть «исторію звуковъ» (lautgeschichte). Вмѣсто термина «фонетика» въ значеніи нѣмецкаго phonetik лучше пользоваться терминомъ «физіологія звуковъ рѣчи».

добросовѣстное описаніе звуковыхъ особенностей говора въ связи съ исторіей языка. Мы положительно должны быть благодарны г. Кульбакину за то, что онъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ великопольскихъ говоровъ, а какъ извѣстно, это нарѣчіе польскаго языка наименѣе затронуто изслѣдователями. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы описаніе говора было дано отдѣльно отъ исторіи его звуковъ и формъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и не могъ ставить себѣ цѣлью дать полный обзоръ исторіи даннаго говора; изслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ исторической грамматики польскаго языка, входящее въ составъ разбираемой части книги, равно какъ и вопросъ объ общепольской долготѣ, выдѣленный авторомъ въ особый отдѣлъ, съ большой пользой для дѣла могли бы быть представлены особо. Въ виду указанной особенности плана книги я предпочитаю выдѣлить въ своемъ разборѣ часть описательную изъ части исторической и сказать о каждой изъ нихъ отдѣльно.

Если изъ труда г. Кульбакина «Къ исторіи и т. д.» мы извлечемъ все, что относится къ описанію звуковыхъ особенностей сважендзскаго говора, то мы получимъ довольно полное представленіе объ его характерныхъ чертахъ. Существеннымъ пробѣломъ представляется мнѣ отсутствіе перечня тѣхъ случаевъ, гдѣ удареніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ. Въ народныхъ говорахъ эта особенность сказывается вообще чаще, чѣмъ въ литературномъ нарѣчіи. Въ извѣстныхъ мнѣ напр. непосредственно польско-литовскихъ говорахъ (т. е. говорахъ на территоріи бывшаго Великаго Княжества Литовскаго) я могъ наблюдать удареніе не на послѣднемъ слогѣ въ случаяхъ двухъ различныхъ категорій: 1) a) въ отдѣльныхъ словахъ (напр. okòlica); b) въ сложеніяхъ съ энклитиками, при чемъ при энклитическомъ że и się удареніе передвигается лишь въ повелительной формѣ 2-го л. ед. ч. въ части глаголовъ съ двухсложными основами (напр. bỳliśmy, żèbyśmy wiedzieli, chòdziłby, przèstańże, ubièraj się, но обыкновенно kładnìjsię, wstawàjże, poganiàjże); 2) въ нарѣчіяхъ и образованіяхъ повелительной формы

въ рѣчи восклицательно-побудительной при особыхъ условіяхъ (аффектъ, отдаленность разстоянія и т. п.), тогда какъ при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ этого не бываетъ (напр. pr̨ędzèj, dawàj) [1]. Вообще мнѣ кажется до сихъ поръ сравнительно мало обращалось вниманія на регистрацію и обслѣдованіе случаевъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ удареніе лежитъ въ томъ или другомъ говорѣ не на обычномъ мѣстѣ.

Непонятнымъ является для меня то, почему г. Кульбакинъ на стр. 16 называетъ i̯ и u̯, т. е. i и u неслоговыя, придыхательными. Замѣчу кстати, что непослѣдовательно опредѣлять звукъ, точнѣе звуки, передаваемые условно буквою j, какъ звонкій средненебный фрикативный согласный (стр. 3), послѣ разъясненія, даннаго на стр. 2: «Что касается дифтонгическихъ сочетаній ai̯, ei̯, ii̯, yi̯, oi̯, ui̯, то долженъ оговориться, что не въ состояніи былъ строго отличить вообще i̯ отъ j и потому не могу съ увѣренностью говорить о нихъ, пишу вездѣ j». Слѣдовало бы оговорить и на стр. 88 опредѣленіе: «Изъ общеслав. j различнаго происхожденія...» Вѣдь объ общеслав. j мы можемъ говорить только условно. Въ пунктѣ VIII на стр. 88 приведены сважендзскія tańi, letńi, orli при dobryj и т. п.; слѣдовало бы упомянуть, какъ звучатъ въ томъ же говорѣ повелительныя въ соотвѣтствіи съ литературными kładnij, bij и т. п.; судя по текстамъ, неодносложныя повелит. теряютъ j (ср. vlij на стр. 28, сн. 3 строка, и zamkńi на стр. 29, сн. 1 строка).

---

[1] Замѣчу, что, съ другой стороны, въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, имѣющихъ въ литературномъ языкѣ удареніе не на предпослѣднемъ слогѣ (напр. Amèryka, lògika и т. п.), въ различныхъ народныхъ говорахъ мы находимъ обыкновенно удареніе на этомъ именно слогѣ, поскольку, понятно, сами данныя слова встрѣчаются въ живомъ народномъ употребленіи; сюда относятся такіе случаи, какъ Amerỳka (слово, хорошо извѣстное народу въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, особенно пограничныхъ, вслѣдствіе особыхъ условій, созданныхъ эмиграціей), muzỳka, pijatỳka, Marỳja. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ разговорѣ на вопросъ, заключающій въ своемъ составѣ слова do Amèryki w Amèryce, я неизмѣнно слышалъ только tak, tak do Amerỳki, w Amerỳce; въ с. Lubanie Нешавскаго уѣзда мною записано даже do Amerỳkuf.

Очеркъ морфологическихъ особенностей сважендзскаго говора, занимающій стр. 1—25 брошюры, изданной отдѣльно отъ главнаго труда, менѣе обстоятеленъ сравнительно съ очеркомъ фонетики того же говора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по выдѣленіи изъ общаго содержанія книги г. Кульбакина. Это, впрочемъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что опредѣленіе морфологическихъ, синтактическихъ и лексическихъ особенностей требуетъ значительно бóльшаго времени, чѣмъ усвоеніе основныхъ фонетическихъ чертъ того или другого говора.

Что касается образцовъ языка, напечатанныхъ въ приложеніи къ очерку морфологіи сважендзскаго говора, то они по содержанію самостоятельнаго интереса не представляютъ. Особенности говора переданы г. Кульбакинымъ добросовѣстно, и образцы вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Желательно было бы видѣть знакъ ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ напр. połuš-śe (стр. 29, 15 строка сверху), разъ въ текстѣ книги эти и имъ подобные примѣры не оговорены особо.

Итакъ, нужно признать, что, несмотря на нѣкоторые недочеты, очеркъ г. Кульбакина даетъ вообще достаточно полное представленіе о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ сважендзскаго говора; свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, имѣютъ тѣмъ бóльшую цѣнность, что о великопольскомъ нарѣчіи мы знаемъ очень немного: строго говоря, можно пользоваться для научныхъ цѣлей только данными г. Лецѣевскаго, относящимися къ говору Miejskiej Górki. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои работы по діалектологіи польскаго языка и не ограничился настоящимъ первымъ опытомъ. Онъ несомнѣнно обладаетъ интересомъ къ занятіямъ этого рода, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и хорошее знаніе литературы предмета, обнаруженное имъ при сопоставленіи фактовъ описываемаго говора съ данными другихъ нарѣчій.

Перехожу теперь къ второй части задачи, возникающей для рецензента работъ г. Кульбакина. Какъ мы видѣли выше, ав-

торъ изложилъ матеріалъ, имъ собранный, «главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историка языка». При этомъ онъ «невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора. Опредѣляя отношеніе свавендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ», продолжаетъ авторъ, «я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Вырабатывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соотвѣтствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики. Сознаюсь, — рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной». «Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей,—въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи общепольской долготы» (стр. II).

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ пересмотру основныхъ вопросовъ польской фонетики авторъ былъ приведенъ необходимостью выработать формулы, которыя могли бы служить исходнымъ пунктомъ для опредѣленія отношенія звуковъ свавендзскаго говора къ звукамъ общепольскаго языка. Дѣйствительно, многіе важные вопросы исторіи звуковъ польскаго языка до сихъ поръ еще не разработаны соотвѣтственно современнымъ научнымъ требованіямъ, и она извѣстна намъ лишь въ очень общихъ очертаніяхъ. Можно поэтому быть признательнымъ г. Кульбакину уже за то, что онъ вновь поднялъ обсужденіе нѣкоторыхъ основныхъ пунктовъ этой исторіи. Посмотримъ, каковы достигнутые имъ результаты.

Обзоръ фонетики распадается на 9 главъ, при чемъ въ особый отдѣлъ выдѣленъ вопросъ: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ», которому посвящена бо́льшая часть книги «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». Обзору морфологіи, какъ мы уже знаемъ, посвящена особая брошюра.

Въ области вокализма, которому отведена бо́льшая часть перваго отдѣла и весь второй отдѣлъ, разсмотрѣно большинство

вопросовъ, представляющихъ интересъ для изслѣдователя. Общій характеръ изложенія тотъ, что дается очеркъ исторіи вопроса, приводятся данныя изъ разныхъ говоровъ, поскольку онѣ извѣстны, частью изъ старыхъ текстовъ. Авторъ опредѣляетъ въ подлежащихъ случаяхъ исторію того или другого звука или звукового сочетанія въ самомъ общепольскомъ языкѣ. То обстоятельство, что г. Кульбакинъ не далъ общаго очерка общепольскаго вокализма, что онъ разбилъ нѣкоторыя его части по отдѣльнымъ главамъ книги, зависитъ какъ отъ общаго характера работы, такъ, думается мнѣ, и отъ сложности вопроса. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ его книгѣ экскурсы въ область исторіи общепольскаго языка, при чемъ почти совершенно обойденъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ ближайшимъ сородичамъ, къ прочимъ западно-славянскимъ языкамъ. Отсюда объясняется то, что авторъ отъ общеславянскаго языка переходитъ обыкновенно прямо къ общепольскому языку. Теряя часть исторической перспективы, онъ, съ другой стороны, слишкомъ поддается вліянію буквы, знака. На стр. 21 онъ напр. говоритъ: «Польскій языкъ получилъ изъ об.-славянскаго носовые гласные *ǫ и *ę и тѣ же ǫ и ę,—оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако соотвѣтствіе польскихъ ǫ и ę об.-славянскимъ *ǫ и *ę, какъ извѣстно, не полное...» Конечно, слова *«тѣ же»* относятся здѣсь не къ самимъ звукамъ и не могутъ относиться къ нимъ по самому существу дѣла, что ясно между прочимъ и изъ дальнѣйшаго изложенія. И по отношенію къ самому общеславянскому языку автору слѣдовало бы строже выдѣлять факты болѣе позднихъ эпохъ отъ фактовъ эпохъ болѣе раннихъ. На стр. 45 онъ говоритъ: «Изъ общеславянскихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el, въ положеніи передъ согласнымъ въ польскомъ языкѣ получились группы ro, ło, re, le съ открытымъ или наклоненнымъ гласнымъ и т. д.» Въ примѣчаніи тутъ же оспаривается мнѣніе Торбьернсона, что польскія ro, ło, получились непосредственно

изъ *r̥o, *l̥o, которыя уже въ общеславянскую эпоху явились на мѣстѣ первоначальныхъ *or, *ol. Изъ всего этого мы какъ будто вправѣ вывести заключеніе, что самъ авторъ выводитъ польскія ro, ło непосредственно изъ общеславянскихъ or, ol, а это невѣрно: всѣ славянскіе языки указываютъ на то, что еще въ общеславянскую эпоху сочетанія tort, tolt, tert, telt подверглись извѣстнымъ видоизмѣненіямъ. Другой, конечно, вопросъ о томъ, согласны ли мы съ гипотезою Торбьернсона: и я ея не принимаю.

Выше мною было замѣчено, что г. Кульбакинъ почти совершенно обошелъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ другимъ западно-славянскимъ языкамъ. Изъ трехъ-четырехъ мѣстъ книги, гдѣ упоминается въ той или другой формѣ объ обще-западно-славянскомъ языкѣ, нельзя извлечь достаточныхъ указаній на то, какъ смотритъ на него авторъ. Именно, на стр. 12 говорится, что измѣненіе общеславянскаго ě въ 'a при извѣстныхъ условіяхъ, повидимому, было діалектическимъ явленіемъ «въ эпоху единства западно-славянскихъ языковъ». На стр. 31 являются «(полабско-?) каш.-пол. *ą» и «каш.-пол. *'ā̦». На стр. 54 и 68 оспаривается взглядъ ак. Шахматова, что «еще въ обще-зап.-слав. эпоху *ъ, *ь измѣнялись въ извѣстномъ положеніи (въ открытомъ слогѣ, но не въ ударяемомъ начальномъ) въ неслоговые и затѣмъ въ ту же эпоху выпадали и отпадали». Въ заключеніи говорится о польско-кашубской эпохѣ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейду къ нѣкоторымъ частностямъ.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи польскаго вокализма является вопросъ о судьбѣ старыхъ носовыхъ гласныхъ, и соотвѣтственно съ этимъ г. Кульбакинъ довольно внимательно разсмотрѣлъ литературу вопроса. Мы бы ждали здѣсь же указаній на исторію польскаго *e* въ извѣстныхъ грамматическихъ окончаніяхъ, которое авторъ вслѣдъ за ак. Фортунатовымъ выводитъ изъ общеслав. ę̌, т.-е. «ѣ» носового (см. очеркъ морфологіи, стр. 9). Замѣчу кстати, чтобы не возвращаться къ этому

пункту, что *e* такого же происхожденія, какъ въ им. мн. duše, мы находимъ и въ именит., частью винит. множ. ч. именъ мужескаго рода типа koń. Мнѣ кажется, нельзя сводить польское *e* въ образованіи именит. мн. ч. на взаимодѣйствіе — ē изъ — ije и — e въ именахъ съ старыми основами на согласныя, какъ склоненъ думать г. Кульбакинъ (стр. 4). Я думаю, что именно подъ вліяніемъ — e изъ стараго — ę̌ и изъ стараго — e въ нѣкоторыхъ именахъ съ старыми основами на согласныя и — ē въ именахъ типа ludzie, откуда мы ждали бы далѣе — é съ его обычной исторіей, замѣнено было нефонетически звукомъ — e.

Что касается самого вопроса объ исторіи общеславянскихъ ę и ǫ въ польскомъ языкѣ, то я признаю вполнѣ вѣрной основную мысль Лоренца и г. Кульбакина: объясненіе причинъ перехода старыхъ носовыхъ гласныхъ въ польскія ę и ǫ нужно искать въ количественныхъ отношеніяхъ. О нѣкоторыхъ пунктахъ, которые я понимаю иначе, я скажу впослѣдствіи, когда буду говорить объ условіяхъ сокращенія старой долготы въ польскомъ языкѣ. Такъ какъ старыя ę и ǫ въ польскомъ языкѣ вообще совпали въ своей исторіи (передъ носовыми изъ ę согласная является, понятно, мягкою), то естественно должна была возникнуть мысль, что старыя носовыя гласныя ę и ǫ совпали въ польскомъ языкѣ по качеству звука въ одной носовой гласной. Дѣйствительно, такое предположеніе было высказано уже Потебнею. Другіе ученые тоже выходили изъ этого пункта, хотя и различно понимали отдѣльныя стадіи процесса и различнымъ образомъ опредѣляли какъ хронологическія рамки, такъ и само качество носовой гласной, въ которой совпали ę и ǫ. Мнѣнія ак. Ягича и пр. Миккола стоятъ нѣсколько особнякомъ, такъ какъ и тотъ, и другой ученый признаютъ вторичное происхожденіе польскаго *o* носового изъ стараго ę подъ вліяніемъ особыхъ фонетическихъ условій. Эта теорія, какъ уже замѣтилъ г. Кульбакинъ, не подтверждается фактами. Самъ онъ даетъ слѣдующую схему:

об.-сл. *ǫ (полабско-?) каш.-пол. *ą̄

пол. *ą̄ до XI—XII вв. { *ą̄ др.-п. ǫ н.-п. ǫ
*ą̆ др.-п. ę н.-п. ę }

об.-сл. *ę каш.-пол. *ā̄ пол. *ʹą̄ до

XI—XII в. { ʹā др.-п. ʹǭ н.-п. ʹǫ
ʹą̆ др.-п. ʹę н.-п. ʹę }

Выше я имѣлъ уже случай говорить о томъ, что г. Кульбакинъ въ своей книгѣ не подвергаетъ изслѣдованію вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ, а потому непослѣдовательно съ его стороны говорить при случаѣ о полабско-кашубско-польскихъ и кашубско-польскихъ явленіяхъ. Я, конечно, далекъ отъ мысли требовать отъ автора изслѣдованія вышеуказаннаго вопроса, разъ это не входило въ планъ его работы, но мы во всякомъ случаѣ въ правѣ требовать послѣдовательности: разъ авторъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ уклонился отъ вопроса объ обще-западно-славянскомъ языкѣ, онъ долженъ идти въ своей реконструкціи общепольскаго языка не далѣе того, на что даетъ право сравнительно—историческое изученіе отдѣльныхъ нарѣчій и отдѣльныхъ, засвидѣтельствованныхъ памятниками, эпохъ въ существованіи польскаго языка. Связывая факты, добытые такимъ путемъ, съ фактами общеславянскаго языка, нужно при этомъ помнить о допущенномъ упрощеніи задачи. Въ виду этого я совсѣмъ оставляю въ сторонѣ соображенія г. Кульбакина, основанныя на сопоставленіи польскаго языка съ полабскимъ и кашубскимъ языками. Въ остальномъ я согласенъ съ нимъ, что совпаденіе ę и ǫ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ одной носовой гласной произошло въ доисторическую эпоху польскаго языка, что правы ак. Ягичъ и пр. Брюкнеръ въ ихъ недовѣріи къ польской графикѣ, наконецъ, что появленіе ę въ польскомъ языкѣ относится къ ранней эпохѣ, во всякомъ случаѣ до появленія дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ источниковъ древнепольскаго языка. Въ пользу того, что силезское ą дѣйствительно изъ стараго ę, полученнаго

изъ общепольскаго языка, говоритъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Кульбакинъ въ прим. на стр. 31 сл., существованіе въ томъ же нарѣчіи ′ę. Вѣрно, по моему мнѣнію, и то объясненіе, какое даетъ г. Кульбакинъ фактамъ, гдѣ мы находимъ ′ą вмѣсто ожидаемаго ′ę.

Переходя къ фактамъ сважендзскаго говора, замѣчу, что я раздѣляю мнѣніе г. Кульбакина о фонетическомъ происхожденіи *om* въ концѣ слова изъ стараго — ǫ. Я такъ же, какъ и онъ, не вижу никакой возможности объяснять — *om* въ концѣ словъ нефонетически въ такомъ говорѣ, какъ сважендзскій, который представляетъ указанное звуковое сочетаніе всюду въ соотвѣтствіи съ старымъ — ǫ. Само собою разумѣется, что по отношенію къ исторіи старыхъ носовыхъ гласныхъ въ концѣ слова наблюдаются различія между говорами. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изслѣдователи отмѣчаютъ факты въ этой области съ надлежащей полнотой, а потому я не рѣшаюсь высказаться относительно того, какъ смотрѣть на существованіе въ нѣкоторыхъ говорахъ при *om* и *o*.

Второй важный вопросъ исторіи гласныхъ въ польскомъ языкѣ — это вопросъ о старыхъ ъ и ь. И этотъ вопросъ разсмотрѣнъ г. Кульбакинымъ съ надлежащею обстоятельностью, при чемъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, въ особую главу выдѣлена исторія старыхъ сочетаній типа tъ̑r̥t, tь̑l̥t. По поводу термина редуцированныя гласныя, употребляемаго авторомъ, и его разъясненія въ прим. на стр. 67 замѣчу, что не вижу основаній избѣгать термина «ирраціональныя гласныя» въ томъ смыслѣ, въ какомъ его примѣняетъ ак. Фортунатовъ. Терминъ «редуцированныя гласныя» страдаетъ неопредѣленностью: редукція можетъ быть и по отношенію къ количеству, т.-е. длительности, и по отношенію къ степени участія голоса, и по отношенію къ силѣ выдыханія, и по отношенію къ высотѣ тона. Терминъ «ирраціональная гласная» значитъ гласная, имѣющая ме́ньшую длительность сравнительно съ нормальною краткою гласною; слѣдовательно, здѣсь опредѣленно выдвигается впередъ одинъ признакъ,

которымъ несомнѣнно обладали общеславянскія ъ и ь. Не раздѣляю также взгляда автора будто бы терминъ «полукраткій» «строго говоря, значитъ лишь «не вполнѣ краткій», слѣд. больше или меньше краткаго». Мнѣ кажется, терминъ «полукраткій» значитъ только «краткій на половину».

На стр. 68 сл. оспаривается мнѣніе ак. Шахматова, что *ъ и *ь еще въ обще-западно-славянскую эпоху измѣнялись въ извѣстномъ положеніи въ неслоговыя и затѣмъ выпадали. Не повторяя того, что было сказано мною выше по поводу отдѣльныхъ экскурсовъ автора въ область обще-западно-славянскаго языка, замѣчу, что его возраженіе въ первой своей части нисколько не опровергаетъ оспариваемаго мнѣнія по существу. Изъ того, что ъ и ь при наличности извѣстныхъ фонетическихъ условій перешли въ гласныя полнаго образованія уже на почвѣ польскаго языка, никакъ не слѣдуетъ невозможность допущенія исчезновенія ъ и ь при другихъ фонетическихъ условіяхъ въ эпоху болѣе раннюю, будетъ ли это эпоха обще-западно-славянская, или другая, болѣе поздняя, но предшествовавшая по времени эпохѣ перехода ъ и ь въ гласныя полнаго образованія. Что касается второго пункта: «Затѣмъ, относя къ эпохѣ зап.-слав. единства выпаденіе ъ, ь въ открытомъ слогѣ, мы ожидали бы одинаковыхъ послѣдствій этого выпаденія для гласнаго предыдущаго слога», то я, не принимая возраженія автора въ этой его формѣ, думаю, что дѣйствительно мы должны относить удлиненіе краткой гласной въ слогѣ, предшествовавшемъ исчезавшимъ ъ или ь, къ эпохѣ отдѣльной жизни славянскихъ языковъ. Это, конечно, не исключаетъ допущенія уже для общеславянскаго языка существованія различія между ъ и ь въ зависимости отъ различія въ фонетическомъ положеніи: въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ и въ слогѣ передъ слогомъ съ ъ и ь разсматриваемыя гласныя уже въ общеславянскомъ языкѣ были менѣе ирраціональны, чѣмъ при другомъ фонетическомъ положеніи, гдѣ онѣ сверхъ того были неслоговыми. Отдѣльные славянскіе языки всѣ указываютъ на существованіе этого различія между ъ и ь въ зависимости отъ

различія въ фонетическомъ положеніи еще въ общеславянскую эпоху. Исчезновеніе ъ и ь неслоговыхъ, очень ирраціональныхъ, и въ связи съ этимъ удлиненіе краткихъ гласныхъ предшествовавшаго слога происходило уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ (ср. А. А. Шахматовъ, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 16). Что касается спеціально польскаго языка, то удлиненіе краткихъ гласныхъ мы имѣемъ основаніе относить къ эпохѣ польско-кашубской (см. объ этомъ ниже).

Въ формулѣ, опредѣляющей условія «выпаденія» и «вокализаціи» ъ и ь въ польскомъ языкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее даетъ г. Кульбакинъ, слѣдовало бы добавить, что только ударяемость начальнаго слога съ ъ и ь составляетъ условіе для перехода ъ и ь въ гласныя полнаго образованія.

Пробѣломъ въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи ъ и ь, является, по моему мнѣнію, отсутствіе изслѣдованія вопроса о судьбѣ грамматическихъ окончаній 3-го л. ед. и мн. ч. глаголовъ. Мнѣ кажется, автору слѣдовало бы остановиться на этомъ вопросѣ и высказаться, какъ онъ смотритъ на фактъ утраты конечныхъ согласныхъ въ новославянскихъ языкахъ, въ виду именно того, что существуетъ два главныхъ объясненія этого факта: по одному изъ нихъ мы имѣемъ въ новославянскихъ языкахъ обобщеніе окончаній, полученныхъ въ формѣ прошедшаго времени, по другому, принадлежащему ак. Фортунатову, еще въ общеславянскомъ языкѣ конечные ъ и ь при извѣстныхъ условіяхъ становились подвижными, могли отпадать: такіе ъ и ь существовали и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ грамматическихъ категорій (см. его Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка). То, что говорится у автора «о флексіи 3 pl. pr.» на стр. 171, не даетъ опредѣленнаго представленія о его взглядѣ на данный вопросъ [1]).

1) Въ связи съ вопросомъ объ исторіи окончаній 3-го л. ед. и мн. ч. глаголовъ въ формѣ настоящаго времени я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ отношеніи къ гипотезѣ Гирта, изложенной имъ на стр. 287 сл. XVII т. журнала Indogermanische Forschungen. Этотъ послѣдній ученый рѣшаетъ во-

Что касается исторіи общеславянскихъ сочетаній типа tъ̯r̥t, tь̯r̥t, tъ̯l̥t, tь̯l̥t, разсмотрѣнію которыхъ посвящена особая глава,

---

просъ, имѣемъ ли мы въ славянскихъ образованіяхъ формы настоящаго времени съ отпавшимъ—t при образованіяхъ на старое—ti перенесеніе въ форму настоящаго окончанія формы прошедшаго времени, или старое индоевропейское чередованіе не энклитическихъ и энклитическихъ образованій, въ пользу этой послѣдней возможности, при чемъ онъ опирается на свою теорію о происхожденіи личныхъ формъ спряженія и въ частности на теорію о происхожденіи чередованія между личными окончаніями главныхъ и историческихъ временъ. Насъ интересуетъ здѣсь непосредственно лишь этотъ второй пунктъ очень смѣлыхъ гипотезъ Гирта, составляющихъ главное содержаніе его статьи въ томъ же XVII т. названнаго журнала, озаглавленной «Ueber den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen», стр. 36—84. Здѣсь на стр. 75 сл. авторъ развиваетъ и видоизмѣняетъ мысль Циммера о томъ, что различіе между окончаніями—mi :—m, —si :—s и т. д. обязано своимъ происхожденіемъ различію между неэнклитическимъ и энклитическимъ употребленіемъ соотвѣтственной формы. Ссылаясь на необычность фонетическаго чередованія типа —mi :—m и на фонетическое происхожденіе чередованія ai :i, Гиртъ принимаетъ фонетическое происхожденіе соотношенія между активнымъ напр. — ti и медіальнымъ — tai; съ другой стороны, по его мнѣнію существуетъ связь по происхожденію между активнымъ —t и медіальнымъ —to (по транскрипціи, которой я слѣдую, —ta⁰). Частица ai (а таково по Гирту происхожденіе ai :i въ окончаніи личныхъ формъ глагола), присоединяясь къ глаголу, придавала ему значеніе отношенія къ настоящему времени; это обстоятельство хорошо объясняетъ, какъ думаетъ авторъ, причину, почему въ сложеніи съ приставками глаголъ въ индоевроп. праязыкѣ долженъ былъ являться обыкновенно безъ означенной частицы. Дѣло въ томъ, что по его теоріи въ сложеніи съ приставками глаголъ въ индоевроп. проязыкѣ получалъ значеніе недлительности, а это послѣднее значеніе исключало значеніе, вносимое частицею ai. Для обоснованія даннаго имъ рѣшенія вопроса о происхожденіи образованій типа *je* Гиртъ пытается найти въ славянскихъ языкахъ данныя, указывающія на то, что разсматриваемыя образованія являются преимущественно въ сложеніи. Однако, самъ онъ не придаетъ рѣшающаго значенія приводимымъ имъ фактамъ изъ Супр. рук. Болѣе важное значеніе имѣетъ, думаетъ онъ, сербское нијесам : није, забывая при этомъ, что није, помимо всего прочаго, уже по отсутствію въ немъ значенія недлительности не можетъ служить подтвержденіемъ его теоріи, которая сама цѣликомъ виситъ на воздухѣ. Не говоря объ абсолютно произвольномъ, не опирающемся на фактахъ, толкованіи происхожденія ai :i въ окончаніи глагольныхъ формъ, совершенно недоказаннымъ является предположеніе о недлительномъ значеніи глагольныхъ образованій въ сложеніи съ приставками въ индоевроп. праязыкѣ. Наконецъ, и съ принципіальной точки зрѣнія я долженъ отнестись совершенно отрицательно къ построеніямъ Гирта, представляющимъ своего рода лингвистическую метафизику. Не менѣе отрицательно я отношусь и къ дальнѣйшимъ соображеніямъ названнаго ученаго, возводящаго славянское —tъ къ индоевроп. медіальному —ta⁰. Эта часть раз-

то г. Кульбакинъ въ общемъ примыкаетъ къ ученію ак. Фортунатова. По отношенію къ гипотезѣ ак. Шахматова о томъ, что въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ этихъ сочетаніяхъ существовали уже только слоговыя плавныя съ утратою неслоговыхъ ъ и ь здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, г. Кульбакинъ высказывается отрицательно. Я съ своей стороны точно такъ же не вижу никакихъ основаній принимать для обще-западно-славянскаго языка сочетанія типа tr̥t, tl̥t. Я думаю, гласный элементъ въ общеславянскихъ сочетаніяхъ типа tьrt и т. д. продолжалъ сохраняться и въ обще-западно-славянскую эпоху, такъ какъ исчезновеніе ъ и ь неслоговыхъ при другихъ фонетическихъ условіяхъ, правда, отличавшихся отъ ъ̯ и ь̯ въ сочетаніяхъ указаннаго типа, по моему мнѣнію, происходило уже въ отдѣльномъ существованіи западно-славянскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вѣрною мысль ак. Шахматова, что посредствующею ступенью между польскимъ tart и т. д. и старымъ tъ̯r̥t и т. д. было именно tr̥t и т. д., только я не рѣшаюсь возводить эти tr̥t и т. д. къ эпохѣ единства западно-славянскихъ языковъ. Польское łu восходитъ къ общеславянскому ъ̯l̥ съ l̥ велярно-зубнымъ.

Вопросъ о сокращеніи старыхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, и о возникновеніи новыхъ долготъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ исторической грамматики польскаго языка; въ книгѣ г. Кульбакина этому

бираемой статьи Гирта стоитъ въ тѣсной связи съ его ученіемъ объ исторіи индоевроп. a^0 въ концѣ словъ. Противъ этого ученія („..*unbetontes —o zu —ъ wurde, betontes aber blieb...) уже высказался Бернекеръ въ KZ, XXXVII. Я, съ своей стороны, добавлю, что попытка спасти эту теорію по отношенію къ конечному —a^0, предпринятая авторомъ, совершенно неудачна; въ самомъ дѣлѣ, ходъ его разсужденія таковъ: объясненіе, даваемое Ф. Ѳ. Фортунатовымъ судьбѣ —ь и —ъ извѣстнаго происхожденія въ общеслав. яз. не есть объясненіе, мое толкованіе (изложенное мною выше) заслуживаетъ предпочтенія, а потому падаетъ и правило Ф. Ѳ. Фортунатова, такъ какъ въ разбираемой категоріи случаевъ —о обратилось въ —ъ (стр. 291). Не думаю, чтобы такая аргументація имѣла какую-либо силу. Въ заключеніе замѣчу, что правило Ф. Ѳ. Фортунатова кажется Гирту необоснованнымъ м. б. отчасти по той причинѣ, что ему остается неизвѣстнымъ анализъ случаевъ однородныхъ съ отношеніемъ tъ : tь : t по крайней мѣрѣ по отношенію къ первымъ двумъ членамъ.

вопросу посвященъ второй отдѣлъ (стр. 90—200), озаглавленный: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ» и распадающійся на 13 отдѣльныхъ главъ. Неточно, по моему мнѣнію, передаетъ содержаніе означеннаго отдѣла вышеприведенное заглавіе: здѣсь дѣло идетъ не только о «возникновеніи общепольскихъ долготъ», но и о сокращеніи долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, пожалуй, главнымъ образомъ объ этомъ явленіи.

Ак. Шахматовъ не разъ уже указывалъ въ своихъ трудахъ на то, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подвергались сокращенію долгія гласныя и дифтонгическія сочетанія, полученныя долгими. Всѣ славянскіе языки, дающіе указанія на количественныя отношенія общеславянскаго языка, единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ виду этого передъ изслѣдователемъ должна возникнуть задача выяснить точно тѣ условія, при которыхъ еще въ эпоху единства всѣхъ славянскихъ языковъ происходило сокращеніе старыхъ долготъ, и на которыя уже указывалъ ак. Шахматовъ. Безъ этого не могутъ быть доказательны во всѣхъ ихъ пунктахъ изслѣдованія такого типа, какъ работа Лоренца о носовыхъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ, помѣщенная въ XIX т. Архива Ягича. Общіе законы сохраненія или сокращенія старыхъ долготъ мы можемъ выводить, не производя указаннаго выше изслѣдованія, только по отношенію къ начальнымъ слогамъ двухсложныхъ словъ, гдѣ, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, долгота вообще сохранялась. Лоренцъ, получивъ вполнѣ вѣрный для польскаго языка общій законъ сокращенія старой долготы носовыхъ гласныхъ подъ удареніемъ и сохраненія ея передъ слогомъ съ старымъ удареніемъ путемъ анализа двухсложныхъ словъ, сдѣлалъ попытку подвести подъ него всѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ старыя носовыя гласныя.

Эта послѣдняя часть работы и не могла дать твердыхъ выводовъ въ виду того, что не выдѣлены всѣ тѣ случаи, гдѣ польскій языкъ получилъ краткія носовыя гласныя уже изъ обще-

славянскаго языка. Г. Кульбакинъ, принявъ вообще положенія Лоренца, расширилъ рамки изслѣдованія и показалъ, что основной законъ, выведенный Лоренцомъ, вѣренъ для всѣхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ начальномъ слогѣ словъ двухсложныхъ. Однако, и онъ въ общемъ не задался вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ старыя долготы сокращались въ общеславянскомъ языкѣ и перешли уже какъ краткости въ отдѣльные славянскіе языки. Напр. въ главѣ 5: «Долгота во второмъ передъ удареніемъ слогѣ» разсматривается, какъ спеціально польское, сокращеніе старой долготы въ такомъ фонетическомъ положеніи, между тѣмъ какъ нетрудно показать, что долгота здѣсь сократилась еще въ общеславянскую эпоху (ср. ак. Шахматова, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 49—50). Точно такъ же въ главѣ 7: «Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ» идетъ рѣчь о такихъ краткостяхъ, которыя получены были, какъ таковыя уже изъ общеславянскаго языка; долгія гласныя, получившіяся вслѣдствіе стяженія, въ такомъ положеніи оставались долгими, очевидно потому, что возникли они въ эпоху болѣе позднюю.

Правда, въ главѣ 12-ой авторъ какъ будто соглашается принять положенія ак. Шахматова: «Уже въ общеславянскомъ долгія гласныя сокращались предъ долгимъ удареніемъ гласнымъ суффикса» (стр. 187), хотя и здѣсь мы имѣемъ оговорку, что «сокращеніе коренного гласнаго въ такомъ положеніи могло произойти въ эпоху до сокращенія восходящей долготы въ сербскомъ, но это еще не значитъ: непремѣнно въ общеславянскую.» На стр. 208 сл. послѣ хронологической таблицы явленій въ области сокращенія и удлиненія гласныхъ въ польскомъ и кашубскомъ языкахъ говорится: «Указанныя явленія не представляютъ, конечно, фактовъ одной и той же эпохи. Ак. Шахматовъ считаетъ сокращеніе неполно-долгихъ гласныхъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, далѣе сокращеніе ихъ во второмъ отъ ударенія слогѣ къ началу слова и въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ — явленіями общеславянской эпохи...—,

такъ какъ то же находимъ и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкѣ. Предположеніе это вполнѣ возможно, хотя и не необходимо: сходныя явленія могутъ происходить независимо въ отдѣльныхъ языкахъ, а рядъ новыхъ долготъ въ конечномъ открытомъ слогѣ» могъ, по мнѣнію автора, возникнуть въ сербскомъ языкѣ въ эпоху болѣе позднюю, чѣмъ эпоха, въ которую происходило сокращеніе старыхъ долготъ. Съ этимъ мнѣніемъ г. Кульбакина я положительно не могу согласиться въ виду ошибки противъ метода изслѣдованія.

Итакъ, признавая заслугою г. Кульбакина то, что онъ распространилъ свое изслѣдованіе на всѣ старыя долготы и показалъ вѣрность закона, найденнаго Лоренцомъ по отношенію къ носовымъ гласнымъ, въ примѣненіи къ всѣмъ старымъ долготамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не отмѣтить, что онъ все-таки не далъ полной исторіи старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ по той именно причинѣ, что не выдѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи стараго общеславянскаго сокращенія отъ спеціально польскаго. Вѣрно подмѣчено имъ и то, что общій законъ сокращенія старыхъ долготъ въ словацкомъ языкѣ тотъ же, что и въ польскомъ языкѣ. Непонятнымъ кажется мнѣ только замѣчаніе, сдѣланное авторомъ на стр. 137 по этому поводу: «Отмѣченное разногласіе между чешскимъ и словацкимъ и согласіе послѣдняго съ польскимъ въ судьбѣ восходящей долготы подъ удареніемъ, конечно, не можетъ служить обоснованіемъ самостоятельности «словацкаго языка» по отношенію къ чешскому». Далѣе указывается, что словацкій языкъ сходится въ другихъ случаяхъ («напр. въ нормахъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ») съ чешскимъ, и что по отношенію къ сокращенію восходящей долготы подъ удареніемъ словацкій языкъ не отдѣляется пограничной чертой отъ чешскаго языка, такъ какъ моравскіе говоры служатъ тутъ связующимъ звеномъ. Все это разсужденіе основано на недоразумѣніи: историческая грамматика ясно показываетъ, что словацкій языкъ пережилъ рядъ явленій вмѣстѣ съ чешскимъ языкомъ, но что есть и явленія

спеціально словацкія, противополагающія его совокупности чешскихъ говоровъ. Словацкій языкъ отнюдь не діалектъ чешскаго языка, но о чешско-словацкомъ языкѣ говорить мы имѣемъ полное право. Схожее недоразумѣніе, эксплоатируемое ультрапатріотами, существуетъ и по отношенію къ кашубскому языку, который отнюдь не есть говоръ польскаго языка, но самостоятельная вѣтвь языка польско-кашубскаго. Другое конечно дѣло— вопросъ о правѣ словаковъ и кашубовъ на самостоятельное развитіе литературнаго языка. Тутъ рѣшаютъ дѣло не историческая грамматика, а общія политическія, соціальныя и культурныя условія; ср. напр. самостоятельность въ литературномъ отношеніи голландскаго языка и подчиненіе близкаго ему языка фризскаго языку ново-верхне-нѣмецкому, находящемуся въ отношеніяхъ болѣе отдаленнаго родства. Замѣчу кстати, что проф. Флоринскій въ своихъ «Лекціяхъ по славянскому языкознанію» впалъ по отношенію къ словацкому языку въ ошибку, противоположную замѣчанію г. Кульбакина.

Кромѣ условій сокращенія старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ разсматриваются въ разбираемомъ отдѣлѣ также условія появленія новыхъ долготъ, при чемъ заглавія 10 и 11 главъ («Краткіе гласные [1]) въ конечномъ закрытомъ слогѣ» и «Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ») не вполнѣ точно указываютъ на содержаніе соотвѣтствующихъ страницъ, такъ какъ здѣсь же говорится и о долготахъ вмѣсто краткостей изъ старыхъ долготъ. Впрочемъ, центръ тяжести изслѣдованія лежитъ именно на старыхъ краткихъ гласныхъ, и, надо сказать, лежитъ въ ущербъ полнотѣ изслѣдованія. Въ силу этого разбираемыя главы носятъ эскизный характеръ.

Основная точка зрѣнія г. Кульбакина на процессъ, о ко-

1) Замѣчу кстати, что, по моему мнѣнію, нѣтъ необходимости вводить терминъ «гласный», «согласный» вмѣсто «гласная», «согласная», такъ какъ эти термины для сознанія многихъ говорящихъ уже не однозначущи съ терминами «гласная буква», «согласная буква»; тѣ, именно, кто не смѣшиваетъ терминовъ «буква» и «звукъ», употребляютъ «гласная», «согласная» въ значеніи «гласный звукъ», «согласный звукъ».

торомъ идетъ рѣчь, та, что удлиненіе происходило въ польскомъ языкѣ фонетически только въ положеніи передъ старой звонкой или сонорной согласной какъ въ конечномъ, такъ и во внутреннемъ слогѣ. Если мы остановимся сначала на конечныхъ слогахъ, то найдемъ, что уже въ семидесятыхъ годахъ проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ и проф. Потебнею были высказаны два противоположныхъ мнѣнія по разбираемому вопросу: первый изъ нихъ «полагалъ, что удлиненіе первоначально было и передъ глухими согласными, но позже получило ограниченіе въ силу того, что въ схемѣ pōt-pŏta тожество согласнаго вызвало уподобленіе формы nom. s. остальнымъ ф.ф., тогда какъ въ схемѣ bōk-bŏga (bōk изъ bōg) не было такого мотива для уподобленія. Удлиненіе же въ примѣрахъ, какъ bōj, kōń, vōł, mōl, bōr удержалось потому, что оно было ассоціировано съ звонкостью согласнаго» (стр. 161). «Иначе, продолжаетъ г. Кульбакинъ, объяснялъ явленіе Потебня: конечный глухой звукъ долѣе удерживался послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ бо́льшаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними явилось удлиненіе основного о (и основного е, изъ коего é) въ то время, какъ предъ первымъ нѣтъ». По этому поводу г. Кульбакинъ говоритъ: «Это объясненіе предполагаетъ, что дѣйствіе закона удлиненія прекратилось уже въ эпоху, когда редуцированные ъ, ь отпали и послѣ отзвучныхъ. Такое предположеніе возможно, хотя и искусственно: въ данномъ случаѣ звукоизмѣненіе обусловлено не чисто-субъективной склонностью говорящихъ, которая можетъ быстро мѣняться, но общими физіологическими основаніями; если отпаденіе ъ, ь вызвало въ данной средѣ говорящихъ удлиненіе гласнаго предъ звучными, то мало вѣроятна мысль, что нѣсколько позже въ той же средѣ такое же отпаденіе ъ, ь удлиненія въ гласномъ предшествующаго слога не вызывало. Между тѣмъ различіе между звучными и глухими согласными могло имѣть значеніе: въ voz—z измѣнялось въ s, происходила потеря голоса, которая могла вызвать удлиненіе предыдущаго слога; такого измѣненія не было въ

potъ-pot. Затруднительнымъ пунктомъ при такомъ пониманіи процесса являются примѣры, какъ pān, krōj, mōl, sōm (voł измѣнялось въ vou). Теоретически измѣненіе конечнаго согласнаго въ безголосный, потеря голоса въ концѣ слова, не невозможны и въ этихъ случаяхъ; такое измѣненіе было бы недостаточнымъ для того, чтобы вызвать у говорящаго сознаніе различія въ pan и pana, но оно было бы достаточнымъ основаніемъ для безсознательнаго фонетическаго процесса замѣстительнаго удлиненія; о редукціи голоса въ сонорныхъ согласныхъ ср. у Sievers'а 196 с. Дѣло лишь въ томъ, что засвидѣтельствовать фактическое существованіе такихъ безголосныхъ n, r, l, j — въ польскихъ говорахъ я не могу: мое ухо не замѣчаетъ никакого различія между n формы pan и ф. pana напр. въ сважендзскомъ говорѣ. Предоставляю рѣшеніе этого вопроса изслѣдователямъ съ болѣе тонкимъ слухомъ. Возможно однако, что удлиненіе передъ r, l, n, m въ закрытомъ слогѣ представляетъ особое, независимое отъ удлиненія предъ звучными согласными, явленіе, быть можетъ болѣе раннее (напр. вызванное измѣненіемъ конечнаго ъ, ь въ ъ, ь); ср. въ сербскомъ подобное удлиненіе передъ r, l, n, m, j, r въ закрытыхъ слогахъ при отсутствіи его въ положеніи гласнаго предъ иными согласными въ закрытомъ слогѣ; очевидно имѣла значеніе самая природа этихъ согласныхъ. Но какъ бы то ни было, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различіе между bōg-bōga и bŏk-bŏka фонетическаго происхожденія, а не аналогическаго».

Въ вышеприведенныхъ строкахъ г. Кульбакинъ пытается дать теоретическое обоснованіе принимаемому имъ закону послѣ того, какъ на стр. 159 имъ сказано, что въ польскомъ языкѣ законъ удлиненія вполнѣ ясенъ въ той именно формулировкѣ, какую онъ ему даетъ, и какая мною приведена нѣсколько выше. Мнѣ кажется, что взглядъ автора на разбираемое явленіе сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, возникшихъ при сопоставленіи гипотезъ Бодуэна-де-Куртенэ и Потебни.

Авторъ, однако, не ограничивается однимъ теоретическимъ обоснованіемъ, принимаемаго имъ закона, пытаясь въ то же время дать и анализъ самого матеріала. Не могу признать, что эта вторая часть задачи выполнена имъ съ надлежащею полнотою, а бо́льшая полнота изслѣдованія по этому важному вопросу имѣетъ особое значеніе въ виду существованія двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Я долженъ признаться, что первоначально у меня сложился взглядъ на разбираемое явленіе какъ разъ подъ вліяніемъ теоріи Бодуэна-де-Куртенэ. Доводы г. Кульбакина не имѣли, однако, для меня безусловно рѣшающаго значенія, и я, можетъ быть, продолжалъ бы оставаться на прежней точкѣ зрѣнія, если бы не произвелъ самостоятельнаго разбора всѣхъ относящихся сюда случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ г. Кульбакинъ ограничивается заимствованнымъ у Лоренца перечнемъ именъ муж. рода съ носовыми гласными въ основѣ и лишь нѣсколько подробнѣе останавливается на перечисленныхъ имъ на стр. 163 прочихъ категоріяхъ.

Въ пользу гипотезы Бодуэна-де-Куртенэ, которую я принималъ съ нѣкоторыми измѣненіями, говорило, казалось мнѣ, широкое распространеніе удлиненныхъ гласныхъ въ род. мн. ч., въ производныхъ именахъ и въ причастіяхъ на ł какъ разъ въ положеніи передъ глухими согласными, а случаи этого рода извѣстны, хотя и въ сравнительно меньшемъ числѣ, также въ формѣ именит. ед. ч. муж. рода (ср. напр. powrót, stós, при stos, діалект. lós (Malinowski, Op. 16), prooch, potook, kooth, Złotkooszcz, (Semenovitsch, Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen, p. 18—19). Въ настоящее время я понимаю, почему въ послѣдней категоріи случаевъ, которая казалась мнѣ особенно важной, удлиненіе гласныхъ проникло лишь въ немногія образованія съ глухой согласной въ окончаніи, проникло, конечно, путемъ перенесенія по аналогіи отношенія, существовавшаго фонетически напр. въ Bóg-Boga, wróg-wroga и т. п. Дѣло въ томъ, что въ категоріи именъ муж. рода съ старыми основами на a° какъ разъ замѣтно стремленіе языка къ

устраненію различія въ гласной между формой им. ед. и прочими падежами, которое шло двоякимъ путемъ; или подъ вліяніемъ формъ косвеныхъ падежей въ формѣ имен. ед. являлась гласная «неудлиненная» (беру этотъ терминъ чисто въ условномъ значеніи), или, наоборотъ, гласная, существовавшая въ формѣ им. ед., проводилась по всѣмъ формамъ склоненія даннаго слова. Какъ скоро я обратилъ вниманіе на это стремленіе, прявляющееся въ народныхъ говорахъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ литературномъ нарѣчіи, для меня стало ясно, почему данная категорія случаевъ отличается отъ прочихъ категорій, гдѣ дѣйствовали иныя условія, и гдѣ въ сравнительно широкой степени произошло перенесеніе «удлиненныхъ» гласныхъ и въ такое фонетическое положеніе, въ которомъ они не были первоначально возможны. Въ самомъ дѣлѣ, ср. слѣдующіе случаи: 1) литер. dom-domu (въ извѣстныхъ народныхъ говорахъ сохраняется dum въ связи съ тѣмъ, что здѣсь всякое о въ положеніи передъ носовыми согласными перешло въ гласную u или близкую къ u), anioł-anioła слово заимствованное, (народное aniuł), koń-konia (нар. kuń-kunia), poų (Malinowski, Op. p. 16); 2) mól-móla при mól-mola, ból-bólu, zbój-zbója, ogół-ogółem; 3) примѣры, гдѣ въ основѣ была общеслав. долгота, приведены г. Кульбакинымъ въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ разсматривается исторія этой послѣдней; ср. dźáda въ Луковецкомъ говорѣ (стр. 131), сваж. vžut-vžuda, žułć-žułci, gošć-gošći (garść), которыя, конечно, аналогичны приведенному выше dźáda; г. Кульбакинъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ первому случаю, что въ основѣ перваго факта «лежитъ, вѣроятно, діалектическая форма съ удареніемъ флексіи»; о прочихъ случаяхъ онъ опредѣленно не высказывается. Замѣчу кстати, что и случаи, приведенные на стр. 131 (cásu, lása, kv′át, dz′áda, chliba, bráta), по моему мнѣнію, должны быть объясняемы только такимъ-же путемъ, какъ только что приведекные примѣры, при чемъ kv′át, извѣстное въ различныхъ говорахъ, при сваж. kv′at-kv′ata, конечно, вполнѣ аналогично такому случаю, какъ указанное выше напр. lós. Въ

виду несомнѣнныхъ случаевъ, гдѣ мы находимъ перенесеніе «удлиненной» гласной изъ формы им. въ формы косвенныхъ падежей, слѣдуетъ предпочесть даваемое мною объясненіе и тѣмъ фактамъ, гдѣ дѣло идетъ о старой общеславянской долготѣ, тому отношенію къ этимъ явленіямъ, какое мы находимъ у автора. Въ связи съ этимъ замѣчу (подробности см. *ниже*), что въ виду этого я никакъ не могу согласиться съ постановкою вопроса въ главѣ 6: «Долгота въ слогѣ послѣ ударенія». Нѣтъ никакихъ основаній на четырехъ случаяхъ, допускающихъ иное объясненіе, строить гипотезу, стоящую въ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ объ исторіи старой долготы въ польскомъ языкѣ. Правда, гипотеза принадлежитъ Лоренцу, но г. Кульбакинъ ее принимаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Итакъ, относительно судьбы долготы въ слогѣ послѣ ударенія мы должны пока довольствоваться гипотезой Лоренца, не имѣя средствъ твердо ее обосновать».

Въ предшествующихъ строкахъ я выяснилъ свою точку зрѣнія на вопросы, связанные съ явленіемъ удлиненія гласныхъ въ именахъ муж. рода съ основами на старое a°. По отношенію къ прочимъ категоріямъ случаевъ замѣчу, что здѣсь судьба этого явленія была нѣсколько иная, такъ какъ здѣсь его распространенію не мѣшали спеціальныя условія, дѣйствовавшія въ случаяхъ первой категоріи и состоявшія въ стремленіи устранить различіе между гласной въ формѣ имен. и въ формахъ прочихъ падежей (два типа: bok-boku и król-króla подѣйствовали на типъ Bóg-Boga, и этимъ парализовалось стремленіе къ обобщенію этого послѣдняго).

Въ частности относительно формы род. мн. замѣчу, что современные народные говоры вообще избѣгаютъ образованій на старое ъ, обобщивъ образованіе на ów; въ литературномъ нарѣчіи мы имѣемъ, съ одной стороны, рядъ случаевъ типа robót, съ другой стороны, случаи типа torb. Нельзя не отмѣтить, что закономѣрныя съ исторической точки зрѣнія pęt, tęcz, klęsk, ponęt, pięt (Кульбакинъ, стр. 163) за исключеніемъ klęsk встрѣчаются не часто. Равнымъ образомъ и большинство образованій

съ краткою гласною и съ старою звонкою согласною въ концѣ принадлежитъ къ рѣдко употребительнымъ, частью исключительно книжнымъ (напр. form). Во всякомъ случаѣ разсматриваемая категорія случаевъ представляетъ по отношенію къ интересующему насъ явленію совершенно другую картину, чѣмъ только что разсмотрѣнныя образованія им. ед., и причина этого несомнѣнно лежитъ въ томъ, что здѣсь не было того вліянія со стороны прочихъ падежныхъ формъ, какое мы видѣли въ именахъ м. р. на форму имен. ед. Если мы присмотримся ближе къ склоненію именъ ж. р., то найдемъ, что тутъ, какъ и въ именахъ ср. р., имѣющихъ образованіе род. мн. на старое ъ, «удлиненная гласная» стала формальною принадлежностью род. мн. безъ окончанія.

По поводу образованій неопредѣленнаго, дѣепричастія и формы 3-го л. на ą я долженъ сказать, что не принимаю попытокъ объясненія долготъ дѣлаемыхъ г. Кульбакинымъ, такъ какъ, согласно сдѣланному мною замѣчанію, для меня остается недоказаннымъ положеніе Лоренца о судьбѣ старыхъ долготъ въ слогѣ послѣ ударенія. Я, наоборотъ, думаю, что долгота въ этомъ положеніи фонетически сохранялась. Такимъ образомъ въ miesiąc-miesiąca я вижу закономѣрное отношеніе, а въ jastarząb-jastrzębia нефонетическое измѣненіе старыхъ jastrząb-jastrząbia подъ вліяніемъ отношенія типа dąb-dębu. Отсюда понятно, какъ я смотрю на старую долготу въ вышеуказанныхъ грамматическихъ категоріяхъ. По моему мнѣнію, она фонетическаго происхожденія въ положеніи послѣ ударенія, а гдѣ такихъ случаевъ было большинство, тамъ они совершенно вытѣснили фонетическія образованія (inf. на -nąć); въ 3-ьемъ л. мн. ч. долгія гласныя рано вытѣснили фонетически закономѣрную краткую носовую гласную, которую мы бы ждали въ извѣстныхъ образованіяхъ, по той причинѣ, что долгая носовая гласная стала формальною принадлежностью въ 3-мъ л. мн. ч. въ его отличіи отъ 1-го л. ед. ч.

Итакъ въ общемъ выводѣ мы не можемъ не признать того,

что г. Кульбакинъ обратилъ вниманія меньше, чѣмъ бы слѣдовало, на подробное изслѣдованіе фактовъ языка, удовлетворившись скорѣе теоретическимъ пониманіемъ закона объ удлиненіи гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, который, какъ онъ видѣлъ, вообще подтверждается фактами. Разборомъ фактовъ слѣдовало показать невозможность объясненія, предложеннаго Бодуэномъ-де-Куртенэ, и тогда уже обратиться къ теоретическому обоснованію найденнаго закона.

Въ главѣ 9-й: «Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ» разбирается вопросъ объ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Авторъ не приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ, видя въ части такихъ случаевъ, гдѣ является долгая гласная изъ старой краткой, новообразованіе по аналогіи, а въ другой части признавая м. б. фонетическое происхожденіе удлиненія (послѣднее на стр. 153). Такимъ образомъ г. Кульбакинъ допускаетъ, что подъ вліяніемъ отношенія stĕná : stĕnǫ (послѣ сокращенія нисходящей долготы) въ польскомъ и чешскомъ появилось gōrá-gŏrǫ. Далѣе, «когда въ имен. п. проникъ типъ ударенія вин. п.: вм. s̄tĕna явилось s̆tĕna и т. п. должно было исчезнуть удлиненіе и въ gōra, smōla, vōda, sēm′a. Оно и исчезло, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: въ ч. и п. voda, въ ч. hora, zemĕ». Это объясненіе мало вѣроятно. Замѣчу только, что здѣсь идетъ дѣло между прочимъ, повидимому, о чешско-польскомъ сокращеніи нисходящей долготы, тогда какъ ниже сокращеніе старыхъ долготъ подъ удареніемъ относится къ эпохѣ польской, вѣрнѣе польско-кашубской (стр. 209). Мнѣ кажется, что мы имѣемъ право говорить о фонетическихъ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ, притомъ начальныхъ двухсложныхъ словъ, какъ въ чешскомъ, такъ и въ польскомъ языкѣ. Противъ этого нисколько не свидѣтельствуетъ сама спорадичность явленія: извѣстно, что въ языкѣ наблюдается стремленіе уничтожать дифференціацію формъ склоненія и спряженія одного и того же слова, возникшую вслѣдствіе фонетическихъ

процессовъ, путемъ психическихъ процессовъ аналогіи, и что особенно устойчивыми оказываются при этомъ такія звуковыя различія, которыя находятъ себѣ поддержку въ извѣстнаго рода ассоціаціяхъ; тогда, наоборотъ, можетъ возникнуть стремленіе переносить данную звуковую особенность и на тѣ случаи, гдѣ она не могла возникнуть фонетически; ср. напр. исторію нѣмецкаго такъ называемаго Umlaut въ склоненіи именъ. Разъ въ польскомъ и въ чешскомъ языкахъ появились некраткія гласныя въ извѣстныхъ формахъ склоненія и спряженія двухсложныхъ основъ въ силу спеціальнаго закона и разъ съ этимъ звуковымъ отличіемъ данныхъ формъ отъ прочихъ формъ словоизмѣненія того же слова не связывалось различіе въ значеніи, то естественно ожидать, что данное различіе путемъ новообразованій по аналогіи исчезло за исключеніемъ какъ отдѣльныхъ случаевъ, такъ и тѣхъ случаевъ, гдѣ въ силу какихъ-либо особыхъ условій оно наоборотъ было проведено по всѣмъ формамъ словоизмѣненія даннаго слова. Не будетъ, поэтому, черезчуръ смѣлымъ предположеніе, что и въ польскомъ и чешскомъ языкахъ фонетически удлинялся краткій слогъ двухсложныхъ словъ подъ старымъ удареніемъ въ связи съ ретракціей ударенія.

Оканчивая этимъ свои замѣчанія на историческій элементъ въ отдѣлахъ, посвященныхъ фонетикѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ элементѣ въ очеркъ морфологіи сваженздскаго говора, заключающемся, какъ мы уже знаемъ, въ особой брошюрѣ. Что касается морфологіи, то историческій элементъ здѣсь представленъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ фонетикѣ, и сводится къ сравнительно краткому объясненію генезиса отдѣльныхъ формъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Не останавливаюсь поэтому на подробномъ обзорѣ этой части труда г. Кульбакина.

Итакъ мы видимъ, что въ исторической части своего труда г. Кульбакинъ затронулъ важнѣйшіе вопросы исторіи звуковъ польскаго языка. Можно съ увѣренностью сказать, что познанія автора какъ въ области польскаго языка, такъ и въ области

другихъ славянскихъ языковъ, хорошее знаніе литературы предмета, наконецъ, умѣнье владѣть методомъ изслѣдованія дѣлаютъ его работу очень интересной. Правда, какъ я отмѣтилъ выше, авторъ уклонился отъ подробнаго изслѣдованія вопросовъ: 1) о ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ и 2) объ условіяхъ сокращенія долготъ въ общеславянскомъ языкѣ, а это отразилось на конечныхъ выводахъ и результатахъ, однако, надо признать, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути и въ будущемъ, расширивъ и пополнивъ кругъ своего изслѣдованія, несомнѣнно углубитъ, расширитъ и дополнитъ основные свои выводы, быть можетъ, найдетъ достаточныя основанія для того, чтобы кое-что исправить.

Принимая во вниманіе только что сказанное, а также и то, что въ описательной части своей работы г. Кульбакинъ далъ добросовѣстный и въ общемъ довольно полный очеркъ особенностей сважендзскаго говора, что является несомнѣннымъ вкладомъ въ скудную литературу польской діалектологіи, я позволяю себѣ выразить надежду, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности найдетъ справедливымъ наградить автора преміей имени Котляревскаго и поощритъ его этимъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи и діалектологіи польскаго языка.

В. К. Поржезинскій.